

УТОМЛЕНИЕ ДУШИ 2010 год

9 января

Начинаю новую книжку дневника. Этот ежедневник (в дорогой специальной коробке) подарил мне в Переделкино ещё Шестинский. Всегда такие дорогие вещи жалко использовать. Но тут случай особый — память об Олеге Николаевиче, да помянет его Господь во Царствии Своём. Я всё серьёзнее и осознаннее начинаю ощущать нехватку общения с Олегом Шестинским. Но, похоже, Господь награждает меня новой хорошей, тёплой дружбой — с Александром Васильевичем Мюрисепом. Актёр, режиссёр, отец, талантливо пишет, преподаёт в консерватории и театральном училище. В общении открыт, доброжелателен и неравнодушен. Свои тёплые чувства ко мне выражает открыто. Шестого января я ходил в театр драмы на спектакль «Гранатовый браслет», где Александр Васильевич играет роль старого генерала (дедушку). Сам спектакль мил, добр, смотрится на одном дыхании. В зале аншлаг. Актёрский состав без каких-то особенных открытий, ровен. Но зрители аплодисментами выделили именно «генерала» и Желткова (того самого «телеграфиста», который повесился). Это два лучших попадания в роль.

Назад с Александром Васильевичем ехали вместе, в одном автобусе. Я высказал свои замечания по поводу музыкального оформления (современная итальянская музыка совершенно не к месту) и окончания спектакля (в традициях триллеров Голливуда — повторный вынос служанкой подаренного гранатового браслета), а Мюрисеп передал мне рукопись (набор на компьютере) своего гастрольного дневника 1981 года по районам и деревням Кировской области. Оказалось замечательнейшим чтением. Как открыл рукопись, так еле оторвался. На следующий день дочитал без труда и внутреннего сопротивления. Да неужели страна, внутри себя так живущая, так болезненно поражённая, не могла не рухнуть? Дневник автору обязательно надо издавать. Я и для журнала отрывочек присмотрел. Только попросил Александра Васильевича его соответственно для журнальной публикации оформить.

За праздничные дни по телефону внесли всю правку (с Натальей) в мою книгу о Шестинском «Яблоки русского сада». А я ещё написал и

окончание — «Прощание». Кстати, эта телефонная работа в три этапа потребовала почти четырёх часов.

Кажется, определился с тем, как буду писать «Алтайские заметки». Надо бы это выполнить, чтобы не обидеть Виктора Буланичева из Бийска. За это же время Климешов написал статью о моём «Последнем дне». Мы встречались в редакции седьмого числа. Но распечатать текст я пока не могу, сделаю это только после «каникул».

Все праздничные дни стоит настоящая зима — морозная, снежная. 3-его числа был в редакции, а когда вышел, то радостно ёкнуло сердце — шёл снег, пуржило, всё блестит искорками. Вспомнилось детство. И вот всё это снежное великолепие продолжается до сегодняшнего дня.

Из примечательных звонков: поздравление Рагима (телефон и СМС); Борис Лукин (СМС). Перезвонил ему. Хандрит; Любовь Ковшова — всё о предстоящих выборах нового председателя; Татьяна Борисовна Лубяко — зовёт к себе 12-го числа на семейный новогодний праздник. Обещал непременно быть. Сам им не звонил — боялся длинного разговора.

Читал в эти дни скопившиеся рукописи. Текст профессора Кутырёва страшен своим неотвратимым анализом. Дочитал роман Чугунова «Молодые». Очень осторожно высказал свои претензии. (Длинно, это большая повесть, всего две главных линии — и те бесконечные любовные переживания). Конечно, не согласился со мной, но текст уже значительно сократил после нашего разговора. Дочитал и «Смерть Визир-Мухтара» Юрия Тынянова. По-моему, довольно скучная и малоувлекательная книга. И ни одного приятного персонажа. Одно авторское раздражение.

На несколько дней приехала из Москвы Таня. Совсем она стала взрослой. Оттого похорошела по-настоящему, по-женски. Ушла ребяческая долговязость. Всё время занималась стрижкой, косметологом, стоматологом и так далее. Вот с какой тщательностью нужно за собой следить.

12 января

Был на ёлке у Лубяко. Хоть дерево и искусственное, но игрушки настоящие — трёх веков. Особенно военные. Как бережно эти две пожилые сестрёнки хранят память о своей семье и берегут друг друга. Заставили меня славить Христа. Пили чай с тортом, пирогами, закусками, конфетами и вареньем.

Домой шёл пешком. Потеплело.

Вечером по телефону внесли последнюю мелкую правку в вёрстку книги о Шестинском. В том числе и моё посвящение её Коломийцу. Вечера, за бутылкой коньяка, мы о многом переговорили. В том числе (и главным образом) о нашей дружбе. Коломиец заверил, что следующий номер «Вертикали» издадим сами, без финансирования «Родного пепелища». Но выполнит ли это обещание Алексей Маркович? Впрочем, в этой ситуации ему отступать никак нельзя — иначе крах наших отношений.

Владимир Цветков, по благословению старца, начал окатываться холодной водой из источника, что у Канавинского моста, рядом с Благовещенским монастырём. Нужно это сделать сорок раз. Ладно, хоть холода спали.

14 января

Опять звонил Липа Грузман. Пятнадцать минут ругал «верхушку» нашего Союза за то, что не дали ему премию Нижнего Новгорода. Обещает всех их расписать в очередном томе своих «Еврейских тетрадей». Он сейчас выпускает уже четвёртый, и как я понял, там, в Иерусалиме. Рецензию его на книгу Михаила Чижова об Америке Ирина Мухина в «Нижегородской правде» печатать отказалась — она сама в комиссии по премиям. Я заходил, спрашивал. Но Липа всё равно поблагодарил за хлопоты. Обещал нарисовать акварель старого Иерусалима и привезти мне в подарок. Распрощались до встречи у меня в редакции.

16 января

Мюрисеп пригласил посмотреть «На каждого мудреца довольно простоты» А.Н. Островского. Александр Васильевич играет старого дядюшку — «закопёрщика» всей истории. Спектакль идёт уже несколько лет. Играют свободно, но, как мне показалось, без вдохновения. Зал это почувствовал и в конце пьесы заскучал. Демуров, напротив, только во втором акте «разыгрался». В первом было в его роли много гротеска, водевильного. А вот Глумов у них совсем молод и неинтересен. Что тут виной — неопытность актёра. Ведь сам образ даёт возможность использовать широкую психологическую палитру.

После спектакля встретились в гримёрке у Александра Васильевича и домой поехали вместе. Передал ему для чтения пьесу Чугунова «Молодые».

21 — 23 января, москва

Еду на поезде. С Курского — сразу к Полеванову на Новокузнецкую. Забрал у Владимира Павловича «путевые заметки» о Таити, фотографии, послушался рассказов об экзотике. Далее пешком в «Литературную газету» на встречу с Шемшученко. Эти дни мы с Володей будем вместе. К тому же, хоть и по отдельности, но оба устроились в гостинице «Мотор Сич».

Юбилейный вечер в Малом театре. «Литературка» отмечает 180-летие. Я здесь впервые. Зал (зрительный) не велик, удобен. Отовсюду сцена видна замечательно. Пришло много известных литераторов от противоположных лагерей. Сразу за мной, например, сидел Генрих Боровик. А с приветствиями выступили Андрей Дементьев и Валентин Распутин. К сожалению, Валентин Григорьевич говорил плохо — болезненно-косноязычно. И я няял — как и Василий Белов, больше он уже ничего не напишет. Горько. Но — время. А концерт получился совсем неплохой и неутомительный.

На следующий день вначале поехали к писателю Сергею Николаевичу Семанову. С ним знаком Шемшученко. Квартира в центре Москвы, метро «Киевская». Кабинет — просто музей холодного и огнестрельного оружия (старинные пистолеты, револьверы, маузер, автомат ППШ...), царских и советских наград. Но поговорили немного, по-деловому, и хозяин нас «выпроводил» в «Наш современник» за свежим номером журнала. Там его статья.

В редакции один Александр Иванович Казинцев. Я наконец-то забрал авторские номера со своей публикацией. Далее «День литературы». Застали Владимира Бондаренко. До самого вечера пили сухое вино и говорили о «литературных делах». Вместе же поехали в «Дом национальностей» на продолжение юбилея «Литературки».

Здесь всё показалось утомительным. Чувствовал себя не в своей тарелке. Но Володя подвёл к зам. главному редактору Колпакову, познакомил и напомнил тому о моём собкорстве. Получили заверения, что в феврале вопрос будет решён.

Проводил Володю на поезд. С Ленинградского вокзала поехал на Сокол в гостиницу и, по-моему, ночевал там один. Никого более слышно не было. Да и на следующее утро уйти пришлось рано. На выходные гостиница закрывалась.

Мороз. Пешком прошёл до метро «Аэропорт». Подошёл к дому Коди́на — поздоровался с Михаилом Ивановичем, отдал долг памяти. Хоть так, раз не был на его могиле.

25 января

От Ларионова пришла бандероль с журналами. Последний номер «Слова» за этот год. А возможно, что и вообще последний — так Арсений Васильевич написал в сопроводительной записке. На обложке и внутри — Юрий Адрианов. Договорились с Натальей, что вечером привезу.

Кроме меня у неё в гостях были Николай Машков (фотограф) и Вячеслав Фёдоров (журналист). Оба ленсменовцы. Поначау разговор не очень

клеился — разные взгляды, интересы. Но потом всё выправилось, но без внутренней заинтересованности, тепла. Выпили всю водку и вино. Фотографировались.

26 января

Правление. Вопрос о выборе нового председателя. В итоге прошло моё предложение — Коломиец. Поднял я вопрос и о задачах Союза. Конечно, горячился. Опять полное непонимание. По их представлениям (Карпенко, Рябов) у Союза писателей (местного) задача одна — бесконечный приём новых членов и встреча в литобъединениях.

28 января

На сотовый позвонил Николай Анатольевич Бенедиктов — доктор философских наук, профессор университета, бывший депутат Госдумы от фракции КПРФ — и попросил о встрече. Встретились у меня. Пришёл Цветков. Бенедиктов хочет издать у нас книгу. Он читал мои публикации. Сам из рода священников (несколько поколений), среди которых несколько, как новомученики, причислены к сонму святых. Говорили о России, вере, истории. Многое во взглядах совпадает. Обменялись и книгами. Думаю, наше общение продолжится.

И сегодня же пришло большущее письмо от Сергея Чепрова из Бийска по поводу «Последнего поклона». Видимо, надо было мне дожить до этого, чтобы услышать такие оценки о своих произведениях. Неужели правда. Вот и «Литературную газету» сегодня купи. Ольга Шатохина тоже даёт высокую оценку книге. Спасибо им всем.

29 января

Навестил меня Мюрисеп. Наши разговоры становятся всё более откровенными и доверительными. Александр Васильевич поведал и о своих обидах на Табачникова (в частности, о том, как тот повёл себя во время перехода четы Мюрисепов из Кировского театра в наш театр драмы), и о взаимоотношениях с Гергием Демуровым. («Гера не простой человек»). Завистливость и интриганство в театре развиты ничуть не меньше, чем в среде писательской.

Читаю рукопись «Матушек» отца Владимира Чугунова.

3 февраля

Лубяки очень попросили прийти к ним. Зашёл. На этот раз больше вспоминали школу. Уговаривали: «приведи к нам Занogu». Это после прочтения очерка «И просто — жить». А Володя как раз звонил мне днём. Хочет завтра прийти ко мне за журналами и встретиться с Коломийцем. Пообещал сёстрам передать художнику их предложение. Раз уж мы сегодня явились вместе во сне Людмиле Борисовне.

4 февраля

«Гамлет. Принц датский». Перевод Бориса Пастернака. В нашей драме. Спектакль идёт в последний раз. Он и раньше-то шёл один раз в год. Мюрисеп в роли Полония. Новая фактура в игре Александра Васильевича. Спектакль, конечно, современный, «модерновый». Любопытен Блохин в роли Короля. Гамлет как-то не вдохновил (всё тот же кричащий, длинноволосый). Валерий Никитин в двух ролях — тени отца («минус») и могильщика (тут он хорош). Вообще в спектакль я «входил» с неким сопротивлением. Да и артисты играли скучно, без азарта. Но довели всё на приличном уровне. Уходил из театра без разочарования.

5 февраля

Незаметно, а так и втянулся в работу над 29-м выпуском «Вертикали». Первые материалы уже в вёрстке. Но и их ужимаю. Хочу больше дать разных авторов.

Звонил Чугунов. Похоже, что так и придётся мне писать статью о «Молодых». Впрочем, буду это делать без внутреннего сопротивления. Произведение-то хорошее.

Михаил Попов из Архангельска прислал свою новую книгу прозы. Надо обязательно её прочитать и как-то откликнуться.

Ненадолго заглядывал Мюрисеп. Делились впечатлениями от «Гамлета». Александр Васильевич рассказывал историю этой постановки и о муках Демурова со стихотворным текстом (они на замену играли Полония). Я передал копию своего очерка об Адрианове («Хорошие люди в плохие времена») из «Слова». Пусть узнает мои оценки некоторых местных деятелей. Эта шобла всё никак не успокоится, продолжает виться вокруг моего имени, интриговать. Позвонившая Наталья Адрианова поведала о своём разговоре с Цирульниковым. Да ладно — наплевать.

8 февраля

Правление Литфонда. Подготовка к отчётному собранию. Я предложил объявить благодарность Хромову и Карпенко. Но запись делаю не ради этой новости. Рябов объявил — Володя Жильцов в больнице с переломом шейки бедра. Случилось в Кстове. Его доклада на общем собрании не будет.

10 февраля

Закончил рецензию на последний роман Чугунова (в общих чертах). Отослал ему. К Коломийцу приехал Пашков (вечером). Посидел с ними. К сожалению, теперь Александр — чужой человек. О Мюрисепе и Никитине отзывался очень плохо. Но главное, во всём остальном, в наших отношениях, всё утеряно. Жалко.

11 февраля

Лубяко звали на блины меня с Заногой. Но тот в последний момент закапризничал, и я взял с собой Цветкова. Володя подарил сёстрам свою книгу о Маяковском «Цена любви — смерть». В этот раз много говорили о вере, церкви. Блины, которые напекла Татьяна Борисовна, были отменными. Расстались сердечно. Теперь уже до Пасхальных дней.

12 февраля

Геннадий Красников презентовал антологию поэзии двадцать первого века в областной библиотеке. Он её составитель. Я совершенно не собирался туда идти, но позвонила Любовь Ковшова, предложила встретиться и обсудить завтрашние выборы.

Наш разговор так и не состоялся, после окончания встречи я её не дождался. Что же касается антологии, то, что читал сам Красников, было скучно и неинтересно — плоско, плакатно. Хотя наверняка в книгу вошло много хороших стихов.

13 февраля

Перевыборное собрание Союза писателей вынужден проводить в Литературном музее М. Горького. Пришло пятьдесят четыре члена Союза. Много. Я такого не ожидал. Но зал удобный. Даже чай с пирогами организовали. Главная интрига — выборы нового председателя и новый состав правления.

О всех перипетиях собрания писать неинтересно, да и удовольствия никакого. Я резко выступил по творческому состоянию Союза, и по организационной работе правления. «Прошёлся» по Жильцову и Рябову. Последнего практически обвинил в воровстве денег со счёта Союза. Олег, а он сидел впереди меня, буквально тряся, начал меня убеждать, что деньги украл и пропил Жильцов. Чему я мало верю — без разрешения Рябова он и чихнуть-то не смел.

Оказывается, у них был заготовлен состав нового правления, который зачитал Рябов. Так и сказал: «Вот состав моего правления». Видимо считал, что выборы его председателем — вопрос решённый. Там меня, конечно же, не оказалось. Но сразу несколько человек выкрикнули мою фамилию, и её вписали в бюллетень для голосования. В итоге не прошли именно Рябов, Цирульников и так далее. На заседании нового правления меня вновь избрали заместителем (сопредседателем) вместе с Шамшуриным. Председателем — Александра Ломтева из Сарова.

На этом же собрании в Союз приняли Чугунова и Сатурскую — абсолютным большинством. И того, и другую рекомендовал (выступал дважды — отдельно по каждой кандидатуре) — я. Затем отметили это в «Бригантине». Зашли и в номер к Ковшовой — Люба настойчиво меня приглашала на разговор. Пошли всей компанией — Климешов, Марахтанов, Высоцкий, Чугунов. Там уже сидел Фигарев.

14 февраля. прощёное воскресенье

Володя Занюга прислал сообщение на телефон. «Прости Христа ради». Я тут же ответил. Слава Богу — примирились. А то из-за глупости могли разойтись. Господь уберёт.

Из многих звонков выделю три. Наташа Адрианова передала свой телефонный разговор с А.М. Цирульниковым. Олег Рябов грозит создать свой городской Союз. Вряд ли. Серёжа Щербаков — светлая душа — поздравлял с праздником. «Простили» друг друга и долго говорили о жизни нашей творческой. Нина Ивановна Сизова — тоже с поздравлениями и с впечатлениями о прошедшем собрании (это наш куратор в министерстве культуры). Конечно, шобла Жильцова оставила по себе скверную память. Но я высказал надежду, что теперь мы дело исправим. Люди в правлении адекватные, самостоятельные. Думаю, что Шамшурин с Чижовым нам помехой не будут. Что же касается нового председателя — это лошадка «тёмная». Но ведь и я уже буду вести себя по-иному, твёрже.

Конечно, жаль, что не прошёл Коломиец.

17 февраля

Долго откладывал этот звонок Нине Николаевне Шестинской. Предчувствовал недоброе. Но сегодня позвонил. Говорила со мной сухо. Обвинила в том, что не пришёл на вечер памяти Шестинского в Некрасовскую библиотеку. Это разрыв. Жаль. Ещё одна потеря.

18 февраля

Простыл. Традиционно решил один день отлежаться дома — читаю, принимаю звонки. Закончил роман Джека Лондона «Время не ждёт». Неожиданно для себя в конце книги «столкнулся со своей историей» — герой отказывается от денег ради любви и нормальной жизни, в которой он может заниматься любимым делом. Я отказался ради литературы. Прочитал рукопись — статью Сергея Семанова «Природные границы государства Российского» (он её мне передал в Москве у себя в квартире) и поэму Николая Перяеслова «Пяточка матушки Матроны» (прислал по электронной почте). Для журнала ничего не подходит. Технически исполнено неубедительно, даже небрежно.

Из звонков: Пафнутьев напоминает о приглашении на день рождения его второй половины. Очень не хотелось идти, и простуда хороший повод для необходимого отказа. А вот Мюрисеп ждал меня на презентации в областной библиотеке. Расстроился.

Серёжа Филатов из Бийска попросил восстановить две строчки в стихах кузбассцев. Я ему вчера отправил вёрстку, а он её переправил авторам в Кемерово. А убрал я эти строчки сознательно, они лишние и написаны коряво.

Чугунов весь в работе над новым романом. Сам восхищается и сюжетом, и образами, и тем, что «ничего подобного в русской литературе не было». Мне бы такую уверенность в себе.

Да, забыл о звонке Наташи Адриановой. Она воюет с Союзом журналистов по поводу их видения установки памятника на могиле Юрия Андреевича. Сколько же вокруг нас хамства, нетерпения. Кажется, недавно только закончилась эпопея с мемориальной доской, и вот вновь всё повторяется. И ещё Наташа хочет обратиться в правление Союза о ликвидации комиссии по литературному наследию Адрианова. Толку от этой комиссии никакого, а пусть и формально, но возглавляет её Рябов. Думаю, этот шаг правильный.

25 февраля

Правление в новом составе. Проводим в большом зале, заваленном старой мебелью, коробками, сломанными стульями. Вокруг грязь, мусор — одним словом, разруха. Ну, не символично ли?

В финансовых документах полный бардак. Новый председатель требует аудиторской проверки. Поездка его с Шамшуриным к Жильцову ничего не дала. Всё валит на Шкуркина и Рябова. Те наоборот.

Решили, кого выдвинуть по прозе на Болдинскую премию — меня с «Последним днём» и Марахтанова с романом в «Севере». А там уж кого выберет комиссия.

Я вновь попытался сделать «Вертикаль» общеписательским журналом, но сразу же о своём предложении пожалел. И Валера Киселёв удивился — зачем тебе это надо? Всё мой идеализм, желание послужить литературе. А они-то к этому готовы ли?

Звонок из типографии. Готова книга о Шестинском. Этого я ждал так, как уже давно не ждал предыдущих книг.

27 февраля

Приехал Лукин. Бегаёт по своим делам.

Вечером Чугунов — читает «Яблоки русского сада» и делает в книге какие-то пометки. Хочет о ней писать. Эта книга на него произвела впечатление. Как-то она соотносится и с тем, что говорил ему Олег Николаевич на исповеди. Как — не сказал. Мне такой отзыв приятен.

Звонила Нина Ивановна Жданова. Благодарила за публикацию её акварелей на обложке. А я сказал, какой она замечательный, тонкий, одухотворённый художник. И что её акварели очень ценю. Договорились, что она заедет ко мне и я подарю ей другие выпуски «Вертикали».

2 марта

Вчера утром позвонил Юрин — в больнице умер Володя Жильцов. Уже к середине дня стало известно, что хоронить будут из Дома актёра.

Из Сарова, из газеты «Саровская пустынь» пришли вопросы для интервью.

Заезжал Мюрисеп. Впрочем, ненадолго. Мой очерк об Адрианове в «Слове» они с женой прочитали и оценили. Отдал Александру Васильевичу рукопись его статьи для правки.

Закончили вечер с Лукиным — в редакции «Вертикали», в рюмочной (в Кремле), у меня дома. Сегодня утром он уехал и с дороги прислал сообщение, что в Минском журнале напечатан мой рассказ. Я ещё и не знаю, какой.

Впервые что-то переламываю в себе, чтобы идти на похороны. А не идти нельзя. К тому же после похорон хотят собрать правление по срочным вопросам. И не в обиду или ещё в чём-то объяснимом тут дело. Но... как важно вести себя порядочно в земной жизни, как важно оставить о себе достойную память. Прости меня, Господи! Прости!

Продолжаю работать над новеллами о детях и природе для возможной детской книги. Пока расшифровываю тексты после сканирования.

Чугунов сообщил, что ему вновь несколько раз звонил Чуянов и восторгался моей книгой «Яблоки русского сада». Мне это приятно, но я и сам почувствовал по её завершению, что она удалась. Много откровенного и важного, серьёзного вобрала она в себя.

3 марта

Хоронили Жильцова на Сормовском кладбище. Там же, где своих хоронил Пашков. Поминки в столовой машиностроительного завода. Перед этим заехал к себе на короткое время. Прочитал электронное письмо из Атланты. Геннадий Петров хвалит 28-й выпуск — отдельно высказывается по каждой публикации. Очень приятный отзыв. И именно своим неравнодушием, заинтересованностью. В этом же письме о том, что в журнале «На любителя» вышла моя повесть. Видимо, «Сезон».

10 марта

На правлении говорил о своих предложениях по творческому совету. Распечатал их на бумаге. В ответ полное непонимание — будто говорим на разных языках. Опять о выступлениях в школах, юбилеях писателей... Вновь всё чужое. Что я среди них делаю — не пойму. А может быть, дело во мне? Я как-то не так понимаю, чем должны заниматься литераторы.

Вечером позвонил Чугунов и размягчил сердце. Так мне хорошо было во время нашего разговора. Он ездил соборовать старушек из окрестных деревень. Вот бы написать ему книгу воспоминаний о том, как начинал служить, с какими людьми столкнулся — об этой «Руси уходящей». Замечательная бы получилась книга. о. Владимир писатель талантливый — и поуморил бы, и характеры нарисовал, и типы людей прошлого передал.

15 марта

Во всех моих делах какая-то пауза. От этого на душе не то что тосливо или тревожно, но не уютно. Телефон молчит. Почты нет. Правда, звонил вчера Шемшученко, зовёт с «Литературной газетой» в Калининград на празднование 65-летия взятия Кенигсберга. А перед этим погостить у него пару дней в Питере. Да не знаю, как быть. Наверное, не решусь. Всё выпадает на страстную неделю.

Макет «В-29» почти готов. Я туда ставлю сокращённый вариант нашей переписки с Шестинским.

18 марта

Макет журнала готов. Вечером по телефону с Натальей внесли последние правки. Вообще. Вся работа на этот раз сделали, ни разу лично не встречаясь — по электронной почте и телефону.

20 марта

Вчера вновь звонил Шемшученко, а сегодня прислал письмо по электронной почте. Зовёт к себе в Питер и убеждает ехать с «Литературной газетой» в Калининград. Я, наконец, сдался и позвонил ему, сообщил о своём согласии. К тому же, в этом меня горячо поддержал и Цветков. Владимир Георгиевич убеждён — ехать надо.

У Чугунова вышла книга. Внешне роман оформлен удачно. В таком виде и следует переиздать все его книги. Когда о. Владимир звонил по макету «В-29» (Наталья Менжакина его ему отправила), то я вынужден был сказать, что тексты Данчука «не журнальные». Из всей его книги, ради её представления, следовало бы дать несколько отрывков страниц на десять-пятнадцать — и всё. Мы же развели канитель, столько журнальной площади «убили». Чугунов промолчал. Видимо, будет думать. Надеюсь на это. А вообще, он весь в думах о новом романе и об организации презентации новой книги.

Звонил Лукину. Без всякой нужды. Поздравить Бориса с окончанием главной вёрстки его книги. Думаю, правки незначительные ещё будут, но это не очень важно. Главная работа наконец-то завершена. Вообще, работает он сумбурно. Сообщил мне Борис, что Нина Николаевна Шестинская прочитала мою книгу «Яблоки русского сада» (оперативно он её передал — на него это даже не похоже), звонила ему и чуть ли не со слезами благодарила. Хочет мне звонить или писать — я так и не понял. Да только во мне всё остыло. Особенно после обвинений в том, что не был на вечере памяти в Некрасовской библиотеке. Это этап пройденный.

21 марта

Когда позвонил Володя Заного, я внутренне обрадовался. Наша нелепая «телефонная» размовка меня тяготила. Но, кажется, всё позади. Он спрашивал о кончине Жильцова. Я, что знал, рассказал (со слов Е.И. Галкина, бывшего у него в больнице перед самой неожиданной смертью). Посетовали на сегодняшнюю самоубийственную социальную политику властей — оккупационную, грабительскую политику. Поделались впечатлениями об акварелях Нины Ждановой. Расстались тепло.

Второй день запоем читаю Владимира Лакшина о «Новом мире» и А.Т. Твардовском (эпопея с «Одним днём Ивана Денисовича» А.И. Солженицына). Нашёл эту публикацию в старых журналах «Знамя» за 1990 год. Если бы они знали, наши либерально мыслящие писатели, что их ждёт в 90-х и 2000-х годах! Все эти уговоры в ЦК КПСС что-то убрать из статей и журналов теперь просто смешны. И это «жёсткое администрирование»? Они себе представить не могли, каким может быть убийственным финансовое администрирование. А ведь уже и тогда (эпизод из дневников) в Европе ежеквартальный литературный журнал Лиги европейских писателей (?) издавал один человек. Это против двадцати девяти сотрудников (платных) «Нового мира». И то последние считали, что их очень мало, нужен большой штат.

На сотовый позвонил Климешов и почти полчаса говорил о том, что в Нижнем нет писателей. Возмущался какой-то передачей С.П. Чуянова. Я поддался на эту провокацию, потрепал себе сердце, упрекнул наше поколение, что не взяли литературную власть, а отдали её следующим по пятам графоманам. И всё из-за того, что «лишь бы не стал председателем Сдобняков» — из-за зависти. Вот теперь и пожинайте то, что заслужили. Но затем опомнился, замолчал. Всё это пустые, ничёмные разговоры. Не оглядываясь ни на кого (а я так и поступаю), надо делать своё дело. Всё остальное чепуха и мишура.

А роман Юры Марахтанова он зря так ругает. Жаль, что публикация в «Севере» (очень большая) самому Юрию, похоже, радости не доставила. Его бесконечное самолюбие не даёт насладиться добрым чувством даже от очевидной жизненной удачи. Мне искренне от этого Юрия жаль.

22 марта

Утром, по дороге домой (с работы — был сторожем), в автобусе умер Саша Кравченко. Упокой, Господи, душу раба твоего Александра!

Сегодня же не стало Валентины Толкуновой. Телевидение достойно прощается с певицей. Я тоже вспомнил встречу с «легендой советской эстрады».

Пришло «примирительное» (а лучше даже сказать «прощающее») письмо от Н. Шестинской. Ответил на него сразу. Без сюсюканья. Высказав и свои претензии.

А утром ездил в гараж, сбрасывал с крыши снег, которого оказалось очень мало.

Совсем поздно ходил на вокзал, покупал билеты в Питер и Калининград. Всё, теперь отступить уже нельзя.

23 марта

Вечер, посвящённый 75-летию Виктора Кирилловича Кумакшева в областной библиотеке. Организовал Олег Рябов. Он же издал маленький сборник избранных стихов поэта. Хорошее слово сказали В.В. Половинкин, С.П. Чуянов (зачитал письма Сельвинского Кумакшеву), Наташа Адрианова (стихи, посвящённые Юрием Андреевичем ему же), Ким Шихов (в 60-е годы был создан в городе совет творческой молодёжи из пятнадцати человек — впоследствии двенадцать человек стали почётными гражданами города и области). А я подумал — потому и бардак в нашем Союзе, потому и такой низкий его авторитет, что попытались отказаться от своей истории, вычеркнуть из памяти предшественников. В итоге — нас самих забыли. И никому мы стали не нужны.

В зале были только наши, из «старых» и никого из новоявленных, вообще из посторонних, со стороны.

28 марта — 5 апреля. Санкт-Петербург — Калининград — Москва

В Питер отправился на нашем поезде «Волга». В вагоне дочитывал опубликованные в «Знамени» (перестроечном) воспоминания Константин Симонова о И.В. Сталине «Глазами человека моего поколения». Знания вождя в литературе были на уровне серьёзного критика. Он прочитывал больше произведений, чем члены комиссии по Сталинским премиям.

Питер встретил серой и дождливой погодой. Раньше хотел по городу прогуляться до поездки во Всеволожск, но теперь отказался от этой идеи. В метро добрался до «Ладожской», и здесь меня застал звонок Тани. Говорит, что она жива и с ней ничего не произошло. А я понять никак не могу — о чём это она. «Ты что, ничего не знаешь? В Москве взрывы в метро на станциях «Лубянка» и «Парк культуры». Много убитых и раненых». После подробности я узнал уже из телевизионных репортажей в доме Шемшученко, который по какому-то наитию нашёл сразу, не плутая. На ночлег меня определили в рабочий кабинет Владимира. И это хорошо — перед сном перебирал и листал книги у него на полках. Вечером приезжал Виталий Розе. Поужинали с малой дозой коньяка и пивом. Виталий весь в своей монархической идее. Говорить может только об этом.

30.03. С Володей в городе. Зашли в редакцию журнала «Нева». Отличное помещение в центре города, недалеко от Дворцовой площади во дворах. И редактор Гранцева доброжелательна, попросила для ознакомления «Вертикаль» и подарила свой сборник стихов. Издаются за счёт государственных грантов.

Погода разгулялась, потеплело. Прошлись вдоль Мойки, заглянули во дворик Пушкинского музея-квартиры, в Казанском соборе приложились к уудотворному образу Богородицы. Там же и копия Туринской плащаницы.

Недолго были в книжной лавке. Сюда бы следовало выставить «Вертикаль», да и книгу о Шестинском.

На обратном пути погостили у друга Володи — баня, бильярд.

31.03. Расстаёмся до Калининграда. Я добираюсь с пачкой журналов «Всерусский собор» до Витебского вокзала. Там сажусь на поезд. Приходится заполнять литовскую анкету, а затем получать транзитную визу от консула. Впрочем, всё это в поезде и без всяких хлопот. В вагоне едет большая группа школьников. Возвращаются домой из туристической поездки. Шумновато, но это не раздражает. За окном промышленные окраины Питера. Грязь на дорогах. Неопрятные сугробы снега. Но проснувшись ночью, вижу чистое и звёздное небо. И островки снега под лунным светом только кое-где светятся голубым размытым светом.

01.04. Проснулся поздно. Едем по Белоруссии. О снеге нет даже упоминаний. Почему-то вспомнился дом Шемшученко, в котором мирно живут три кошки, собака, попугай, черепаха, хомячки и хозяйева, не вышающие друг на друга голоса, хотя дочке не очень хочется учить уро-

ки (она занимается музыкой), а сын вот-вот пойдёт в армию, и по этому поводу мама (Марина), наслушавшись всяких страхов, очень переживает.

Проходим белорусскую таможеню. В паспорте штамп. Въезжаем на территорию Литвы. Граница оборудована забором из металлической сетки, прожекторами и видеокамерами. Пограничники ставят штампы на листок их временной визы. Через несколько часов всё повторится вновь. Хамства с их стороны нет, но нет и доброжелательности. Отлично говорят по-русски, как и во времена СССР. А ведь это уже другое молодое поколение. Вот что значит влияние большого соседа.

В Литве я впервые. Удивляюсь холмистости (почти гористости) территории, по которой проезжаем. И много леса. Вильнюс расположен в распадке и густо окружен сосновым бором. Мы едем по вершине холма, обходя город слева. Прямо скажем — он не велик, но впечатление оставляет приятное. Кажется, чист и аккуратен. Некоторое время, в специально огороженном пути, наш поезд простоял у вильнюсского вокзала.

Впечатления: поля и вообще промышленность не производят «живого» вида. Работа идёт только вдоль железной дороги. Похоже, расширяют пути, по которым идут поезда с русскими вагонами. Других я не видел. Зарабатывают за счёт транзита. А своё-то где?

Но вот и наш калининградский анклав. Неприглядно. Запустение на полях. Какие-то брошенные производственные корпуса, дома у дороги, которые окружают старые яблони. Ушли люди, почувствовали свою ненужность. Сосед едет в Балтийск к дочери, у которой два сына уехали учиться, а теперь и работают, в Россию. Возвращаться не хотят. Не хотят себя чувствовать оторванными от основной страны. Похоже — это настоящая проблема, которой мы, живущие на коренной земле, не ощущаем и не понимаем.

За окном ещё на голых деревьях уже распустились буйной зеленью какие-то большие зелёные шары. Ясно, что это паразиты. Но как их много. Вся калининградская земля заражена ими. Некоторые деревья (только лиственные) просто увешаны ими. Всё это в изобилии я потом увижу и в самом городе.

На вокзале встретил Володя Шемшученко со своим другом — организатором форума. Неожиданно. Я думал, будет кто-то другой. Они приехали сразу из аэропорта. Колпаков, зам. главного редактора «Литературной газеты» не прилетел. Так что я оказался как никогда кстати. Думаю, Володя это предвидел, и потому, как умный человек, всё рассчитал правильно.

Поселили в удобном номере. Поужинали в баре с пивом.

02.04. Открытие конференции. Сразу же спор по историческим вопросам касательно ВОВ, Варшавского восстания, роли Сталина и так далее. Мы с Шемшученко оказались во «вражеском стане», но вели себя наступательно и своих позиций не сдали. Оказалось, что писатели (и местные классики, и молодые) представлены Союзом российских писателей. Отсюда и заданность их позиции. Впрочем, как и нашей — противоположной. После обеда я веду секцию прозы.

Вечером иду гулять один по городу. И вижу, что он довольно грязен и неухожен. Сделал приличный круг — прошёл к собору «на острове», побывал у могилы Канта, в стилизованном старом городе (кажется, это место называли «рыбный рынок»), на стрелке слияния рек, где высится памятник какому-то святителю, прошёл мимо корпуса университета имени Канта, по мосту через озеро.

03.04. Опять секция прозы. Приехавшие из Москвы авторы (все прошли филатовские семинары в Липках) циничны и бездарны. Люто ненавидят Советский Союз. Всё это отражается у них и в отношении к современной России. Ну, например: «В СССР вообще не было литературы. Нечего читать...»

Этой своей глубокой зомбированностью и закомплексованностью они вызывают отталкивающее чувство. Но — не пьют, не курят, употребляют только зелёный чай. Они и в этом все одинаковые, искусственные.

Творческий вечер (концерт) у Шемшученко концерт в одном из частных домов. Слушаю с интересом. В отличие от меня собравшаяся публика просто в восторге. Это мне радостно. Заканчивается всё чаем за круглым столом. Едем назад в гостиницу. Дороги (многие) выложены брусчаткой — служат с немецких времён. На центральной площади — новый высокий кафедральный собор и высокий гранитный (?) столб. Из-за этого площадь в народе уже называют неблагозвучно. Остались в городе и целые улицы прежних бюргерских особнячков. Рядом строятся новые, но в подражание старой архитектуре.

04.04. В аэропорту вновь расстаёмся с Шемшученко. В Москву летим почти одновременно, но разными рейсами — он в Шереметьево, я во Внуково, откуда впервые еду на экспрессе до Киевского железнодорожного вокзала. С Володей встречаемся в здании Ленинградского. Но на ночь вновь расстаёмся. Он ночует у Переяслова, я у Лукина.

05.04. В Москве моросит дождь. Этого только не хватало. Встречаемся возле Литинститута. В книжном магазине «Москва» на Тверской наконец-то покупаю номер «Книжного обозрения» с рецензией на мою книгу «Последний день» Михаила Попова. Настроение улучшается. Но с Володей вновь разъезжаемся в разные стороны. Он к писателю Семанову, я в книжную лавку Литинститута. Хотел выяснить судьбу отосланных мною на реализацию книг, да так и не дождался хозяина. Но ни своих книг, ни «Вертикали» на полках не нашёл.

В Чебуречной возле «Литературной газеты» опять «соединились» с Шемшученко. В редакции уладил несколько своих мелких вопросов, а Володя всё решил по моему собкорству. Даже и удостоверение выдали.

Последнее посещение перед отъездом в Нижний — Союз писателей. Повидался там с Шуртаковым. Вот даёт. Семён Иванович собирается ехать в Сергач, затем в Нижний. Множество планов.

Возвращаюсь Кировским поездом. Окончательно распрощались с Володей в метро на Ярославском. И как-то пусто, одиноко стало на сердце.

Вагон с креслами, почти пустой. Сидел и читал то в одном его конце, то в другом. И казалось, что дома уже не был целую вечность.

10 апреля

В Литературном музее Горького Наталья Адрианова представляет книгу Юрия Андреевича, посвящённую Дню Победе («Память огненной поры»). Из слушателей — только несколько старых нижегородцев. Правда, пришёл Николай Мидов. Мы с ним и сидели. Наташа много читала стихов и даже отрывки из детского (1946 года) дневника поэта. Жаль, что не включила их в книгу. Попросила меня сказать несколько слов, при этом объявила о моём собкорстве. Это произвело некий эффект.

После гуляли с Николаем Павловичем. И так хорошо говорили о вере! Удивительный он человек.

15 апреля

Занogu привёл к Лубяко. Пробыли у сестёр два часа. На этот раз смотрели две книги-альбома, вышедшие к пятидесятилетию одного из Нобелей в начале двадцатого века. Издания богатые, с золотым обрезом. В них помещены тексты поздравлений и адресов, фотографии особо ценных подарков, фотографии дома (Московского?) Нобелей, их заводов и прочее, прочее.

18 апреля. Городец

Краеведческий музей устроил представление романа «Молодые» Чугунова. Вернее — читательскую конференцию. Выступали старушки — местная интеллигенция. В основном «давили» на «воспитательное значе-

ние для молодёжи» этого произведения. Из приглашённых я и Чуянов. Тоже пришлось что-то говорить. Зачитала своё выступление Ольга Данчук. Удивительно, как по многим оценкам у нас совпали мнения. (Имею в виду свою статью в «Дне литературы».)

Застолья в музее и Николопогосте.

20 апреля

Не запомню, с какой попытки, но сегодня встретились у меня с Мюрисепом. Александр Васильевич принёс исправления в свою статью. Долго разговаривали о театре и околотеатральных проблемах. И там хватает людей со своими страстями и мелкими амбициями. Все дерутся за крошки, остающиеся от пирога прожитой жизни, совместного труда.

23 апреля

В драме вместе с Ириной смотрели «Доходное место» Островского (премьера). Пригласил Мюрисеп. Играл второй состав. Но весь очень хорош. Акакий Акакиевич в исполнении Мюрисепа мудр, философичен, но и циничен. В спектакле это, пожалуй, центральная фигура. Но нравоучительные, обращённые к современности, сцены второго акта затянуты и довольно быстро залу надоедают. Оттого аплодисменты в конце спектакля были ровными (никого не выделили из актёров) и непродолжительными. Правда, меня удивил Фильшин в роли генерала. Я привык его видеть в крохотных второстепенных ролях, совершенно невыразительных. И вдруг тут такой характер. Так всё органично, логично в эмоциях. Это безусловная удача актёра и режиссёрское попадание.

В целом же режиссура спектакля слаба. Некоторые сцены (например, приход Акакия Акакиевича в гости к девицам) просто выпадают. Зато другая сцена Мюрисепа (в трактире) сделана актёром «с характером», даже жёстко. Хороша!

Готовил «победный» номер «Вертикали». Искал фотографию с Цветновым и нашёл, где они вместе с Проимным. Ну, что тут поделать. Решил срочно подготовить статью о Константине Даниловиче. Всё откладывал, а тут уж некуда деться — самое время. У меня получился блок из трёх статей о писателях-фронтовиках: Цветнов, Шуртаков, Проимин. Великоват, конечно, зато достойно помянем и отметим их.

28 апреля

Пять дней в Нижнем был Лукин. Получил свою книгу «Поединок» в типографии «Растр», работал над макетом антологии прозы. Мы несколько раз встречались. Сегодня он уехал.

Правление. Наташа Адрианова пришла и зачитала вслух письмо по поводу изменения состава комиссии по литературному наследию Юрия Андреевича. Меня предложила председателем. Проголосовали единогласно. Ещё один вопрос — кого из иногородних гостей пригласить в Болдино на пушкинский праздник. Я записал Шемшученко.

Заседали всё в той же разрухе. Угнетающее впечатление производит нас Союз. Мертвячиной несёт от него.

29 апреля

На сотовый позвонил Анатолий Аврутин из Минска. Сказал, что моя повесть принята читателями хорошо. И вообще, оказался приятным собеседником. Договорились сотрудничать и друг с другом, и журналами. Я хоть и пообещал, что его стихи напечатаю у себя летом, но в итоге решил в ближайшем номере заменить кузбассцев на минчанина. Так он мне оказался приятен.

1 мая

Звонили и поздравляли Рагим (Дербент) и Сергей Чепров (Бийск). Тепло на душе от их звонков.

Закончил писать свои Калининградские записки. Наконец-то! Рад и этому — справился.

3 мая

Хорошо продвигается работа над «Алтайскими записками». Теперь уже понятно, что закончу, доведу эту работу до конца.

Читаю роман Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы». Когда-то советовал это сделать Полеванов. По-моему, вещь не очень глубокая, хотя впереди ещё большая часть книги.

С Анатолием Михайловичем в гараже завели машину.

Звонил Арсений Васильевич Ларионов. Приглашает 6 мая в Москву отметить старым кругом День Победы. Просит захватить книги о Шестинском.

6 мая. москва

Обернулись с Сергеем Шестаком на его машине за одни сутки. В столице припарковались у Измайловских гостиниц. Холодно. День хмурый, серый. В метро доезжаем до «Арбатской». В поезде я в полной мере испытал «синдром ожидания теракта». Какой-то мужик ввёз в вагон тяжёлую тележку (похоже, что с листовками — но это сверху, а что внутри?), проехал пару остановок, затем оставил её прямо перед входом на площадке и куда-то ушёл. Быстро. Я оглянулся — его нигде нет. Вот тут и почувствовал, что и в меня ожидание возможного теракта чеченцы закачали. Хорошо, уже была наша остановка (проехал с тележкой один перегон). Вышел из вагона с облегчением и чувством — пронесло.

Долго с Серёгой перебирали книги в магазине на Новом Арбате. Современной настоящей художественной прозы всё-таки очень мало. Когда вышли, то увидели, что проспект пуст. И даже переходы подземные под ним закрыты — не пропускает милиция. А вскоре пошла военная техника — танки, ракеты. Это после репетиции Парада Победы на Красной площади. И самолёты с вертолётами пролетели. Последние в небе нарисовали разноцветными дымами флаг России.

В воздухе густой запах солярки. Даже не запах, а словно капельки её в себя вдыхаешь. Асфальт под ногами вздрагивал, когда проходили самоходные орудия, танки, тягачи с ракетами. Мощь!!!

Начал накрапывать дождь. Прошли к «Советскому писателю». Там вроде бы и расставили столы с книгами, да опять начали собирать. Увидел свои «Последний день».

Дошли и до «Дома Ростовых», но там никого не оказалось. А я хотел поставить печать на литфондовское удостоверение.

После Книжной лавки журнала «Москва» долгое брожение по переулкам и улицам, пока не вышли к «стеклянному» мосту у Киевского вокзала. Целый час кружили в этом районе, отыскивая офис Калачёва — это наш, из МСПС Юрия Бондарева. Так неудачно мне объяснил Ларионов, как нужно выйти к Б.Саввинскому переулку, д. 3.

Арсений Васильевич провёл что-то типа совещания. Доложил обстановку вокруг дома «Советского писателя» на Поварской, о бесконечных судебных заседаниях — а он непрерывно участвует в трёх. Я большую часть его выступления записал на диктофон. Председательствовал на встрече Бондарев. Была и его супруга. Поздоровались тепло, расцеловались. О моей книге о Шестинском Юрий Васильевич сказал: «Я её очень внимательно перелистал. В ней идёт разговор двух умных людей». И даже процитировал из моего письма тот случай, когда я ссылаюсь, что письмо не отправил сразу, потому как оно затерялось в бумагах. «Вот и я нашёл у себя в архиве «Мгновения», которые нигде не печатал. Дам-ка я их вам. Мне нравится Ваш журнал». Последний номер (28) с объявлением о вхождении Юрия Васильевича в редсостав «Вертикали», он получил.

Потом было застолье, на котором Бондарев много и хорошо говорил. Коснулись темы, что Ангел-Хранитель пусть защищает нас своим кры-

лом. Юрий Васильевич встрепенулся: «А меня ангел-хранитель всю войну защищал (прикрывал, закрывал) своим крылом».

При этом разговоре супруга попыталась его как-то удержать от темы, или даже предостеречь, но Бондарев продолжал:

— Как-то раз мы со своим другом были готовы умереть. Оружие побито, снарядов нет. Друг сказал — давай попросимся. Мы крепко обнялись (Юрий Васильевич показал руками как), и забились в самую щель окопчика в ожидании смерти. Но тут ударили наши Катюши. Спасли от неминуемой гибели.

Рассказал, как подбил он со своим расчётом двух «тигров» — одного, попав в щель между башней и корпусом, другого — ударив в гусеницы.

Но что я заметил, и это, пожалуй, главное, у «атеиста» Бондарева, когда он говорил, на шее выгладывала белая цепочка. Вернее всего, серебряная. И конечно же, с крестиком. Как иначе может быть у русского человека. Просто они всячески стесняются это афишировать. Потому супруга и испытала некоторую неловкость, когда я обратил внимание на иконы у них на даче в Ватутинках.

И ещё из разговора.

— Человек должен уходить вовремя. Вот говорят, чтобы жил он до ста лет. Нет, не дай Бог такого пожелания...

И что-то ещё в этом же духе. А мне тут же не дала покоя мысль. Ведь это говорит человек, которого земной срок приближается к 90-летию.

Прощались у машины долго и тепло. С рукопожатиями, обниманиями и поцелуями. Я от этого испытал праздничные чувства — оттого, что Бондаревы относятся ко мне с такой симпатией, теплотой.

Переговорил по некоторым вопросам и с Ларионовым. Что-то его в моей переписке с Шестинским не устроило (честно скажу — не понял, что), но Арсения оборвала Елена Казьмина и он не стал продолжать.

Отдельный разговор был по Шолоховской премии. Завтра мою книгу («Яблоки русского сада») повезёт академику Круглову. Тот ждёт. Значит, разговор о ней между ними уже происходил.

Шестак всё это время что-то фотографировал.

7 мая

Скандал с Ириной. От этого в последнее время я просто теряю силы — кружится голова, грудь будто застывает. Так она меня просто убивает — из раза в раз. Ушёл к храму, отсиделся. Вернулся обессиленный и лёг на диван в Наташиной комнате, прижавшись спиной к его спинке, боком. Пришёл Бакс. Я подумал — вот бы он прижался своей спиной к моей груди. Мне бы стало легче. Но не позвал его — не было сил. А он сразу запрыгнул ко мне, поурчал. Но не стал требовать, чтобы я его гладил, а будто прочитав мои мысли, лёг рядом, прижавшись спиной к груди. Это впервые!!! Никогда кот раньше этого не делал. Я заснул. Но что же это было? Что?

14 мая

Два дня назад позвонил Жадаевой Н.Ф. в Литературный музей А.М. Горького, предложил отдать на хранение письма О.Н. Шестинского. Встречено было без особого энтузиазма. Тогда, чтобы они могли ознакомиться с содержанием писем, я пообещал принести свою книгу «Яблоки русского сада». Это Наталья Филаретовна восприняла с радостью и книгу в музей я отвёз, снабдив её дарственной надписью. И вот сегодня утром Жадаева мне позвонила. Взволнованным голосом сказала, что они, конечно же, с огромной радостью эти письма на хранение примут. Видно, книга прочитана, и равнодушной Наталью Филаретовну она не оставила.

Около часа разговаривали по телефону с Мюрисепом. Александр Васильевич рассказывал о своих впечатлениях от постановки пьесы Юрия Полякова «Одноклассники» у нас в драме. Премьера состоялась 6 мая.

На ней был автор. Похоже, что это неудача театра. Я предложил вместе посмотреть спектакль и обменяться мнениями.

15 — 19 мая. кунавино

Открытие сезона. Всё цветёт одновременно — черёмуха, сирень, яблони, рябина, вишня (отцветает) — небывалое явление (для нас) в природе. Часто нападает сильный холодный ветер и тогда яблони пуржат белыми лепестками цветов. Но вообще жарко.

Птицы заливаются. Все дни, что мы были в ближнем и дальнем лесу, без умолку куковали кукушки — истоиво, призывно.

У соседей в скворечнике поселились скворцы. Интересно за ними наблюдать, как хозяйничают, суетливо что-то носят в свой домик. Ленивыми бомбардировщиками перелетают с места на место вороны. Иногда их бесстрашно атакуют какие-то пичуги (видимо, близко подлетают к их гнезду), и вороны, чувствуя свою несправедность, спешат удалиться подальше.

На бане с одной стороны вскрыло крышу. Только в последний день я сообразил, как устранить эту беду — иначе дожди всё зальют. За несколько часов всё залатал и вздохнул с облегчением. Именно эта неприятность так давила на совесть своей неисправностью, что почти ничего не написал из намеченного. Лишь заметку о книге Сергея Чепрова (для «Алтайских впечатлений») и немного двинул вперёд статью о встрече 6 мая в Москве. Зато, как отремонтировал крышу — всё двинулось вперёд. Весь план будущей статьи выстроил. Назад поехали рано, в шесть утра. Не спалось.

23 мая

Троица. Воскресенье. Но всё равно поехал к себе в офис. Набрал статью для «Слова» о нашей встрече 6 мая, которую написал (вернее, дописал) вчера. Не очень она меня удовлетворяет, но хорошо то, что дописал до конца.

Звонил и поздравлял Серёжа Щербаков. Говорили с ним по сотовому тридцать минут. Он начал читать мой «Сезон» в «Последнем дне». Но об этом только упомянул. Сергей всё больше рассказывал о своей работе. Он сейчас опять в Ново-Смолино, приехал к себе в село работать. А я как-то сразу вспомнил нашу с Борисом Лукиным поездку к нему, встречу в монастыре, трапезу в доме Щербакова. Сколько доброго в жизни, а мы терзаем себя по пустякам.

26 мая

Вчера опять звонил Сергей Щербаков — после прочтения «Кольки». Наговорил кучу добрых, искренних слов. Я рад, что его сердце откликнулось на эту повесть.

Сегодня с Климешовым были у Н.П. Мидова в мастерской. Он только приступил к работе, после внезапной болезни — потерял сознание и несколько часов лежал на полу в мастерской возле открытой на лестничную площадку двери. Расшибся, падая, в кровь. И, видимо, ударился боком о скамейку, стоящую вдоль стены в прихожей, выгороженной шкафом. Но сейчас всё слава Богу. Чувствует себя Николай Павлович хорошо, работает над портретом Валентина Николаева, который мы хотим поместить в собрание сочинений писателя.

Я принёс «Вертикали» с публикацией Мидова и с его работами на обложке. Принял их Николай Павлович радостно.

И сегодня же вышел номер «Литературной газеты» с первым моим материалом, как собкора. Почин удался!

Сдан макет «Вертикали — 30» в типографию. Отмаялся...

29 — 30 мая

В 15-00 должна была начаться встреча с французскими писателями, в Белом зале областной библиотеки. Они путешествуют на поезде по Рос-

сии (такой шикарный подарок им организовала российская сторона), и первая остановка в Нижнем. Далее Казань, Екатеринбург, Новосибирск, Красноярск, Улан-Уде, Иркутск, Владивосток.

Гости опоздали — долго гуляли по городу и обедали. После нашего министра культуры и директора библиотеки я приветствовал их от Союза писателей. Сказал, что завидую им — они увидят прекрасную страну. И до них многие французы путешествовали по России. Затем написали книги, которые вызывают у нас удивление. Надеюсь, что они свои напишут с любовью.

Тут меня директор библиотеки начала дёргать, и я своё слово скомкал, чем остался внутренне недоволен. А ведь как в воду смотрел. Они приехали с осознанием своего превосходства к варварам. В новостной программе по ТВ на следующий день услышал, как один из гостей (старый) сказал: «Город изменился. Когда я был в нём раньше, то в Нижнем была одна гостиница и один ресторан».

Вот так — глушь и запустение для них начинаются за Польшей. И как бы наши властители ни лебезили перед «образованной Европой», результат всегда будет один — высокомерие и презрение. Они приехали к варварам.

Ушёл с этой встречи сразу после своего выступления. Успел в Консерваторию, где «государственный экзамен по оперной подготовке» сдавала группа А.В. Мюрисепа. Он поставил со студентами Моцарта, «Так поступают все женщины, или школа влюблённых». Пели два состава, сильно отличающиеся друг от друга. Но оба хороши. Да и режиссура действия явно с драматическим уклоном. Это пошло на пользу представлению.

Из консерватории шли с Александром Васильевичем вместе по улице Минина. На площади я купил номер «Нижегородской правды», в котором напечатали открытое письмо Сергея Чепрова о «Последнем дне» (по поводу этой книги ко мне — так будет сказать правильнее). Об этом мне сообщила ещё в библиотеке Ирина Мухина.

Завершил очерк «Алтайские этюды». Специально для этого уехал к себе на работу. Трудновато на этот раз дались мне путевые заметки. Но — одолел. И получилось вроде бы что-то сносное.

1 июня

Умер Андрей Вознесенский. Все центральные каналы весь вечер показывают о нём фильмы. Да, яркая и самостоятельная судьба. Хотя поэзии его я никогда не понимал и оттого не принимал. Не могу вспомнить и граждански значимых его поступков. Вознесенского обожал Запад, всячески холили и лелеяли в Союзе (хотя здесь порой случались некоторые недоразумения, например, с Хрущёвым). Но ведь ни одной поэтической строчки «не ушло в народ», не разошлось на цитаты. Может быть, поэзия его действительно изящна, но это идёт от больших «конструкторских способностей» пишущего. Потому-то сердце его строки и не трогают.

Совсем поздно позвонил Михаил Попов из Архангельска. В последнее время мы с ним немного потерялись. У Михаила Константиновича проходит реорганизация журнала, изменился почтовый адрес, но мой последний номер он получил. Видел и всё, что касалось меня в «Литературной газете». Интересовался судьбой его рецензии на мою книгу (сообщил Михаилу о публикации в «Книжном обозрении» и ожидаемой в «Российском писателе») и как дела у Ларионова (я рассказал о нашей последней встрече). В общем — нашли друг друга, хотя моё последнее письмо с «Солнышко — всем» до Михаила пока не дошло.

После долгого перерыва выпили (по моей инициативе) с Алексеем Марковичем водки. Я почувствовал — что-то угнетающее (с моей стороны, от меня) поселилось в наших отношениях, и решил разрядить обстановку.

Кстати, интересное замечание Коломийца о моих «Алтайских этюдах»: «Вас так раздражал своим поведением Лукин, что вы не смогли описать красоты Алтая. Только начинаете, и тут обязательно возникает ОН».

От пронизательного читателя, я лишний раз в этом убедился, ничего скрыть невозможно. Он видит то, о чём ты и сам не догадываешься, но что, безусловно, повлияло на твою работу. А ведь действительно — будь другая обстановка, и всё окружающее воспринималось бы иначе. И написано бы об увиденном по-другому.

Вот почему сам Борис так скуп и не очень интересно пишет? Мне хотелось душой прочувствовать, впитать красоты Алтая. Ему — насытиться «игрой в писателя», купить мёд, выступить перед слушателями. В этом ощущалось некое противоречие состоявшейся поездки. Но ведь её организовал, подготовил Борис, потому мне надежало всё происходящее принимать смиренно. Но нет — и тут мой несносный характер дал о себе знать. И ведь всё повторилось в Вологде. Надо бы попытаться отстраниться от этого чувства и написать «Вологодские заметки». Любопытный может оказаться эксперимент.

5 — 6 июня. большое болдино

Утром на вокзале встретил Володю Шемшученко. С ним поехал к Речному вокзалу. Там сели в автобус. Народу набралось немного. Узнаю, что я должен возглавить делегацию. Ломтева не нашли, телефон его молчит. Вот даёт!

Первая остановка в Арзамасе у памятника Пушкину. Принимаю хлеб-соль. Ансамбль в национальной одежде поёт, пляшет — вроде бы радостно встречает дорогих гостей. Но кроме нас и их на площади никого — пусто.

Возлагаем цветы к подножию памятника. Но когда, сев в автобус, вновь проезжаем мимо площади, то вижу — все цветы поднявшийся ветер разметал по брусчатке.

Следующая остановка в Шатках. Опять хлеб-соль, девушки в национальных костюмах. Идём посмотреть новый скульптурный комплекс, посвящённый памяти ленинградской девочки Тани Савичевой. Автор — заслуженный художник РФ Татьяна Георгиевна Холуёва. Возлагаем цветы. Комплекс никого не оставляет равнодушным. Он всё-таки передаёт трагизм происшедшего.

По дороге в Арзамас попадаем в дождь. Ветер сильный, вдоль шоссе валяются листья кровли, поломанные ветки деревьев. Видимо, буря прошла прямо перед нами.

На границе района вновь хлеб-соль, сарафаны, кокошники, пляски. На поляне угощают пирогами с чаем и квасом. Плотно перекусываем. После доезжаем до Большого Болдина, расселяемся в гостинице — и завертелось. Осмотрели выставку художника (хороша), представление Лауреатов Болдинской премии, презентация нового сборника стихов Николая Рачкова, большой вечер в кинотеатре «Лира». Этот вечер, после выступления нашего министра культуры Михаила Грошева, вёл я. Перед этим сказал свою речь. А потом поочерёдно дал слово для выступления Юрию Паркаеву, Николаю Рачкову, Владимиру Шемшученко, Цирульникову, гостям из Пензы и лауреатам. У всех было достаточно времени. Говорили хорошо, читали стихи (по нескольку) и зал (почти полный) хорошо принимал выступающих.

6.06. Гуляли по парку и усадьбе. К возложению цветов я опоздал. Когда пришли к памятнику Пушкину, митинг уже шёл.

Во Львове осмотрели дом Пушкиных. Отличная экспозиция. Все комнаты обставлены старинной мебелью. Экспозиция создана как бы по «Повестям Белкина», удачно передаёт дух того времени.

Церковно-приходская школа. Два года назад это здание стояло заброшенным, разваливалось. Сейчас для туристов проводят в нём показательный урок воскресной школы. Оригинально.

В роле Лучинник выступление поэтов. Я его веду. Открываю и закрываю. Последним даю выступить Шемшученко. Он читает своё «империя не может умереть» и подобные стихи. Зрители кричат «браво». Попал.

В Нижний едем на выделенной нам «Волге» с сопровождающим лейтенантом милиции. У Шемшученко поезд в шесть вечера. В общем автобусе на него никак не успевали. Пришлось мне убедительно просить наших министерских посодействовать. Молодцы, организовали.

В этот же вечер с Сергеем Шестаком успели «на лямке» оттащить мою машину в гараж.

9 июня

Смотрю в драме «№ 13» — Рэй Куни. Мюрисеп играет управляющего гостиницей. Пьеса весёлая, комедия положений. Даже я несколько раз смеялся. Очень динамичная, сбитая вещь.

Назад шли и ехали вместе (в антракте в гримёрке договорились). Александр Васильевич всё что-то рассказывал. Много про своих учеников из театрального училища. Ругает — все бездельники. Но я вижу, любит он их.

Сегодня отвёз письма Шестинского в Литературный музей. Когда всё разберут и оформят, позвонят мне, чтобы подписал документы о передаче.

11 июня

Приехал Лукин (вчера), забирает свою антологию «Наше время» из типографии. Всё это теперь идёт без моего участия.

Горькая новость. В больнице после операции у Анатолия Михайловича случился инфаркт. Лежит в реанимации без сознания. Я готов к худшему. Но слава Богу, оно не подтвердилось. Повторная кардиограмма показала, что инфаркта не было.

Томлюсь тем, что всё никак не могу выехать в деревню. А ведь очень надо. Хозяйство брошено.

13 июня

Второй день стоит страшная жара — за тридцать градусов. Сегодня воскресенье. Предложил Ирине посмотреть Ботанический сад нашего университета.

От проспекта Гагарина пошли пешком. Затем гуляли по саду. Назад доехали до парка «Швейцария» и по откосу дошли от остановки «Музей района» до «Медицинской». Парк выглядит ухоженным (в отличие от прежних лет), выпилены и убраны сухие и поваленные деревья, собран мусор. Виды за Оку открываются потрясающе красивые. Ветер сильный, порывистый.

На обратном пути, уже от Московского вокзала попадаем в ураган. Ветер ломает сухие ветки, песок сечёт лицо так, что оно «горит». Но до дождя успеваем прийти домой.

Около нашего подъезда повалило три старых американских клёна. Деревья упали, полностью перегородив дорогу. В Семёновском направлении, как передают в новостях, ураган был такой силы, что повалил столбы электроснабжения железной дороги. Деревьев порушено немеряно. Что-то у нас в деревне? Волнуюсь — обошлось или беда?

16 июня

По электронной почте пришли добрые письма. Анатолий Парпара хорошо оценил выпуск 30, Сергею Чепрову понравились «Алтайские этюды», Геннадий Петров благодарит за мой отзыв о его романе «Две дороги», который опубликован в последнем номере журнала «На любителя». Вещь написана профессионально и мне искренне понравилась. Прочитал её за выходные. Сергею Прохорову приглянулись мои «Кали-

нинградские заметки» — хочет опубликовать у себя в «Истоках». Ирина Мухина позвонила — вроде бы к дню рождения Арсения Ларионова в «Нижегородской правде» опубликуют мою беседу с ним. В то же время попросила съездить с редакцией в Выксу на встречу с читателями. Согласился с удовольствием. Ради этой газеты, единственной продолжающей на своих страницах отражать литературную жизнь города, хочется сделать что-то полезное. Да и ко мне они добры.

В обед с Павлом Павловичем Шаровым съездили на Бор. Отвезли в дом старую газовую плиту. Но я, главное, хотел удостовериться, что с домом всё в порядке.

Вечером с Мюрисепом сначала в филармонии немного (сорок минут) посмотрели концерт артистов Малого театра (они плывут по Волге и дают благотворительные концерты и спектакли), а затем прошли в театр драмы на спектакль «Свадьба. Свадьба» по произведениям А.П. Чехова. Блестящая режиссура, отличная игра артистов. Эти гастроли наш «императорский театр» устроил в честь 65-летия Победы. Замечательная акция. И хорошо, что для спектакля выбрали именно «Медведя» Чехова, а не что-либо «военное». Хотя, военного-то у них, может быть, и вовсе нет. Это же театр классического репертуара.

Выйдя из нашей драмы попал под проливной дождь. Резко похолодало. Ладно, случилась оказия с машиной. А то бы и промок до нитки, и продрог.

19 — 23 июня. кунавино

Наташа с Ириной отвезли меня в деревню. Жарим шашлыки, и после ужина они уезжают. Я остаюсь один. Что делаю? Кошу траву, укладываю её под яблони. Делаю ещё какие-то хозяйственные мелочи. Но в душе апатия, тоска. Ничего не пишу, хотя чувствую, как подходит тема «Старый дом» (о жизни в деревне с девчонками, когда они были совсем крошками — милыми, чистыми, добрыми, любящими). Да и о гнезде гапок надо бы написать непременно. А там о замечательно преданном псе «Буяне». Но не пишу ничего. Жара ли жуткая этому виной? — не знаю. Выручает чтение «Будденброков» Томаса Манна. Замечательный роман. Наслаждаюсь его художественной плотью, подробной выпиской характеров и портретов героев, деталей одежды и интерьеров, архитектуры домов и пейзажей вокруг них. Читаю книгу у себя наверху, у открытого окна, выходящего на черёмуху. Листва на ней почему-то редкая, но ягод, ещё твёрдых, зелёных, много.

За эти дни один раз топил баню и купался в озере. Забирали меня из деревни опять Ирина с Наташей. Навстречу им прошёл дорогу до трассы и далее почти до первого поворота. В воскресенье приезжал отец Владимир Чугунов.

24 июня. Выкса

Едем в 7-15 утра от редакции «Нижегородской правды» на четырёх машинах. Наша «команда» — Ирина Мухина, Наталья Адрианова и я. Выступаем в Центральной библиотеке. Справляемся. Хотя интерес слушателей к нашим словам (а это библиотекари) минимален. Вообще, редакцией эта поездка совершенно не подготовлена. Хорошо, что получилась она кратковременной. Геннадий Чесноков вёл свой джип (он зам. главного редактора) лихо. Так что в пять были уже в городе. Посмотрим, какой отчёт об этой встрече опубликует Мухина.

Жара стоит жуткая. Перед обедом в столовой, кто-то из наших принёс бутылку водки из багажника машины. А она буквально горячая. Я попробовал глоток, и тут же почувствовал, как хмель бьёт в голову. Отказался пить.

Кстати, поведала она Наталье интересный факт — всё о подлости Олега Рябова, о том, как он приносил ей свою статью, где упрекал Наталью, будто она против воли Юрия публикует после смерти его стихи. Господи, есть

ли предел их лжи и лицемерию? Это он сделал после того, когда она (по её словам) отказалась отдать ему для реализации весь тираж «Обрётённых тетрадей». А сколько им было наговорено отвратного про меня. При этом в глаза говорит всяческие комплименты, которым я, впрочем, знаю цену.

28 — 29 июня. толоконцево

Утром позвонила Н.Ф. Жадаева из Литературного музея и попросила приехать, подписать документы на передачу писем Шестинского. Сделал это не откладывая, чтобы закрыть вопрос. Договорились с Натальей Филаретовной, что передам им и полный комплект «Вертикали».

Вечером с Цветковым уехали за город к Георгию Семакину. Отвёз Сергей Шестак. Ужинали под яблонями, долго разговаривали, а когда уехал Сергей, уже в доме до четырёх утра правили текст новой редакции книги о Николаевской округе, подготовленный Владимиром Георгиевичем. Я, как всегда, был не сдержан, шумел. Но закончилось всё полюбовно.

На следующий день в 9 часов разбудил телефонный звонок. Женя Полянина говорила что-то о матери, и я понял (как-то сразу), что она умерла. Уже потом узнал у Ирины, что виной всему разрыв сердца. Мама умерла в реанимации. Похороны завтра. Всем занимается та сторона. Что я испытываю? Теперь у меня нет родителей.

30 июня

Хоронили маму из её новой квартиры. Это комната в коммуналке напротив Кремля. В таких условиях мы никогда не жили. И вот за полгода до смерти она была сюда переселена... В этот день у меня что-то камнем давило в груди. Невольно глубоко вздыхал, чтобы раздышаться. Позже, за поминальным столом, говорил об этой тяжести, сдерживая слёзы. Встал и говорил, потому что понял, почувствовал — необходимо сказать, что не её главная вина в том, что случилось со всеми нами, в разрушении семьи.

Гроб мамы опустили прямо на гроб отца. Он, как мне показалось, совершенно не сгнил и гулко отозвался, когда по нему ударили гробом мамы. Новая домовина скрылась под землёй не более чем на метр в глубину. Даже в этом вопросе виден расчёт и предприимчивость устроителя похорон. От этого становится жутковато.

А лежала мама в гробу худая, «лёгкая», лицо желтовато-светлое, спокойное. Ею была прожита долгая и в общем-то спокойная, без потрясений жизнь.

Вечная тебе память, мама!

2 июля

Приходил Мюрисеп. Впервые несколько затронули в нашем разговоре два важных для нашей интеллигенции вопроса — еврейский и веры. По первому в оценках много совпадений, по второму совершенно далеко друг от друга. Александру Васильевичу всё это чуждо и бесконечно далеко. Жаль. Человек он, по моим наблюдениям, совестливый.

Продолжаю принимать соболезнования по поводу кончины мамы. Впервые чувствую на себе — как они неуместны.

Второй день город в дыму. Вокруг горят леса. От едкого смога трудно дышать, щиплет глаза. Днём эту пелену ветерок разогнал, но к вечеру всё повторилось. Как же мы беспомощны и уязвимы в крупных мегаполисах. Случись что, и все поляжем, задохнёмся. Ведь, чтоб выбраться из этого ужаса, потребуются часы.

4 июля

Так долго я собирался в этот зоопарк в Сорновском парке («Лимпопо»), и вот, наконец, в нём побывали с Ириной. Чувства испытали самые добрые, восторженные. С такой любовью, удобством в нём всё устроено и

для зверей, и для посетителей. Звери сытые, здоровые, довольные. Дети могут вблизи за ними наблюдать, гладить, угощать лакомствами, которые тут же по доступной цене продаются. Чисто подметённые дорожки, удобные скамейки, песенки о зверях из репродуктора. Всё настраивает на то, чтобы проникнуться добрым чувством к животному миру. А уж козлята и барашки, бегающие среди посетителей — замечательная находка организаторов. И всё это смогли организовать, привлечь спонсоров, отличных специалистов, два русских человека. Их фамилии выбиты при входе на камне-валуне. Правильно! По заслугам и почёт.

5 июля. балахна

Неожиданная поездка. Цветков поехал с Георгием Симаевым на старое кладбище, чтобы проведать могилу матери. Да так её и не нашёл. На кладбище вырос мощный, старый сосновый лес. Долго Владимир ходил (и мы старались, как могли, помочь), но всё безрезультатно.

Проехали в город. Немного отдохнули на берегу Волги. Проехали к центру Балахны по проспекту Революции. Старая, грязная улица, заросшая между покосившихся домов дурным кустарником. Осмотрели старые соборы 16-го и 17-го веков. В одном свои последние дни доживает краеведческий музей. В экспозиции — знамя местной черносотинской организации предреволюционной поры.

Наконец-то увидел прежний памятник Минину, что стоял у нас в Нижнем на одноимённой площади. И не узнал. Мне показалось, что это какая-то копия из белого металла. Или я ошибаюсь? Так и не разобрался.

6 — 7 июля. толоконцево

Когда лежал на берегу озера (солнце жаркое, но и ветер сильный, порывистый), то невольно заслушался, как шелестит тростник — жёстко, сухо и шквально-громко. Как обратил на это внимание, так и слышал этот шелест даже во время чтения, каким-то другим уголком сознания.

Цветков приехал поздно, я уже домывался в жаркой бане. Он всё-таки едет в Сызрань на «Царские дни». Будет выступать.

12 июля

На прошлой неделе не стало Александра Ивановича Юрина. Сегодня утром сообщил об этом Галкин. Он умер у себя на даче.

Вот уже которую неделю стоит аномальная жара — всё ближе к плюс сорока. И на неделю вперёд синоптики облегчения не обещают. Тут и здоровое сердце не выдержит, не то что больное. Вот уже несколько раз с тревогой думал о Пашкове. Он-то как?..

15 — 16 июля. толоконцево

Вчера в «Волгагеологии» отметили мой день рождения (Коломиец, Шаров, Цветков, Галкин, Шестак) небольшим застольем с коньяком.

К сожалению, в пришедшем письме от Ларионова сообщалось, что очерк «Яблоки русского сада» он опять из номера (последнего) снял. Горько. Арсений не выполнил своего обещания, данного покойному другу. Интересно, какие произведения вытеснили мой материал? Посмотрим. Как он пишет — журнал мне выслал.

А утром с Цветковым вновь уехали к Симагину. Купались, парились, но главное — окончательно решили вопрос по книге «Николаевская округа».

16 — 18 июля. кунавино

С Ириной убирали траву. Купались в тёплой воде озера. Сломало ещё одну яблоню. Плодов в этом году море.

С удовольствием прочитал рукописи Мюрисепа и Галкина для очередного номера «Вертикали». Александр Васильевич вообще работает усердно, с азартом, часто мне звонит, объясняет свои замыслы.

Перед отъездом встретился с Борисом Лукиным, он мне передал выходящий в Смоленске альманах «Под часами». Там поэма Анатолия Парпары. В целом она мне не очень понравилась, но отдельные стихи и особенно то, где он рассказывает, как его во время войны новорождённого едва не похоронили заживо, тронуло. Надо будет у Анатолия Анатолевича выяснить подробности.

У Танюшки что-то случилось в личной жизни. Очень переживает и мы вместе с ней.

И ещё одно — в деревне на подоконнике оставил свой сотовый телефон. Теперь волей-неволей придётся осваивать новый, подаренный Ириной.

21 — 22 июля. толоконцево

Вновь разговор до четырёх утра. На этот раз до хрипоты спорили о Китае — нападёт ли он на Россию? Но вообще, как я выразился, купаюсь с Цветковым, здесь мы нашли «нежданно-негаданно» замечательный дом творчества. Я вычитываю рукописи для журнала. Можно и ещё выполнять разную творческую работу.

23 — 25 июля. кунавино

Продолжается, вот уже которую неделю к ряду, жуткая жара. Газоны, склоны у Кремля желты — трава выгорела. Делаю эту запись в 19-30. Термометр снаружи окна показывает пятьдесят пять градусов. Хотя деления на нём только до пятидесяти. Но стрелка «убежала» далеко за эту цифру. Творится что-то невероятное. И сколько всё это будет продолжаться?

Вчерне почти закончил вёрстку «Вертикали – 31». Осталось внести в неё два-три материала и корректуру. На этот раз журнал ещё более иллюстрирован фотографиями.

Наш ночной отъезд из города больше походил на бегство. Дышать нечем. В полночь у магазина на Мещерке жизнь кипит, как днём. Запах гари преследует нас ещё долго, и лишь за Киселихой дышать становится полегче. Полная красная луна наблюдала за нами потусторонним оком во время всего пути до Кунавина. В деревне же вздохнули свободнее. Из открытого окна в дом потянуло прохладой. Я спал хоть и на полу, но под одеялом.

В воскресенье утром вернулись в город. Термометр продолжает зашкаливать. И вот в такую жару с Владимиром Цветковым поехали на кладбище в седьмой микрорайон на могилу батюшки Иоанна. Горячо помолился за детей, особенно за Татю, чтобы нашла она душевное успокоение и открылся ей её жизненный путь.

28 — 30 июля. москва

Туда и обратно еду на «Буревестнике». Хочу повидаться с Таней. Самому необходимо понять её настроения, самочувствие. Но встретились мы только после её работы. До этого я успел побывать в Союзе писателей (пусто, никого нет, только Ганичева повидал) и зайти в «День литературы». Съездил и к Кононенко. Он пообещал помочь в издании «юбилейной книги».

С Таней встретились в холле банка «ВТБ» на Чистых прудах. Проехали на метро к Скалифасовскому (там лежит её подружка, с которой она раньше жила в одной квартире — попала в страшную аварию). Пешком прошли от метро «Сухаревской» до «Красных ворот». Я понимал — она ждёт от меня каких-то слов утешения-разъяснения, но я не находил их. И лишь у «Красных ворот» вспомнил, как в 2000-м сам ходил здесь, по этим улицам с чувством полной безнадеги. Это после «таганрогского» дела. Единственное моё крупное «попадание» по бизнесу. Но и эти воспоминания и комментарии к ним были мимо цели.

Танина машина стояла у метро «Черкизовского». Добрались туда и отправились в посёлок 1-го мая. Съёмная квартира мне понравилась (современная, уютная), но в ней витал дух угнетения, тоски. Я это сразу

почувствовал. Потому после ужина долго гуляли по совершенно новому «небоскрёбному» посёлку, заселённому сплошь инородцами — от вьетнамцев и индусов до азербайджанцев и таджиков. Это новые реалии столицы. Есть в этом что-то угрожающее, тревожное. Во что это в итоге может вылиться?

29.07. Утром от «Чистых прудов» (доехали с Таней на машине) поехал на Поклонную гору, в Парк Победы. Но дошёл только до центрального монумента, поразившего меня своей бездарностью в художественном решении темы нашей победы над фашизмом. Но об этом немного позже. Там у монумента созвонился с Ларионовым и поехал на встречу с ним в кафе «Картошка» (это у Арсения Васильевича теперь штаб, место встреч) у метро «Савёловской». Узнал последние новости и довольно быстро решил свой вопрос по письму от Бондарева Шанцеву. Тут же и набросали черновик.

В 13-30 получил деньги за проданные книги в лавке Литинститута. Мои «Яблоки...» раскупили все. Простят прислать ещё. Это отрадно.

В 14-30 встреча с Парпарой. Обедаем в небольшом подвальном ресторанчике. Анатолий Анатольевич вспоминает прошлое. А рассказчик он замечательный. Кстати — узнал подробности о покушении на него после публикации в «Исторической газете» статьи по еврейскому вопросу. На станции за городом на него напал некто и два раза ударил по голове топором. Но череп не пробил. Это спасло. Жуткий случай! Сколько же раз он был на краю, но смерть отступала. (Он говорит, что семь). Как здесь можно не видеть промысла.

Записали с Анатолием Анатольевичем интервью. Но мне кажется, что всё самое важное и интересное было сказано до включенного диктофона. Надо будет в дополнение к сказанному обратиться ещё и с письменными вопросами.

К Тане немного опоздал. Забирали с ней вещи (подружки) с прежней квартиры — маленькой, убогонькой. Таня уже так здорово ориентируется по закоулкам Москвы. Там-то за чаем, похоже, и произошёл главный разговор. Я попытался объяснить Тане, что она «птичка Божия», не расчётливая, чистая. И эта связь с молодым человеком была разрушена потому, что Господь готовит для неё кого-то другого. Он обязательно в её жизни появится. А её беспокоит — сможет ли она ещё кого-то полюбить. Дитя малое и чистое.

30.07. Опять на Поклонной горе. Теперь запишу некоторые свои впечатления от этого грандиозного комплекса — по масштабам территории и возведённых на ней объектов.

Центральный памятник — солдатский штык, у подножия которого лежит порубленный на куски одноголовый «змей горыныч» с отсечённой этой самой головой. На среднем куске стоит конь Георгия Победоносца. На нём восседает святой (без нимба) и копьём тычет в шею чудища, от которой уже отсечена голова. Кто же и как покромсал змея? Эта мелочь скульптора не интересует. Может быть, русский воин-богатырь с мечом? Но памятник ему возвести забыли. Вообще в композиционном отношении (да и в философском, образном) эта композиция — полная чушь.

Когда на второй день я вновь приехал, то нашёл на памятнике табличку, возвещающую, что авторы этой пошлости и безвкусия Зураб Церителли и Юрий Лужков. Чудесно! А ведь плюс к этому вся Поклонная гора пестрит красной, броской рекламой кока-колы на зонтах, вагончиках, холодильниках с напитками. Вот кто в итоге оказался победителем. Но это так, к слову.

Иду дальше. Само здание музея, с огромным куполом наверху, с огромными крыльями смотровых залов, помпезно и нефункционально. Уверен — большее время оно простаивает мертвенно-пустым. Я даже не увидел, чтобы к нему подходили туристы, экскурсии. Обхожу его с правой стороны. Ещё один громоздкий монумент. Назван «Трагедия народов». Каких? Голые люди стоят, прижавшись друг к другу, друг за другом. Куда они

приготовились идти — непонятно. Если идти от начала, то к середине этот строй начинает падать в противоположную сторону и превращаться в некие заготовки, обструганные чурки, совсем не напоминающие людей. С боков вдоль этой композиции навалены обувь, игрушки, очки и прочее. Видимо, это изображение жертв концлагерей. Но ведь в эмоциональном, воспитательном смысле такое изображение бездарно и оскорбительно. Оскорбительно для памяти погибших людей, для идеи, которую должен был нести этот монумент. Кто же автор? Конечно, Церители.

Ещё один памятник — на центральной аллее с противоположной стороны музея. «Странам-участникам антигитлеровской коалиции». Четыре солдата — француз, советский воин, вальняжный американец, англичанин. Все, кроме нашего, с оружием производства своей страны (стрелковым). Зачем этот памятник здесь? И только когда отошёл подальше и обнаружил ещё и памятник-звонницу (с католическим крестом на вершине) «Погибшим в Великой отечественной войне испанцам», то догадался — возведённый в 1995 году (в разгар демократических реформ) этот грандиозный комплекс символизирует не победу СССР над фашизмом, а победу общегитлеровской коалиции. Мы к этой победе причастны, как одни из участников сопротивления. Вопиющая несправедливость!!!

Прошёл я ещё в парк ВМФ, осмотрел образцы оружия времён ВОВ наших моряков. Всё представлено масштабно, вплоть до рубок подводных лодок и минных тральщиков. Но общее идеологическое впечатление от этого «Парка Победы», увы, неутешительное.

В этот день побывал на Поварской у «Советского писателя». У Ларионова, опять же в «Картошке», забрал письмо, подписанное Бондаревым, заехал в банк и простился с Таней.

Москва оставалась окутанная дымом от пожарищ. Так в этом дыму я и доехал до Нижнего, который тоже им окутан.

31 июля — 1 августа. кунавино

Жара, дым. Нет спасения. Но отец Владимир предложил отвезти нас в деревню от Толоконцева. Я привёз ему «День литературы» с публикацией глав из его нового романа «Невеста». Видимо, это сыграло роль.

В доме прохладно. Живительная прохлада. Наконец-то уснули с наслаждением. Батюшка сказал про сегодняшнюю погоду — «огненное испытание». И ведь никуда от этой страшной жары и дыма не спрячешься. Единственное место осталось — деревянный деревенский дом.

В Нижегородской области уже сгорели целые деревни, сотни домов, в огне погибло более тридцати человек. А сколько ушло из жизни сердечников, гипертоников, астматиков?

На следующий день позвонил Мюрисеп, рассказал, как они убегали из своей деревни в Бутурлинском районе. Огонь вспыхнул на задах, у заброшенных ферм, где много высокой сухой травы, репейника, полыни. Ветер погнал его вдоль деревни. Зрелище жуткое. На следующий день Александр Васильевич узнал, что на краю села всё-таки сгорело три дома, две бани, гараж, и одна женщина умерла от испуга. Такова цена человеческой беспечности.

Но жара побила все мыслимые и немыслимые рекорды. Ничего подобного за всё время метеонаблюдений не было. Гнев Божий обрушился на нас. Приехавший в Дивеево Патриарх Кирилл призывает всех молиться. Вёл службу на улице, в дыму. И тем самым был как бы со своим народом. Так отмечались дни Серафима Саровского.

Из деревни с Ириной добирались на автобусе и электричке. Уж лет десять так не ездили. Может, и больше.

2 августа

Дым такой, что не видно противоположного берега Оки. С центра моста не видно оба берега. Всё тонет в белом молочном мареве. Даже контуров зданий на берегу не различить.

Вчера по почте получил № 7 журнала «Свет», где выдержки из нашей с Шестинским переписки. Сегодня отослал журнал, с коротким сопроводительным письмом Нине Николаевне.

В вечерних новостях (местных) сообщили — в одном Выксунском районе дотла сгорело 664 (шестьсот шестьдесят четыре) дома. Ужас! Война!!! Пожары же по всей области продолжаются. Горят леса на территории Сарова, у секретных заводов ядерного центра. Медведев объявил чрезвычайное положение почти во всех областях Центральной России. Путин встречается с жителями то одного сгоревшего посёлка, то другого. Это что касается крупных населённых пунктов. На мелкие, думаю, как всегда, плюнут. Это уже входит в традицию нынешней власти.

6 августа

Анатолий Аврутин из Минска позвонил, чтобы узнать — что тут у нас творится. Всё горит? Белоруссия отправила в Россию техническую помощь для борьбы с пожарами, но в наших новостях об этом не сказали — хотя другие страны перечислили. Это информационный «прокол», как я думаю, в Минске заметил не один Аврутин.

Анатолий Юрьевич сообщил, что журнал с моим «Колькой» уже ушёл в печать. Но дела с изданием журнала у него тяжёлые — издатель на грани решения о его закрытии. Жаль! Принцип подбора материалов у Аврутина такой же, как и у меня — исключает местничество. Как он сказал — самогоноварения (литературного).

Вчера позвонил и Сергей Чепров из Бийска. На Алтае прекрасная погода. Он вернулся с берега моря, отдыхал.

Коломиец прочитал вёрстку с «Песенкой вагантов» Сергея Щербакова, и теперь в полном восторге от этой прозы. Несколько раз просил дать ему телефон Сергея. Дал.

7 — 12 августа. кунавино

В городе оставаться нет никаких сил. Прохладу в деревенском доме встретили как спасение. Окна не открывали. Почти сразу легли спать. Во сне не потел, не мучился — наслаждение. Ночью спали с открытыми дверями и окном. Под покрывалом замёрз. Невероятно!!! Это после мук на полу у открытой двери на балкон в квартире. Но хоть какой-то прохлады не было и там.

8.08. С этого дня рабочий кабинет стал моим главным местом обитания. Большое окно открыто. Ощущение, будто нахожусь на улице. Жаль, черёмуха перед домом начала чахнуть, сохнуть. Неужели погибнет?

За этот день расшифровал с диктофона большое интервью с В.П. Полевановым о его работе в Госкомимуществе. Вечером купался, читал «Будденброков» Тамоса Манна, отогнали с Ириной для Наташи машину на поворот. Назад шли в полной темноте. Но как было хорошо.

9.08. Таня улетела на Кипр. Мы рады, пусть отдохнёт от любовной драмы. Писал «прощание» с Расторгуевым. Звонил Полеванов. Он прочитал в «Свете» (мы встретились в номере) нашу переписку с Шестинским. Звал на встречу, когда буду в Москве. Вечером кроме Томаса Манна читал «Литературную газету». Купались.

В новостях по ТВ сплошные погодные сенсации. Объявлено — такая аномальная жара на территории России впервые за тысячелетие. Иными словами, ничего подобного раньше не было и быть не могло. Из других стран передают: Европа залита ливнями, катастрофа. То же в Пакистане, только там от наводнения и оползней тысячи погибших. И опять объявлено — происходящее необычно и впервые в таких катастрофических масштабах. В Бразилии, напротив, морозы, снег.

10.08. Писал расшифровку беседы с Парпарой. Интервью получилось большим, интересным. Но надо бы направить Анатолию Анатольевичу дополнительные вопросы, чтобы сделать этот материал всеобъемлющим.

Звонил Мидов — всё никак не можем встретиться, чтобы я посмотрел готовую, сделанную им обложку для «Вертикали». Купались.

11.08. Писал рецензию на книгу стихов Николая Викторовича Офитова «Врачующая тишина». Прошёл дождь. Закончил читать «Будденброков». Купались. По ТВ «Волга» — резко увеличилась смертность в больницах от жары. Только в одной больнице № 13 за десять дней скончалось сорок человек. Раньше немногим более умирало за месяц. (Хотя тоже цифра пугающая!) Здесь в деревне почти никаких неудобств от жары не испытываем. Спасает прохлада деревянных стен, пьём родниковую воду. Но дым, запах гари стоит в воздухе. Пожар в Керженском заповеднике. Горит и в Борском, Городецком районах. Всё вокруг нас. Сводки по ТВ сродни военным — там фронт огня остановлен, там столько-то людей эвакуировано.

12.08. С вечера и всю ночь всё небо полыхало от грозových разрядов. Громыхало. Ночью же прошёл дождь. После обеда решили с Ириной уехать. Накопились неотложные дела в городе.

Уже дома позвонил Михаил Попов из Архангельска. Первый вопрос — что у вас там происходит, почему не могут потушить? Вода в Волге закончилась, что ли? Затем о своём. Похоже, он может потерять свою «Двину». Слишком много подобного в этом году. Прекратили выход журналы «Всерусский собор», «Слово» (вместе с «Домом Ростовых»), держатся с трудом «На любителя», «Новая Немига литературная» (позвонил Аврутин, возможно, сдал в типографию последний номер, в нём мой «Колька»), газета «Российский писатель». Настораживающая тенденция.

14 — 18 августа. кунавино

Всё, что намечал сделать в городе, успешно выполнил. Вновь удираем в деревню все вместе. Ночью было и вовсе прохладно. Просто не верится, что такая разница с городом, с квартирой.

15.08. Вновь наслаждаюсь работой в своём кабинете. Писал дополнительные вопросы к интервью с Парпарой. Отлично получится, если он ответит (свободно, расширенно). Над деревней стоит плотный дым. Он даже затрудняет дыхание, першит в горле. Начал писать рецензию на роман Геннадия Петрова.

16.08. Дописывал рецензию. Приезжал Чугунов. Говорили о предстоящем архиерействе епископа Илии (Быкова) в Нижнем Новгороде. Понравилось, что отец Владимир на опасные моменты смотрит критически и трезво. Я ходил купаться.

17.08. Звонил Ларионов. Сегодня Бондарев вновь подпишет для меня необходимое письмо. Книжная ярмарка начинается 1 сентября. Ждёт книги.

Начал читать книгу интервью Татьяны Глушковой. Умница невероятная. Знания энциклопедические. И на многие вопросы «патриотизма» и историзма наши критические взгляды схожи.

18.08. Вчера вечером мимо нашей деревни ездил пожарные машины. Это насторожило. Выходил в темноту, прислушивался, вглядывался — нет ли вблизи пожара. А ещё хотел повидать вчерашнего ежа, что вольно гулял в темноте у нашего дома.

Утром набрали яблок (ванну и две коробки — от урожая летних сортов сущие пустяки) и в 11 часов выехали из деревни. Наташу подвезла подружка к ближайшей к нам деревне по Кировской трассе. У меня не было даже документов на машину.

Сегодня в редакции успел набрать рецензию на сборник лирики Офитова.

19 августа

Был у Мидова в мастерской. Николай Павлович показывал готовую новую обложку для «Вертикали». Как я и боялся, она мне совершенно не понравилась. Видимо, вина в том, что я передавал свои пожелания

через Климешова. Я говорил о скупоści изобразительного выражения, о малом количестве изображённых деталей и об их стремительности, динамичности, резкости. Тут же благодостный, округлый рисунок ангела во всю страницу. Такая же жирно округлая, самодовольная надпись «Вертикаль» внизу её. Это совершенно не то, что нужно журналу. По духу, поставленным задачам, по занимаемой общественной позиции. Конечно, оставляю прежнюю обложку.

Позвонила Татьяна Борисовна. Оказывается, ещё седьмого числа похоронили Людмилу Борисовну. Отёк лёгких. Умерла быстро и безболезненно. У самой Татьяны Борисовны была такая температура, что она даже не ездилa на кладбище. И тоже непонятно отчего.

Можно сказать, что сегодня, наконец-то, закончилась жара. Днём было всего плюс двадцать восемь (всего!), а к вечеру (позднему) опустилась до плюс пятнадцати. В выходные ночью обещают заморозки до минус трёх. Нечто подобное я и предвидел.

Звонил Чугунов, и я сказал ему о новой обложке. Он поддержал меня, чтобы оставить старую.

28 августа. никола-погост

К Чугуновым поехали потому, что этого попросила Таня. Ей хотелось поговорить с отцом Владимиром о своём, о накопившихся сомнениях и разочарованиях.

У меня же рабочая неделя прошла в суматохе. Но удалось разрешить какие-то главные вопросы. Например, подготовил и разослал по нужным адресам свои новые материалы. «Матушек» Чугунова в этом выпуске будем печатать всё-таки в полном объёме. Мюрисеп договорился с авиационным заводом «Сокол» о пусть небольшом, но финансировании этого выпуска. Мы дадим две статьи его отца, которому в этом году исполняется сто лет. Шаров помог разрешить проблему с отчётностью для налоговой и взялся за проблему с «Медалью Пушкина».

Из разочарований — Ларионов не смог участвовать в книжной ярмарке на ВДНХ. В итоге и мы свои книги там не представили.

Чугунов явно ощущает трудности (моральные, не видит чёткой перспективы, какой-либо отдачи от такого финансирования) в финансировании «Вертикали». Ясно, что, давши слово, он его держит, но мне самому от этого тяжело. Он же не какой-то серьёзный бизнесмен. У него и самого всё на пределе, с трудностями.

25.08. Приходил к Коломийцу Пашков. Пришлось и мне участвовать в их застолье. Александр Павлович будет писать статью для книги Алексея Марковича — новые и избранные стихи. На этот раз я был сдержан, не раздражителен. Да и Пашков повода не давал.

Конец недели Ирина в Питере, учёба. Вот такие вкратце новости до поездки.

В Николе-Погосте на этот раз всё было как-то по-домашнему — и застолье, и пение Варвары. У Чугунова вышла книга «Матушки», и я ей рад. Для православной публицистики и мемуаристики это явление отрадное. И написано талантливо, с глубоким знанием дела, и есть довольно острые оценки, исторические уточнения, особенно, что касается церковного служения.

1 сентября

На авиационном заводе «Сокол», в музее отметили столетие В.А. Мюрисепа — отца Александра Васильевича. Среди приглашённых. Было любопытно побывать на территории, где строят самолёты, послушать людей, этим занимающихся. Конечно, технари, не очень складно говорящие, но люди добрые. После и на кладбище побывали, и в кафе посидели на улице Чаадаева. Так что наслушался их и кое-что понял в их профессии.

В этот вечер Александр Васильевич совершенно замечательно прочитал поэму Пушкина «Граф Нулин» — на вдохновении, образно, свободно.

Я, приехав несколько раньше назначенного срока, прошёл в Сормовский парк к зоопарку «Лимпопо» и с берега наблюдал в канале жизнь уток и лебедей. Канал, его небольшой участок, огорожен сеткой, но утки, которые стаей поднимаются на крыло, через неё не перелетают. Улетят ли на зиму? Думаю, нет. Зачем, когда здесь сытно кормят. В Москве у мостов живут же стаи уток. То же я видел и в Питере. Смотрел на птиц и читал поэму «Современники» Некрасова (это меня Татьяна Глушкова своими интервью раззадорила). Господи, как современно — будто про наши времена. Даже жутко. Куда мы своей общественной жизнью вернулись? В девятнадцатый век? Ничего нет нового в нашей теперешней истории. Идём по второму кругу.

2 сентября

Подготовил и отослал Чугунову статью о Валентине Николаеве (принципиально переделанную, ту, что печатал в «Вертикали») для первого тома собрания сочинений Валентина Арсеньевича. Убрал из текста все свои, теперь совершенно неуместные, претензии и обиды. Вспомнил же тёплое и доброе, которое нас обоих согрело и сблизило.

Звонил Шемшученко. Вернулся из своих поездок — Соловки, Болгария, Крым — и прочитал присланную мной газету «Нижегородская правда», где опубликовано моё интервью с ним. Страшно удивлён, что главная нижегородская газета пропустила все его выпады против сегодняшней власти. А выпады, надо сказать, «на грани фола», оскорбительные — это точно. Но ведь решила редакция. Может, по недогадью? Хотя, готовила публикацию Мухина — журналистка не из самых смелых. Ладно, посмотрим, как ониотреагируют на беседу с Полевановым.

3 сентября

Тяжёлый день. Я близок и к разрыву с Коломийцем, и к уходу из «Волгагеологии». Очередной случай его полного нежелания хоть капельку пойти мне навстречу. Хотя чем-то помочь. Я обижен и раздражён... Но позвонил Серёжа Чепров (видно, его Господь надоумил), сказал несколько слов всего — три минуты поговорили (дорого звонить с Алтая) — и я успокоился, отпустило.

И всё-таки сегодня произошло непоправимое — я впервые сам для себя всё пренебрежение Алексея Марковича к моим просьбам, подставление меня в разных ситуациях (с приездом Шестинского, с выпуском 30-го номера...) расценил, как предательство. Больше этого прощать нельзя.

Вновь из Москвы приехала Таня. В воскресенье будет причащаться у отца Владимира.

7 — 8 сентября. толоконцево

Вчера пришло электронное письмо от Александра Громова, главного редактора журнала «Русское эхо» из Самары. Пригласил на журнальный юбилей — 50-й номер вышел. Всё состоится в октябре, и сегодня я дал согласие. Александр сразу перезвонил, уточнил детали приезда, попросил паспортные данные. Всего гостей будет десять человек. Думаю, это интересно. Ну, а теперь мы едем к Симакину. Книга «Николаевская округа», наконец, вышла — будем отмечать. Я первым делом, после бутылки шампанского, залез в баню и изрядно себя прожарил. А поздним вечером под коньяк, за столом на улице, долго спорили о Солженищине. О сути разногласий даже не хочу здесь упоминать. Только отмечу одно — определение книги по жанру, как «художественная хроника». Автор оказался хитрее всех и подстраховался. Но все как ослепли — считают книгу доказанным, объективным документом.

На следующее утро долго гуляли у озера. Много уток, цапель, всякой водоплавающей мелочи. К вечеру перед отъездом (за нами приехал Сергей Шестак) там же на берегу долго жгли костёр. Кто-то бросил старые поломанные ящики. Весь этот хлам мы с Цветковым и сожгли.

Как коротко время, как это не поддаётся осмыслению нашему разуму. Только что, изнывая от жары, прятались в тени под старой яблоней. И вот — пар изо рта от холода, кутаемся в тёплые бушлаты и смотрим на дальнюю воду без всякого желания в неё окунуться. К тому же по озеру ветер гонит мелкую волну, которая бликами отражает холодное солнце.

Ночью случились заморозки. Здоровые листья тыкв утром были покрыты капельками росы. Потом обвисли тряпками подобно тому, как в жару обвисали под солнцем в полдень (я подумал, что потеплеет, и они восстановятся). Но прошло ещё немного времени, и они почернели и засохли — словно огнём опалённые, сделались сухими, ломкими. И в природе случается скорая, неожиданная смерть.

От Штестинских пришли фотографии (по электронной почте) с могилы Олега Николаевича, где установили мраморный крест на Голгофе. В неё (гольгофу) вмонтирован бронзовый барельеф (медаля, выполненная Яном Кулихом — словенским скульптором), который получил Олег Николаевич в подарок на своё восьмидесятилетие.

9 сентября

Получил 31-й номер «Вертикали». Увеличенный размер непривычен. Но, по-моему, хорошо. Чугунов был прав, настаивая на этом изменении во внешнем виде журнала. И внутри макет смотрится интереснее. На этот раз я не пожалел места под фотографии.

11 — 12 сентября. кунавино

Все трое. Соседи носят грибы. Много! А у нас урожай яблок. И такие красивые — сочные, красные, горят зажжёнными фонарями — что глаз не оторвать. Это всё на втором участке, на тех яблонях, которые в прошлые года (да за всю их яблочную жизнь) и по одному яблоку нас не одарили. И вкус плодов замечательный — сладкий, прохладный.

Вот уже и печку пришлось топить. В доме неуютно, холодно. Но огонь всё исправил.

Домой обратно отправились в дождь. По возвращению из звонков два важных: Эрастов Женя предложил журналу сотрудничество с дочерью Василия Гросмана, 82-летней писательницей, с которой он вот уже два года общается в Переделкино (она автор рассказов, воспоминаний и так далее); Павел Климешов рассказал, что Мидов рисует новую обложку. Значит, Николай Павлович понял (из-за моего молчания), что обложка мне не понравилась.

15 — 16 сентября. голоконцево — кунавино

Ночевали у Симагина. Поздно вечером втроём (я, Георгий и Володя Цветков) выходили смотреть на звёзды. На следующий день побывали в «Красном Сормовиче». В сельсовете я прояснил ситуацию с землёй под баней. Не простая, спорная, но немедленного решения не требует. Много в нашу пользу. Без нашего согласия они этот участок оформить не смогут. На обратном пути заехали в Кунавино. Прохладно и солнечно. Собрали яблоки. Я показал дом. Пили чай на веранде. Окно открыли. На душе восторженно, «солнечно».

25 сентября. лес

Очень тепло. Но, наверное, последние солнечные дни перед затяжным осенним ненастьем. Коломиец забрал меня прямо из кабинета, без всякой экипировки. И у меня не хватило твёрдости настоять на своём отказе от этой поездки. Попытался — но сдался и в итоге, лишь рукописи и документы для прочтения забрал с собой в дорогу.

В лесу всё-таки чудесно. Собирали рыжики. Жаль только, что в итоге образовалась небольшая компания и потому не обошлось без застолья — тяжеловатого, лишнего и довольно поздно закончившегося.

При расставании Алексей Маркович клялся в дружбе, уверял, что готов участвовать в подготовке юбилея журнала, но веры у меня его словам нет. Увы...

3 октября

Детский спектакль «Кот в сапогах». Позвал посмотреть Мюрисеп. Александр Васильевич играет Короля. Эта постановка мне показалась скучноватой. Но побывал на ней с удовольствием. За прошедшую неделю на больших нервах разобрались с документами на возможный грант по журналу. В итоге вся работа оказалась необходимой для попытки в следующем году. Разработана и схема сотрудничества в этом вопросе с фондом «Родное пепелище» на взаимодовольствующих условиях. Журнал остаётся свободным в своих дальнейших действиях и может в любое время пойти в «автономное плавание» по поводу получения гранта.

В эту же неделю у меня в кабинете состоялся разговор с Ломтевым. Я попытался застолбить для редакции кабинет в новом помещении Союза писателей. Предварительно договорились. Но это возможно только при условии, что я стану его техническим помощником, включая и какие-то завхозовские функции. Стоит ли это всего? Надо думать.

9 октября

Звонил Николай Рачков из Питера. Просил Минский адрес Аврутина и делился своими впечатлениями от прочитанного в журнале — о моей переписке с Шестинским («По-новому узнал Шамшурина») и о публикации Данчука. Тут упреки всё те же — высокомерие в оценках современных писателей, любованье собой, своей начитанностью. Собственно, я с этими оценками совершенно согласен. Что-то написал мне Николай Борисович и о моём рассказе, но пока его письма я не получил. Хочет прислать ещё один свой сборник, изданный в Арзамасе.

10 октября. кунавино

Теплынь. Истинная золотая осень. Солнце. Закрывал окна на зиму и ещё занимался всякой мелочью на участке. Жаль, что побыли всего несколько часов. Но и за это время как покойно, умиротворённо стало на душе. Жаль, что совсем не использую это место для душевного уединения, сосредоточения.

11 октября

Наташа Адрианова собрала на Бугровском кладбище Ольгу Воронцову, Альбину Гладышеву и нас с Алексеем Марковичем. Повод — в среду на могиле Юрия Андреевича будет шумно, с телевидением открывать памятник (организует всё Цирульников), потому предварительно: «Я хотела, чтобы пришли люди, которые бы это место осенили добром и любовью».

И действительно, мы по-доброму помянули поэта, распив бутылку коньяка. Неспешно разговаривали, вспоминали. А к ногам нашим падали большие жёлтые кленовые листья. И было покойно, как-то родственному.

Памятник — это отполированный плоский прямоугольный кусок красного карельского гранита, на котором, без портрета, выбиты необходимые слова, даты и эпитафия, написанная для себя самим Юрием Андреевичем. Ещё с Коломийцем мы подняли прежний крест (он лежал вдоль могилы, у ограды) и привязали его к ограде стоймя.

Вечером пошёл мелкий, затяжной осенний дождь. И получается, что мы успели вовремя.

14 октября

В музее Добролюбова отметили 70-летие Юрия Хромова. Я пришёл по его настойчивому приглашению. Если выгнать родственников и сто-

ронных приглашённых, то писателей было совсем немного. Хотя вечер прошёл сносно.

15 — 16 октября. кстово

Фестиваль «Русский смех». Приехал Шемшученко, встречал его на вокзале. Были и ещё два поэта из Питера. С ними вместе проехал до старого Союза. А уж там меня уговорили ехать и в Кстово.

Володя выступал в местной школе № 3 — самой большой в городе. Я сидел в зале и видел, как хорошо приняли его «концерт» старшеклассники. Да и вообще, мне пришлось по душе атмосфера (человеческая) в школе. Это лишний раз подтверждает, что есть для кого литератором работать. Обязательно отошлю в эту школу комплект журналов — обещаю директору за обедом.

В этот же день местный краеведческий музей (слабый, с малым количеством экспонатов), и большой концерт во Дворце Нефтехимиков, который удался. Я даже не помню, когда так от души смеялся. Все были хороши — и гости (Евгений Нефёдов, Ал. Бобров), и наши местные. Читали остроумные, профессиональные вещи. И вновь порадовался за Шемшученко. К каждой аудитории он находит свои ключики, везде его принимают на ура. Это большой опыт.

Ночевать остался вместе со всеми в гостинице «Дядя Ваня» (село Безводное). Застолье долгое, далеко за полночь, но неутомительное. Пели, читали стихи. Евгений Нефёдов замечательно прочитал Есенина: «Письмо от матери» и «Ответ» — оба стихотворения подряд, как одно. Но как вдохновенно, талантливо. Я сидел за столом напротив, и искренне восхитился, сказал об этом. А ведь был Евгений тяжёл от алкоголя.

Второй день в переездах и совсем бессодержательный. Проводил питерцев на вокзале.

22 октября

Зашёл Хромов и огорошил новостью — умер Евгений Нефёдов. И виной тому его «питиё» в Кстове — это несомненно. Шемшученко и тогда мне говорил, что ему пить нельзя, опасно для жизни. Я позвонил Володе — он уже в Москве. Как же надо быть осторожным со спиртным! Только что человек смеялся, читал стихи, выступал со сцены, и вот... Понимаю, говорю банальности, и всё же... всё же. А в ушах последние прочитанные строки: «И нет за гробом ни жены, ни друга».

Вчера был у Мюрисепа в театре, отвозил журналы для завода и заодно посмотрел первое действие «На всякого мудреца довольно простоты». Заскучал. Мне показалось, много небрежного в игре актёров. Прошёл в антракте в гримёрку Александра Васильевича, и там с ним проговорили чуть ли не до середины второго акта — до его выхода. Сегодня же посмотрел «Тартюфа» — и получил удовольствие. Хотя потом, когда обсуждали, то нашлись и недостатки. Но общего впечатления они не испортили.

23 — 24 октября. кунавино — толоконцево

Цветков, Семакин, я едем ко мне переносить забор, менять жерди. Рассчитывали управиться за один день, но нам и двух, полностью посвящённых работе, не хватило. Мы с Георгием рубили и носили деревья (от реки, от дороги). Володя был на подхвате по всем делам.

Ночевать Георгий увёз нас к себе в дом. Утром вновь вернулись в деревню и опять за работу с коротким перерывом на чай. И всё-таки всё намеченное не сделали. Уже рано темнеет. И луна появляется такая большая, ровно-круглая, светлая, с тёмными пятнами океанов. Соседей никого, хотя и выходные. Оттого как-то вольнее — словно вся округа принадлежит одному тебе. И ветер — сильный, вольный, порывистый. Когда в доме поднимался наверх, на второй этаж, то слышал его свист, завывание. Пока работали, над нами пролетел селезень (и он почувство-

вал пустынность, неопасность для себя этих мест), затем целая стая свистелестей уселась рядом на рябину.

28 октября

В театре драмы прогон спектакля «Последний поединок Ивана Бунина». Смотрю с двумя режиссёрами — Мюрисепом и Львом Беловым. По-моему, всё плохо. Совсем нет драматургии (пьеса Ибрагимбекова по воспоминаниям). Скучно, плохо связанные сцены. Никитин в роли Бунина, как мне кажется, просто не знает, что играть. Не получается образа. Мюрисеп ушёл обсуждать спектакль на художественном совете. Интересно узнать его мнение. Во всяком случае, о тех вкраплениях в действие спектакля из рассказов, собранных Буниным в сборник «Тёмные аллеи». Причём они тут?

29 октября

Александр Васильевич позвонил днём, из автобуса. Видимо, томился в пробке. Ему понравилось оформление пространства сцены, музыкальное оформление спектакля — и я с ним согласился. Он же был на моей стороне в оценках режиссуры и игры Никитина, в отношении к сценкам из рассказов.

Мне было несколько неловко за наш длинный разговор перед Борисом Селезнёвым. Тот пришёл ко мне поговорить о делах насущных.

Звонил Аврутин. В Минске вышел журнал с «Колькой». А потом и Михаил Попов. Его «Двине» исполняется десять лет. Хочет в юбилейном номере опубликовать мою статью о письмах Павла Флоренского и просит к ней рукописное вступление — поздравление журнала с 10-летием. Напишу с большим удовольствием.

Закончена работа над вёрсткой книги Алексея Марковича. Пашков статью так и не написал. Несколько дней назад вернул папку со стихами, многое раскритиковал (я по обоюдному их требованию при этом присутствовал). Я вновь оказался прав, когда предупреждал Коломийца — не напишет.

30 октября — 2 ноября. москва

Творческий вечер, посвящённый 70-летию Анатолия Анатольевича Парпары, состоится в Большом зале ЦДЛ завтра в 15-00, но мы с Алексеем Марковичем решили приехать заранее. Разместились на 21-м этаже в «Альфе» («Измайловская»).

На вечер я пригласил и Таню. Было исполнено много песен на стихи Парпары. Сам он тоже читал. Официоза не было совсем. Из Смоленска поздравил главный редактор тамошней газеты, да мы. А прочее — всё творчество. И об этом я говорил в своём слове. Парпара как бы сам отошёл в сторону, в тень, дав максимально выступить своим друзьям — поэтам, музыкантам, певцам. После ужина в ресторане тут же в ЦДЛ. Я привёз несколько пачек журналов. Всё разобрали моментально.

На следующий день хождения по Москве. С Петром Кононенко разговор получился ни о чём. Отказ. В Союзе подарил книгу «Солнышко — всем» Ганичеву. Валерий Николаевич сказал мне добрые слова о моей прозе — мол, она духовна, и ещё что-то. И вообще был приветлив и доброжелателен ко мне.

В «Дне литературы» условились, что подготовлю им обзор нашего последнего номера.

Пешком прошёл к Полеванову. Погода хорошая. Лишь потом похолодало, когда я уже вышел из Храма Христа Спасителя. А в храме хорошо. Он «потеплел», начал наполняться живым духом — это в отличие от прежних времён. Я и посидел в Нижнем храме, и к мощам Митрополита Московского Филарета приложился в главном соборе.

С Владимиром Павловичем получился интересный разговор о Китае: «Он воевать с Россией не будет. В понимании «лошадь и наездник» мы

выполнятся сейчас роль лошади». О США: «Крах доллара неизбежен. Это завершится для них гражданской войной, развалом. Страна в ближайшее время не сможет выполнять социальные обязательства перед своими гражданами. Внешний долг огромен. Армия со всеми авианосцами окажется просто беспомощной. Видимо, американцы устроят какую-то глобальную провокацию, чтобы попытаться обуздать волнения в стране, взять их под контроль».

На мой вопрос — сколько США ещё протянут, Полеванов ответил — «года два». Посмотрим. Ясно одно — катаклизма не избежать

О России: «У нас всё хорошо. Волнений не может быть в принципе. Нет объединяющей силы, способной повести недовольных. А всех возмутителей спокойствия обявят с помощью СМИ террористами».

Вот такие перспективы.

Владимиру Павловичу сделали операцию на плече. Теперь он не сможет поднять руки (правой), но свои путешествия по открытию истоков рек бросать не намерен.

Когда на следующий день уезжали из Москвы, то забрали в Нижний Таню.

Эти дни читал в Москве и по дороге роман Владимира Максимова «Прощание из ниоткуда». Отношение автора к «еврейскому вопросу» меня откровенно раздражает. И мне теперь стало даже более понятно, почему он именно им передал свой журнал. У него в тексте если еврей — то сама чистота, талантливость, доброта и незащищённость. И всё это на фоне русских хамов и извергов.

Проверил по приезду домой сотовый. Из непринятых есть номер Шемшученко. Завтра Володе перезвоню.

9 ноября

Ломтев сегодня вечером сообщил, что хотел собрать правление, да многие болеют. Вот и Шамшуринов в реанимации. Подробности он не знает.

12 ноября. лес

Погода продолжает баловать. Тепло (плюс десять), и солнышко нет-нет да из облаков выглядывает. Алексей Маркович подговорил съездить в лес, на то старое место, в посадки, где собирали рыжики. Я всё больше ходил по опушке и любовался осенью, далями, небом. Тишина. Лёгкие перистые облака размазаны в синеве и освещены заходящим солнцем. В такие минуты думается о вечном и о конечности твоей собственной жизни.

Вчера должен был уехать в Самару на юбилей «Русского эха», но... не поехал. Что-то я начал срывать одну поездку за другой.

16 — 18 ноября. казань — чебоксары

Удивительно легко преодолеваем дорогу. Хотя опять на машине Алексея Марковича. Гостиница «Булгар» оказалась хорошей, тихой. Номер двухкомнатный с двумя телевизорами, но с плохим светом для чтения. Хотя — это уже норма для всех современных гостиниц.

Вечером с Коломийцем совершили большую пешую прогулку — ул. Ершова и Карла Маркса, мимо театра на ул. Кремлёвскую, Кремль с заливной светом Мечетью в центре. По улице Баумана (пешеходной), которую я помню ещё с первого давнего своего приезда в 1996 году — здесь ужинали в Турецком ресторане — и опять пешком в гостиницу уже частично другими улицами.

17.11. Туристически осмотреть город решили днём. Набережная Казанки. Русло реки, в пределах города широченное, подпёртое Куйбышевским водохранилищем, сейчас полностью обмелело. Вода ушла, оголив илистое дно. Если это всё высохнет, то в центре города образуется огромный резервуар (склад) пыли, которую ветер понесёт на дома

и людей. Но это при худшем развитии событий. В местной прессе во всём обвиняют энергетиков. Они акционировались, стал хозяевами, и теперь ради прибыли (производства и продажи электроэнергии) расходуют воду из водохранилища без экономии. Видимо, об этой возможной проблеме при реформировании РАО ЭС никто не подумал. Да и только ли об этом.

С правого берега Казанки строятся новые районы. На левом, в старой части города, особняки новых нуворишей, новые дома под а-ля Европу 19-го века (с атлантами и голыми, в вульгарных позах тётками в качестве скульптурных украшений фасадов). Новые здания и у республиканских властных структур. Сам же город довольно грязен и неопрятен. Дороги развиты. Застройка 70-80-х годов прошлого века уныла.

Православные церкви, правда, отреставрированы. Но речной порт и прилегающие к нему улицы в ужасном состоянии. Никаким блеском (как ожидалось) Казань меня не поразила. Дорогие дома выдают безвкусицу и чванство местной «элиты». Дорвались до власти хозяева жизни.

Посетили мы и Софийский (?) мужской монастырь, приложились к иконе Казанской Божией Матери. Эта обитель тоже восстанавливается. Но место обретения святыни (оно в центре монастыря, полукругом огорожено братскими корпусами — как стеной) уже отмечено сенью. Я его разглядел сквозь стеклянные двери церкви.

В этот же вечер встречались с руководством геологического института. Подарил им наши журналы. В ответ директор отдался декоративным местным мраморным ониксом на подставке. Хороший сувенир на стеллаж.

18.11. Перед тем, как уехать из Казани, захали и отдали макет книги Алексея Марковича для печати. Затем посетили Раифский Богородицкий мужской монастырь, где хранится икона Божией Матери «Грузинская» и древний образ «Нерукотворный Спас», к которому приложились. Вся обитель восстановлена, церкви внутри расписаны. Во всём чувствуется порядок и ухоженность. Прогулялись мы, выйдя, и вдоль стен, у озера. На сердце от всего стало радостно, возвышенно. Оттого и назад в Нижний возвращались, как с праздника. Ехали по новой для меня дороге, вдоль левого берега Волги по землям Марийским — ровным, лесистым. Дорога хороша и довольно пустынна вплоть до Чебоксарской плотины. Столица Чувашии чиста настолько, что кажется, будто дороги и тротуары, газоны только что пропылесосили.

Остановились в центре, погуляли по набережной у речного порта, где открывается на город радостный вид — белые церкви, величественный памятник, «опрятная», со вкусом, архитектура зданий оставляют самое приятное впечатление. Этот город для моего сердца оказался намного милее Казани.

Посмотрели с Алексеем Марковичем государственный «Минералогический музей», оставивший самое приятное впечатление — интересная экспозиция, добрые и отзывчивые сотрудники. Я и здесь подарил журналы, обещал прислать книги. (И хорошо, что обещание выполнил — В.С.)

19 ноября

Началась работа с вёрсткой книги бесед.

В последние дни мне звонили: Ларионов (перед поездкой) — просит написать о книге дневников Л.Н. Толстого, которую он мне недавно прислал; Аврутин (в Казань) — хочет добавить свою подборку новым стихотворением; Рачков (в Казань) — подготовил текст ответов на мои вопросы, к тому же прочитал мои работы в дополнительно мной отосланных ему «Вертикалях»; Попов — всё мною отправленное получил, моё поздравление журналу хочет немного сократить; Щербаков — Сергей в Москве, обзванивает друзей, он в хорошем настроении, готовится к написанию новой вещи и недавно закончил какой-то очерк. Пришлёт.

24 ноября

Второй день плотно работаю над материалом о Расторгуеве. Это последняя заготовка, оставшаяся с лета. Писалось трудно, но теперь пошло, да так, что завтра надеюсь предварительно закончить.

Позвонил Лукину — снял свою осаду, обет молчания. Это, может быть, послужит Борису наукой. Да нет, прежнего тепла в отношениях уже не вернуть.

В драме, по приглашению Мюрисепа, смотрели «прогон» «Вассы» М. Горького. Я всегда считал, что как драматург Горький велик, проблемы его пьес вне времени. Но как он страшен в отрицании Бога, как ужасен становится человек, на какие только преступления он становится способным.

Конечно, в нашем театре пьесу «потрепали», покровсали. Но Горький тем и велик, тем и страшен, что внесённый им заряд «выкорчевать» из пьес невозможно. Надо бы их перечитать.

29 ноября

Заморозило неожиданно. Шёл через мост — Оку затянуло ледком. Он отражает свет фонарей. А сейчас, ближе к полночи, на градуснике минус двадцать. Мне же от этого радостно. Бодрит, лицо обжигает, но ветра нет, в дублёнке тепло.

Пришло письмо по электронной почте. Лавка Литинститута просит ещё (уже третий раз) книг о Шестинском «Яблоки русского сада». Завтра обязательно отошлю.

«Гоню» сразу две вёрстки — «В-32» и книгу бесед. Да только по всему чувствую — как бы себя не загнать. Много сразу на плечи взвалил — не надорваться бы.

1 декабря

Зима. Мороз за двадцать градусов. Ока встала. Волга во многом тоже. Большие промоины парят. И этот пар, как туман, ветер гонит на Оку. Он стелется и движется как под мостом, так и над ним. А я всё равно продолжаю ходить через мост пешком.

Генералу Чиху — шестьдесят лет будет 17 декабря. Но сегодня он пришёл отметить юбилей с нами. Я подарил православный энциклопедический словарь с большой дарственной надписью, заверенной нашей печатью. Конечно, говорили и о дальнейшем сотрудничестве. Хотя перспективы его не ясны.

Сегодня мой наградной лист Шаров отдал на подпись главе города. Первый шаг к финишу?

2 декабря

Был у меня Голубков Андрей Борисович. Я выпустил книжку его внучке («Запоздавшая грамота», повесть), и он приехал с бутылкой коньяка благодарить. Оказался интереснейшим собеседником. Родился в деревне, в Ивановской области. Учился в Ленинграде (города называет только по-советски — Куйбышев, Горький). Строил заводы и плотины на реках Сибири, Енисее и на Днепре, Волге. Долгое время работал зам. начальника Волжского объединённого речного пароходства. Сейчас в ЗАО «Пирс» руководит проектными работами. Его горькие слова: «В Горьком не любят реку. Вдоль неё строят плохо. Застройка Нижне-Волжской набережной (новый торгово-развлекательный комплекс) ужасна. Она закроет от горожан реку». А вот поднятие отметки Чебоксарской ГЭС, по его словам, городу ничем не грозит. Ну, и ещё много чего интересного было сказано.

3 декабря

Правление в Союзе писателей. Шумно, эмоционально. Я был категорически против участия Союза в издании «Земляков». Надо создавать свой альманах. Рябов же может Союз только использовать, а в итоге обманет.

Голосовали. Прошло моё предложение при одном воздержавшемся (Киселёв: «Ведь мы уже договорились, пообещали»).

4 декабря

Позвонил Ломтев. Благодарил за вчерашнюю поддержку на Правлении. Значит, не сладко ему было. Но я-то вчера понял — при трусливом молчании Селезнёва, растерянности Киселёва, агрессивном эгоизме Махраханова, в атаку перешёл представитель «бывших» Чижов. И в этой ситуации просто необходимо было всё поставить на свои места. Иначе бы Ломтев сломался, те бы его подмяли. Александр и так, бедный, мечется.

7 декабря

Вчера стало известно, что мэр наградной лист подписал. Завтра Павел Павлович Шаров отнесёт его в канцелярию губернатора.

В типографии забрал первый том Николаева. Из моего очерка Чугунов сотворил нечто совершенно безвкусное, дилетантское (сократил, что-то вставил из биографических справок, дописал) и поставил всё это на место вступительной статьи. Зачем? Что ему мешало написать самому, и самому отвечать за свои слова? Я в жутком раздражении. Уговариваю себя «не наломать дров», но пока это плохо получается.

11 — 12 декабря

Валентина Николаева нет уже два года. Поминальный обед устроили у меня в редакционном кабинете. Перед началом отец Владимир отслужил маленькую литию (прочитал молитвы). За трапезой вспоминали Валентина Арсеньевича, говорили о наших литературных делах. Не обошлось и без богословских споров. Но не шумных, без нервов.

Сегодня приехал Лев Белов (режиссёр). Вечер просидели за разговорами. Подарил ему свои и чужие книги.

Так прошли суббота с воскресеньем.

Рассказывая о себе, Лев Серапионович заметил, что ощущает (или понимает) некую предназначенность каждого человека определённому делу. Вот как он стал режиссёром.

Учился и жил с семьёй в Джанкое (Крым). После седьмого класса отца переводят на Камчатку. Лёва ехать с семьёй категорически отказывается и отправляется к бабушке в Ленинград. Блестяще оканчивает десятилетку. Семья возвращается в Питер (в советское время после демобилизации военные выбирали сами города для постоянного места жительства и там получали квартиры), и мать настаивает, чтобы сын поступил в институт. Льву (на этот раз ему) пришлось уступить. Год отучился в технологическом. Но тяга к театру не отпускала (ещё в школе посещал студию) — бросил. Работал на фабрике Госзнак и через два года поступил в театральный институт. Потом Новосибирск, главный режиссёр местного ТЮЗа, преподавание в местном театральном училище. Приезд с группой студентов (показывали спектакль) в Нижний. Становится главным режиссёром в нашем ТЮЗе. Ставил спектакли в других городах.

Я видел работы Белова только в студенческом театре (учебном) нашего училища. Но что губит в России талантливых людей? Водка! Лев Серапионович жертва этой же слабости. И Мюрисеп, и Прибутковская рассказывали, как он практически сорвал постановку пьесы Нины в нашем драмтеатре. Та же беда и с театральным училищем. Но я согласен с мыслью о предназначенности и выборности людей какому-либо высокому служению. Сам об этом думал не единожды.

19 декабря

Вчера поставил точку в макетах и 32-го номера, и «Возвращения». Организационно всё тоже вроде бы решено. Осталось отдать в типографию. Гора с плеч.

Днём поехал к себе. Писал письма, готовил бандероли для отправки почтой, собирал книги и журналы для библиотеки ВТО. Позвонил Хромов — прочитал старую рецензию в «Литературке» на «Последний день». После разговора я себя усовестил — столько времени тяну с отзывом на его «Избранное». Многое мне в книге не по душе. В литературном смысле, это всё ещё только ученичество. Но жизнь-то уже прожита. Так чего же ругать им написанное. Какой смысл. Лучше найти в его стихах что-то доброе.

Рецензию написал за один присест. Всё-таки хорошо мне работается в выходные дни. Нет раздражающих факторов. Я спокоен, сосредоточен и потому работоспособен, как почти не бываю в будние дни.

На обратном пути домой в автобусе застал звонок Сергея Щербакова. Живёт у себя в селе, в Борисоглебе. Пишет повесть о матери. Рассказал о своих успехах на радио, где записали его повести и рассказы. Проболтал весь путь до моего подъезда. Я вынужден был его прервать и распрощаться уже в лифте. Первый раз так долго (после автобуса ещё и весь путь от Московского вокзала до дома), да к тому же в мороз слушал по сотовому телефону чей-то рассказ о себе.

Вечером звонок Мюрисепа — сорок минут.

21 декабря

Приезжала за журналами заведующая библиотекой Дома актёров. Кроме большого комплекта «Вертикалей» подарил им и некоторые книги нашего издательства. Совершенно очаровательная молодая женщина — готова сотрудничать, проводить наши мероприятия в «зеркальном зале». Совсем немного мы с ней поговорили, и я вдруг для себя решил — вот где надо буде проводить юбилей журнала. И как-то сразу понял — обязательно его проведём, потому что есть заинтересованные люди — Мюрисеп, Снежана. Созвать прессу, кого-то из актёров, писателей.

Юбилей «Волгагеологии» (80 лет) в ресторане Гостиницы «Оки». Вспомнил молодость. Давно это было, когда я здесь работал зам. директора. Как же тогда тяжело мне было — света белого не видел, одна работа. Вырвался отсюда после больницы. А вот затем на этой должности работали другие. И, наверное, в полное своё удовольствие.

Уже вечером позвонила Наталья и передала исправления в макет «Вертикали - 32» Чугунова (без согласования со мной). Смысл их один — «Родное пепелище» издатель и владелец. Чем и о чём он думает? Неужели я на это пойду, чтобы вот так просто взять и загубить своё детище, главное дело своей жизни. Ну, да Бог ему судья... Как, впрочем, и мне. Завтра будем разговаривать. Я позвоню и сообщу, что его условия неприемлемы.

23 декабря

Неожиданный звонок Нины Николаевны Шестинской. Она опять напоминает — приготовила неизданные рукописи Олега Николаевича и хочет передать это мне. «Может быть, что-то опубликуешь, а что-то отдашь в другие провинциальные издания. В Москве никто этого печатать не станет. На гонорар не рассчитываю. Хотя живётся трудно. За дом в Переделкино приходится платить пять тысяч рублей в месяц. Евгений тоже два месяца не работает. А московская квартира обходится ещё в четыре тысячи рублей. Продаём потихоньку вещи — люстру, кое-какие картины».

Попыталась она попросить отвезти в Нижний (мне) рукописи Бориса Лукина, но тот отказался: «Сдобняков сам по три раза в месяц в Москве бывает». Зачем наврал?

Впрочем, и Сергей Щербаков, и Нина Николаевна говорят о том, что Борис вял, подавлен, раздражителен. Может быть, дело в болезни, а возможно, и в неудовлетворённой гордыньке. И всё равно, жалею его. Как бы помочь, поддержать. В выходные напишу ему письмо.

Приходил Владимир Дуркин (какой он старый!), принёс рукописи и диски с песнями в своём исполнении. Журналы взял читать в ВТО. До этого о нас не слышал. И так до бесконечности...

С Чугуновым вчера разговаривали. Видимо, тут тоже всё закончилось. Горечи или раздражения во мне по этому поводу нет. Всё как-то логично, само собой подошло к завершению в наших отношениях. И на поверхности их оказалось — всё должно быть так (и только), как хочет он... Или никак.

24 декабря

Правление в Союзе. От Литфонда пришли Хромов и «иже с ним». За столом в ещё не отремонтированном, но уже убранном большом зале. Скудное. Павел Климешов ничего не пьёт и почти не ест. Осунулся лицом. Спросил его, в чём дело? Что-то с поджелудочной железой. Есть не может — рвёт. Он даже обследовался. Я сразу вспомнил Кодина.

Домой возвращался с Юрием Хромовым. Он даже со мной пошёл пешком через мост. Крупный снег запушил дорожку. Безветренно. Дома — звонок Валерия Фирсова. Зовёт на свой юбилей в библиотеку Фурманова.

Только закончил и сдал в типографию очередной номер «Вертикали», а уже думаю о следующем.

26 декабря

Начал читать присланный Геннадием Петровым роман «Одни разговоры» с надеждой, что смогу из него что-то отобрать для публикации. Давно хочу представить этого автора в нашем журнале.

За окном метель. На подоконниках целые сугробы. Из-за метели моста через Оку не видно. Всё белым-бело. На крыше ярмарочного дома в завихрениях и порывах ветра мечется снег. Вот в такую погоду отправился на проспект Ленина. Город завален снегом. Тротуаров нет. Вместо них сугробы.

Фирсова поздравили спокойно и достойно. Библиотекари постарались с грамотами. Старики из его «Светёлки» принесли сувениры и прочитали свои вирши и здравицы в его честь. Меня тоже «выдернули» для приветствия. В качестве подарка — пообещал рекомендацию в Союз. Для него это самое главное.

27 декабря

Коротко. Пришли поздравления по электронной почте от Филатова (г. Бийск), Аврутина (Минск), Петрова (Атланта). Позвонил и Буланичев (Алтай). Приятно, что меня ещё кто-то помнит. Набрал Полеванова, весело поговорили. Пообещал ему привезти книгу с его интервью. Распрощались до следующего года.

Хромов прочитал текст моей рецензии на его «Избранное», позвонил и сообщил, что даже всплакнул. Становится совсем сентиментальным.

В типографию ушёл макет книги. Суета и все сомнения позади. Кстати, её и Буланичеву надо будет послать.

Вечером вышел на связь Чугунов — будто ничего и не было. Я его поддержал (не без удовольствия — худой мир лучше войны) в этом настроении. Отец Владимир вернулся к идее издать второй детский сборник. Ищет уже завёрстаные материалы, в том числе и мои. Мне бы хотелось, чтобы этот проект осуществился.

29 декабря

Ну вот, оказывается, тираж «В-32» готов. Забрал из него две пачки. По рассылке часть экземпляров успею отправить ещё до праздников. Остальное подготавливаю в каникулы — долгие и скучные.

Вчера у меня отмечали (проводжали) 2010-й. Сели троём, а там зашёл один, второй, третий. Так весь день и прошёл. Сегодня из Иерусалима

звонил и поздравлял Липа Грузман. А я набрал телефон Нины Николаевны. Поздравилась. 29 января она собирает у себя в Переделкино круг знакомых в память Олега Николаевича. Пообещал приехать.

31 декабря

Вот и ушёл в прошлое ещё один год. Не стало мамы. Наташа окончила институт. Издана книга «Яблоки русского сада», четыре номера «Вертикали». Сейчас в типографии ещё одна новая книга — «Возвращение». Подготовил свою часть во второй детский сборник. Там мои ранние газетные публикации о природе — новеллы, зарисовки, короткие рассказы. Всё сканировалось с вырезок, что храню в своём архиве.

Стал собкором «Литературной газеты» (и благополучно это дело завалил, опубликовав всего две заметки в течение года). Оформили и сдали мои документы на получение медали Пушкина. (Заодно «расчистили» всё в налоговой и в банке.) Если получится, то хотя бы будет обеспечена пенсия ветерана труда.

Большая подготовительная работа проведена для получения гранта. Будет жаль, если она окажется ненужной, пустой.

Вечером традиционно гулял по опустевшему, обезлюдевшему, неприбранному, скучному городу. Прошёл от площади Горького до площади Минина. Хотел как-то осмыслить прошлое, но совсем не думалось. Буднично и уныло вокруг.

Хорошо, что есть некоторые издательские наработки на будущий год. Но главное в том, смогу ли сам предложить что-то новое издателям и редакциям — своё, вновь написанное. Помогите мне, Господи, в этом! Помогите! А 2010 год прощай.

СЛЕД ОБЛАКА И ВЕТРА

2011 год

2 января

Из новогодних поздравлений: Перед курантами звонил Рагим; на следующий день Татьяна Борисовна — опять хочет устроить встречу на Рождество. Теперь она одна, но не унывает. За два дня нарядила ёлку. К ней зачастую Крайнов-Рытов, местный коллекционер всего и вся.

Пошёл на «Кремлёвскую ёлку» — Мюрисеп позвал. Перед представлением первоначально обговорили — как организовать вечер 10-летия журнала. Там же повидал и Никитина. Представление в филармонии устроили доброе, русское, без всяких иностранных новшеств и их уродливых героев. Детишки кричали от восторга. Да и я посмотрел с удовольствием.

Туда и обратно ходил пешком. Надо вновь привыкать обходиться без проездного, увеличивать физические нагрузки. А то сегодня, когда поднимался в Кремле, два раза острой болью (непривычной, взволнованной) ударило в груди. Как предостережение.

В компьютере (в своём) добавил данные в библиографию. Надо запомнить — это самый последний и самый полный вариант.

4 января

Вновь у Мюрисепа в филармонии. Набросали план выступлений на юбилее. Всё начинает приобретать «живой» вид.

В редакции мелкие дела — писал письма, рекомендацию в Союз писателей Фирсову, упаковывал для отсылки журналы, читал вновь присланные стихи Сергея Чепрова. Там, оказывается, есть одно, хорошее, посвящённое мне. Порадовался ему.

Все передвижения только пешком. Завел специальный блокнот маршрутов — для контроля пройденных расстояний.

6 января

Вчера пешком ходил к себе в редакцию. Город завален снегом — не пройти. С трудом добрался до кабинета. Но работалось плохо. Переписал письмо и запаковал посылку Чепрову. Подготовил заметку о «Последнем дне» для «Дня литературы». Прочитал первую часть рукописи Дуркина. Написано слабо, неинтересно («о своей жизни» в театре кукол). Многого надо сокращать. Прежде чем дальше работать, надо разговаривать с автором. Интересное совпадение — когда шёл обратно (снег сверкает, искрится — сказочно красиво переливаются блёстками высокие, пышные сугробы), то часы на колокольне Рождественской церкви пробили шесть ударов (вечера). Днём эти же часы, когда проходил мимо, пробили двенадцать.

Из поздравлений порадовал меня звонок Лены Крюковой. Я последнее время был на неё несколько обижен (на то были, пусть и не очень серьёзные, но причины), а Лена всё сняла своим звонком и некоторым разъяснением ситуации. Значит, тоже чувствовала за собой вину (невыполненные издательские обещания).

Николай Павлович Мидов (слабым, изжившимся голосом) поздравил с Рождеством. Замечательный художник, он хранит в мастерской изготовленный им ещё в смутные времена большой плакат. В своё время я предложил его опубликовать в «Вертикали». Художник задумался. И вот спрашивает — не передумал ли я? Подтвердил своё прошлое желание с готовностью. Условились вновь встретиться, всё обсудить.

На службу ходил в собор Александра Невского.

7 января

Позвонил Сергей Щербаков — поздравил с Рождеством. И я грешен, не удержался, попросил его написать предисловие к «Кольке», чем очень его озаботил. Ведь пишет Сергей долго, тяжело, к тому же только начал работать (две странички осилил) над повестью о матери — к этой работе он готовился долго, собирался с силами. Но слово не воробей... Теперь жалею, что поддался искушению.

14 января

Валерий Фирсов так долго и так настойчиво звал к себе на Старый Новый год, что я, наконец, сдался. Повёз ему и рекомендацию в Союз. Приехал и Селезнёв — уже в изрядном подпитии.

Как и предвидел — скучно и скромно поужинали. Уехал оттуда с облегчением к Татьяне Борисовне, у которой (теперь уже без Людмилы Борисовны) пили чай и много вспоминали школу. Отдельная тема — это её, как она сама называет своих учеников из спецшколы, — «дурачки». Вот судьбы!!! Обязательно надо будет эту тему в наших разговорах продолжить.

И ещё, вдвоём разговаривать оказалось спокойнее, теплее и откровеннее. Я это чувство здесь испытал впервые. Никакого угнетения духа от кончины старшей сестры я в Татьяне Борисовне не заметил.

Игрушки на ёлке в этот раз разглядел все. Многие напомнили моё детство — стеклянные разноцветные шишки в снегу, шары, сосульки...

26 — 29 января. москва

Едем на машине с Коломыйцем. Накануне Алексей Маркович побывал у нашего министра культуры (я подготовил письмо на награждение авторов к юбилею журнала) и рассказал затем мне, что Грошев хорошо говорил и о моей деятельности, и о журнале. Обещал быть на нашем вечере.

В Москве у меня два главных дела.

На следующий день по прибытии поехал в Союз писателей. Первый разговор с Котыкало почти не сложился. В «Дне литературы» с Валентиной Ерофеевой. Тут передал отрывки из повестей (судьба их совершенно

не ясна, вернее всего — «пустые хлопоты») и дозвонился до Парпары. Анатолий Анатольевич приехал и моментально всё решил по моим документам — всеми (включая Ганичева) подписал и необходимые печати поставил. Так что со спокойной душой поехали с ним обедать в буфет ЦДА. Сидели там долго. Подходил к нам здороваться Валерий Хатюшин.

В последний день ездили в Переделкино к Шестинской. Помянули Олега Николаевича — день назад был его день рождения. Смотрели фильм с вечера памяти в Некрасовской библиотеке, ели пироги (и пили водку с коньяком), вспоминали. С нашей стороны я, Коломиец, Парпара, Поздняев. С переделкинской Василенко (и её сопредседатель), Хлебников. Нина Николаевна отдала несколько папок с архивными материалами. В них записи, рукописи Шестинского. Ко всему этому присовокупила «снаряд с Шипки, привезённый Шестинским из Болгарии».

Комната почти не изменилась. Проданы лишь большая металлическая люстра, некоторые картины и книги. Но вместо них оказались повешены на стены отличные фотопортреты Олега Николаевича. Его болгарскую библиотеку Нина Николаевна отдала в какой-то Славянский фонд в Твери. Исчезли со стены и три йеменских ножа. Тоже, видимо, проданы.

Хорошо, что я привёз номера «Вертикали» с нашей перепиской. Было что подарить на память пришедшим, помянуть дорогого поэта.

5 февраля

В театре драмы «Игрок» по роману Ф.М. Достоевского. По сути — это должен быть моноспектакль, а в постановке занята чуть ли не вся труппа. В первом акте Котов просто не понимает, что играть. Во втором что-то поверхностно начинает получаться, но если всё свести только к «игровой страсти», то тогда зачем вся эта массовка? Многое можно было убрать, сократить. Действие сделать динамичнее. Ужасно много говорят на иностранном и исковерканном русском языках. В общей сложности — половина спектакля. Это раздражает.

Удивляюсь, почему, когда инсценируют произведения Достоевского, столько привносят в них истерики. Ведь то смятение духа, что описывает писатель — это муки внутренние, а не внешний крик, заламывание рук.

Недавно пришло письмо от Валентина Курбатова. Хорошо отозвался о журнале. Критик он, конечно, от Бога. Хочу его пригласить на юбилей журнала. Только сомневаюсь — справлюсь ли со всем. Ведь во всём надо полагаться на других. У самого нет ни денег, ни транспорта.

Набросал предисловие к книге Мюрисепа «Венец». Получилось плохо.

Что касается снаряда, который отдала мне Нина Николаевна, то это действительно времён русско-турецкой войны, 19-го века. О нём у Шестинского есть рассказ, который (машинописную копию) она мне передала в кейсе. Обо всём этом Шестинская рассказала по телефону. Я ей звонил именно по снаряду.

7 февраля

Провёл секцию прозы. Климешов читал свой новый рассказ. Я слушал плохо, невнимательно. Народу пришло мало. Но было как-то спокойно и все остались довольны. Наверное, от обстановки камерности, доверительности.

Оказывается, два дня назад опубликована моя беседа с Николаем Рачковым. Об этом сказал случайно встретившийся на Варварке Валерий Павлович Киселёв. А перед началом заседания секции позвонил Рачков с благодарностью за журнальную публикацию. Я ему сказал и о «Нижегородской правде». Кажется, это известие его насторожило, если не напугало. Бойтся, как бы чего не вышло. Но ведь интервью совершенно бесконфликтное, информационное, биографическое — и только.

8 февраля

Ушли мои книги на конкурс «Золотой Витязь». Конечно, никаких призов не жду. Но это наша сфера, где творчески общаются наши люди. Отправил, чтобы просто побыть среди своих.

Закончил вступительную статью к книге Мюрисепа. Вроде бы как-то связал концы с концами.

Александр Васильевич пригласил посмотреть «Клинический случай». Этот спектакль до сих пор идёт с аншлагом. Смешно. Всё режиссёром сделано добротнo. Действие динамично. У Мюрисепа роль небольшая и не очень выразительная. Но он, как всегда, справился с ней хорошо. А блистал весь вечер Блохин.

Где-то во время первого акта Александр Васильевич прочитал мою статью (я принёс с собой распечатку) и всячески начал её расхваливать, когда зашёл к нему в грим-уборную во время антракта. Всё это я решительно прервал — не стоит того. Понимаю (трезво), цена этой вещички невысока.

9 февраля

Пришло по электронной почте приветствие журналу от Валентина Яковлевича Курбатова. Замечательное. Надо будет его зачитать на вечере. Ещё прислал очерк «Камертон» — о поездке в Вешенское и попутно свои размышления о М.А. Шолохове, Л.Н. Толстом, немного о В.П. Астафьеве. По-моему, текст великолепен. Оба материала (присланный до этого тоже о Толстом) надо публиковать вместе. Завтра напишу ответное письмо.

11 февраля

Поговорил по телефону с Парпарой. Буду его встречать 27 февраля с «Буревестника». Анатолий Анатольевич спросил — может ли приехать редактор «Смоленской газеты»? Просится. Я, конечно, дал согласие.

Поздравил Володю Шемшученко. Ему сегодня исполнилось 55 лет. Рассказал мне о перетурбациях в «Литературной газете». (Лучше сказать, что о разгроме). Все наши общие знакомые поувольнялись. И Шатохину уже сняли из начальника отдела «Литература». Лихо!

Правление в Союзе. Подготовка к собранию. Вот цифры и факты из доклада ревизионной комиссии по 2009-2010 годам. В 2009 году получено на ремонт нового помещения — от губернатора 200 тысяч рублей, от владельца прежнего здания 400 тысяч рублей. Итого: 600 тысяч рублей.

Фактически работы сделаны на 100 тысяч рублей. Все деньги сняты по чековой книжке наличными и «потрачены». Никаких расходных документов нет.

На юбилей Союза писателей от губернатора 500 тысяч рублей. Из них: 195 тысяч рублей на справочник (зелёный), 162 тысячи рублей на «Земляки», 120 тысяч рублей на ужин. Расходных документов никаких нет.

Реально стало известно реально справочник обошёлся примерно в 30 тысяч рублей, «Земляки» в 50 тысяч рублей, ужин в 40 тысяч рублей.

Проект «Живая связь» от губернатора – 60 тысяч рублей. Деньги куда-то потрачены. Документов нет.

Итого за год 1 миллион 142 тысячи рублей испарились в неизвестности.

Ну и ещё всякой мелочи на десятки тысяч — об этом уж вроде и говорить нечего. Ни за копейку из этих денег никто не отчитался. Вот итог правления Жильцова — Рябова.

Сергей Чуянов, когда вновь заговорили о союзном журнале, предложил не выдумывать велосипед, а примкнуть к «Вертикали». Шамшурин возразил. Ломтев просто тупо не в курсе. Он до сих пор ничего не знает о «Вертикали». Я же вновь не вытерпел, разошёлся. Зря. Им нужен не журнал, а сборник для своих опусов. И литературных задач они не ста-

вят перед собой. Да и не понимают (искренне), что такие существуют. Вообще же Сергей высказал здравую мысль.

16 февраля

Предъюбилейных хлопот не так уж и много, но они есть. Хорошо, что пока всё решается без затруднений. Многие, кого бы я хотел видеть, уже приглашены и дали обещание прийти.

Звонил Ивану Кирилловичу Кузьмичёву. Днём приходила Мухина Ирина. Записали с ней интервью. Проговорили час, но материал она будет давать небольшой. Место под культуру в газете сократили до минимума.

Продолжается переписка с Валентином Курбатовым. Довольно интенсивная, и я этому рад. На юбилей журнала он прислал приветствие, копию которого я передал Мухиной для публикации.

22 февраля

Подготовка к юбилею завершается. Вроде бы всё обговорено, со всеми договорено. «Дом актёра» свою часть работы сделают. С Алексеем Марковичем вопросы размещения утрясены. План вечера составлен и подкорректирован. Местный министр культуры своё присутствие подтвердил.

Звонил Парпара. Он грамоты в Союзе писателей России забрал. Билеты пока не купил. Завтра с Ганичевым летит в Чечню. По возвращении купит. Владимир Королёв из Смоленска с командировкой тоже решил. Лукин придёт или накануне, или в тот же день. Я посоветовал ему связаться с Анатолием Анатольевичем.

В консерватории встретились с Мюрисепом. Александр Васильевич так всё-таки и продал меня насчёт выступления певицы из консерватории. В конце это будет уже затянуто по времени, но посмотрим. Может, и хорошо получится.

Пришла книга от Курбатова «Виктор Астафьев. Нет мне ответа...» Письма писателя с 1952 по 2001 годы. Прекрасно издана. Много фотографий. Здоровеннейший том большого формата в семьсот с лишком страниц. Сел читать в этот же вечер. Ещё Валентин Яковлевич прислал диск с фильмом о своём творческом вечере в Иркутске. Пока не смотрел.

Второй раз не смог прийти к Ломтеву для обсуждения нового устава. Хотя обещал. Но Мюрисеп с разговором спутал все карты. И всё равно не хорошо.

Вчера отвёз новую подборку журналов в библиотеку торгово-промышленной палаты. Благодарили восторженно и искренне. Что ж, пусть идёт к людям.

Плохо этот год начался по публикациям. Почти ничего нет. Тоскливо. Отчего-то совсем пропал Геннадий Петров со своим журналом «На любителя». Уж не случилось ли чего? Молчит Михаил Попов из «Двины». Ничего не даёт «Природа и Свет». И самому мне в последнее время совсем не работается. Только дочитал Чугуновскую «Невесту». Кажется, это его лучший роман. Влияние Достоевского зримо, но появились в произведении и современные социальные темы — разговоры о церковном нестроении. А так... Любовь и любовь (бесконечная) из жизни голубков. И это на какой-то одной ноте вот уже в четвёртой книге кряду. Не многовато ли?

Позвонила Татьяна Борисовна Лубяко. Готовит своё выступление на вечере.

24 февраля

Ирина Мухина прислала для вычитки подготовленное интервью. Всё-таки какая она умница. Всё из нашей беседы поняла и главное отметила в тексте. Будет заявлять материал для публикации в субботний номер «Нижегородской правды».

На «Радио России» провёл прямой эфир. Говорил много, и вроде бы неплохо и всё по делу. Но так и не успел о всём главном сказать. Надо будет взять запись этой передачи. Мюрисеп читал стихи Адрианова и Шестинского. Звонки были, но пожалели время и на них не отвечали.

Вечером звонил Аврутин. Продолжаем с ним расширять текст нашего интервью. Перед уходом с работы я добавил ещё один вопрос. Анатолий на него ответил и уже отослал назад. Об этом и сообщил. И ещё, что включил меня в редакционный совет своего журнала. Я с этим согласен.

25 февраля

Утром позвонила Наташа Адрианова, сказала хорошие слова о вчерашней передаче. Тем и подняла мне настроение.

По подготовке вечера пока всё идёт по плану. В геологическом музее «Волгагеологии» отметили 80-летие Александра Васильевича Котельникову. Так что день сегодня был почти не рабочий. Вечером позвонил Парпара. Билеты он взял.

26 февраля

Литературный музей. Годичное собрание Союза писателей. Два главных вопроса — отчёт ревизионной комиссии и принятие нового устава. Я пришёл с твёрдым намерением ни во что не ввязываться и беречь нервы, которые, чаще всего, жгутся в пустоту. Например — защищаю Ломтева, а он мне отказывает в помещении для журнала и идёт на поклон к «Землякам».

Сел в последнем ряду в крайне правом углу. Но не выдержал и в спор по Уставу ввязался, сказав при этом некоторые раздражительные слова. Зря, конечно. Хорошие слова о журнале сказал мне Кузьмичёв. Вышла «Нижегородская правда» с моим интервью. Иван Кириллович его прочитал.

27 февраля

Алексей Маркович выказывает похвальное беспокойство по поводу встречи гостей. Звонил и вчера, и сегодня. Условились встретиться в офисе.

Первая неожиданность — дозвонился до Лукина, он не приедет. Разговаривал с Галиной, которая сказала, что Борис разболелся.

Вечером встретили Парпару и Королёва.

28 февраля

Всё обошлось без особой суеты и лишних переживаний. Зал оказался подготовленным. Пришло столько зрителей, что не хватило всем мест. Люди стояли вдоль стен. Торжество длилось три часа, но почти никто не ушёл. Были художники, артисты, учёные, журналисты, писатели из разных «лагерей». Выступал наш министр культуры. Вручались награды.

После вечера много наслушался добрых слов о состоявшемся творческом торжестве. Не хочу здесь его подробно описывать — есть видеозаписи у Чугунова и Адриановой. Надеюсь, что они ко мне попадут. Но Ирина сказала — говорил я неплохо. Да и мне самому кажется, всё делал спокойно, рассудительно, без всякого волнения. (Сам этому удивляюсь — ведь опыта почти никакого). Не хватило времени выступить Валерию Никитину, Льву Белову, Валерию Фирсову, Виктору Пурихову...

Коломиец, я, Парпара, Королёв ужинали в «Бурлацкой слободе», в совершенно пустом ресторане.

Но вообще произошло событие в культурной жизни города. Сколько замечательных людей собралось в одном месте, в одном зале! Пожалуй, впервые журнал так мощно заявил о себе. И не считаться с этим уже невозможно.

1 марта

От намеченной поездки в Дивеево пришлось отказаться. Гости передумали. Решили уехать в Москву сегодня днём. Жаль.

Перед вокзалом успели заехать в собор Александра Невского. Грустно было расставаться. До этого посидели в «Волгагеологии». Договорились о творческом сотрудничестве со Смоленском. Отправляю туда свою повесть и стихи Коломийца и Галины Талановой.

Парпара интересно (как всегда) вспоминал о журнале «Москва». О том, как печатали «Зрячий посох» Виктора Астафьева. И я предложил записать цикл бесед-воспоминаний по отдельным темам. Но вряд ли это выполнимо. Впрочем, их можно записать, но расшифровывать не сразу, а «как будет настроение». Как случилось, например, прошлым летом.

Когда был на вокзале — позвонила библиотечкарь из Торгово-промышленной палаты. Она продолжает популяризировать наш журнал. Теперь обратила на него внимание сотрудников радиостанции «Образ». Те вроде бы захотели подготовить со мной какую-то передачу. Посмотрим, если выйдут на связь.

Весь вечер домой звонки. Впечатления о прошедшем юбилее. Посмотрим, откликнется ли на это пресса. Пашков вроде бы, как он сказал, записал какой-то сюжет в своей телевизионной рубрике в «Парке Культуры».

4 марта

Вся эта неделя прошла в отголосках о прошедшем вечере. Разговоры о нём и в телефонных звонках, и при встречах. Наташа Адрианова принесла диски со своей записью. Но посмотреть пока не смог — мой рабочий компьютер слишком стар. Отправил информацию в «Литературную газету», но есть сомнения — поставят ли.

Но главное, надо бы браться за «Мост», готовить книгу прозы, а заставить себя сосредоточиться на работе не могу. Опять отсылаю журналы (теперь для библиотеки Сарова, с Любой Ковшовой договорился), читаю рукописи, пишу письма и прочее, прочее, прочее. А по сути, занимаюсь суетой. Вот сегодня утром позвонил Володя Занюга и наговорил много добрых слов о нашем торжестве. Он умница, всё понял и правильно оценил. Из Москвы позвонил Герман Владимирович Смирнов (журнал «Свет») — добрая и беспокойная душа. Спрашивает, дошло ли его поздравление журналу. А я смогу это узнать, видимо, только после праздников. Раньше не добираться до компьютера.

Нет, ошибся. Геологический отдел работал. По электронной почте пришло письмо от Лукина (очень грустное — болеет, раздражён, денег нет), на которое я сразу ответил, чтобы хоть как-то Бориса поддержать. Ещё поздравление — жаль, не к торжеству — от Бондарева и Ларионова.

В «Нижегородских новостях» вышел материал о нашем юбилее — какой-то неинтересный, скучный. Одни перечисления.

Звонил Шестинской. Чувствует Нина Николаевна себя плоховато — радикулит и вообще побаливает. Из дома почти не выходит — скользко, боится упасть. Но разговаривали весело, обменивались новостями. Когда буду в Москве, то приглашает в гости. Пообещал заехать, если соберусь на книжную ярмарку в ВВЦ.

5 марта

Не поленился, сходил в редакцию. Там набрал журналов и отнёс в библиотеку. Заодно пролистал «Нижегородскую правду». Мухина опубликовала свой материал о вечере. Хороший. Не сразу, но нашёл газету в киоске, купил для архива. Нужно будет обязательно эти отклики отослать Рагиму Казиханову в Дербент. Он наш искренний доброжелатель.

Вечером у Серёжи Шестака посмотрел запись юбилея, сделанную Натальей Адриановой, и остался вполне доволен. Всё шло хорошо, интересно, без задержек. Программа получилась и деловой, и творчески насы-

щенной. Я тоже говорил без записок, по делу. Но Сергей сделал и свой большой фоторепортаж. Скинул его на флэшку. Надо будет почистить его от повторных кадров и распечатать.

Оканчивали этот вечер уже у меня — ужинали, пили водку. Ирусик была с нами.

8 марта

Все праздники упорно читаю том писем Виктора Астафьева. Удивительно, как много схожих оценок происходящего тогда. Хотя, конечно, не во всём. Но, Боже мой, какая тяжёлая судьба в житейском, семейном плане — болезни, смерти, неустроенность самых близких людей. Дочитался до того, что самого потянуло к дневнику. Хотя «залезаю» в него почти всегда «через силу», пишу по необходимости, с большими запозданиями.

Второй день солнце и температура около нуля. Не очень похоже, чтобы начинало таять. Вчера выскакивал на улицу, обтирал снегом пластмассовое корыто — так руки заледенели, схватило их холодом до ломоты. И сугробы, сугробы...

Задумываюсь о будущей работе. Писать прозу надо будет всё-таки в деревне. Здесь что-то и черновиков-то не найду. Видно, туда отвёз. Уехать ранней весной (как мечтаю уже много лет), прибрать участки, сжечь мусор, траву, ветки, вырубить кусты на границе с соседями. А по утрам и вечерам писать. Хочу объединить «Мост» и «Лёшкин май», дать больше места в повести маленькому страдающему герою. Да и много ещё чего надо бы написать — о Вологде, о Волге, о Дагестане (туда бы съездить осенью одному, только для работы). А до деревни подготовить 33-й номер «Вертикали». Материалы подбираются достойные, на зависть — критика, проза, поэзия, беседы. Браться за эту работу надо будет без раскачки. Да ещё репортаж писать о нашем юбилее — больше этого никто не сделает.

Есть ещё проблема — надо бы идти в поликлинику. Да на это, как всегда, времени не хватает. А флюорографию сделать необходимо, показаться хирургу (после падения всё беспокоит бок), и с пятнышком на коже хотелось бы разобраться. Этого что-то побаиваюсь.

9 марта

Валерию Васильевичу Никитину 70 лет. Сегодня в спектакле он играл Бунина в «Последнем поединке Ивана Бунина». Уже видел этот спектакль. Впечатление осталось прежним. Но перед началом зашёл к актёру в гримёрку (с Мюрисепом), поздравил. По окончании спектакля были поздравления (на сцене), но довольно скорые и не в большом количестве. И всё-таки это замечательно — и до таких лет дожить, и столько играть на сцене, быть в профессии оценённым.

Днём давал интервью (по телефону) «Епархиальным ведомостям». Они что-то подготовят для своего сайта. Надо было их пригласить на юбилей.

10 марта

Приезжала помощник режиссёра с ННТВ. Просила фотографии для сюжета. Скинул им всё сфотографированное Шестаком и обложки журнала с первой по двадцатую. А позже неожиданно заехал Георгий Ликин. Он, оказывается, уже не работает в «Епархиальных ведомостях». Он, тоже бесплатно, принесёт диск со своими снимками. Думаю, его работа будет интереснее и профессиональнее.

11 марта

В выставочном зале большая выставка художников «Земляки» (наши, москвичи, питерцы). На неё позвал Тырданов. Я немного опоздал (приходил в редакцию Ярослав Кауров, принёс коньяк, и хоть пить не хотелось, да пришлось), но это не помешало всё осмотреть. Работы пока-

зались интереснее, чем обычно. У Виктора Пурихова хорошая женская скульптура в дереве. Альберт Данилин выставил две картины — любопытный художник.

Стол накрыли в зале художественного училища. И там интересное продолжение экспозиции.

После ужина познакомился с художником фильма «Белое солнце пустыни» Валерием Костриным. В зале выставлена его картина «Чайники» или как-то так называется. Приятный цвет, энергично исполнено.

И ещё — утром Ирина сказала, что похоронили Ваю Копылова. Мы подружились с ним, когда я пришёл из армии. Валя был младше на несколько лет. Шабашил на деревенских стройках. Мы с ним довольно почудили. А потом как-то незаметно отделились друг от друга. В новые времена он уехал жить в Испанию, стал миллионером. Но приезжал и в Нижний, как я слышал, в свой дом на Лыковой дамбе. Но рак не пощадил. Жаль, что больше так и не встретились. Впрочем, он может быть давно и забыл обо мне. А я помнил. Молодость — это время незабываемое.

13 марта

В программе «Парк культуры» (ННТВ) сюжет Александра Пашкова (Асеевского), заявленный в анонсе как «рассказ об альманахе «Вертикаль». На деле «Пальч» в кучу свалил всё — издыхание нижегородской литературы (прозы), желание какой-то группы создать в Нижнем литературный журнал (надо полагать, на бюджетные деньги), но для чего, с какой целью, непонятно. Затем несколько невнятных фраз «об альманахе «Вертикаль», и что в нём печатались как нижегородские авторы, так и русские писатели с именами. Вот, собственно, и весь итог его словесной каши. Странное юбилейное поздравление. Впрочем, нечто подобное я от Александра и ожидал.

Скинул с крыши гаража снег. Собирался больше недели, но не опоздал. Снег ещё не тает, хотя температура около нуля, солнечно. Снег рыхлый, искрится. Ветра нет. Хорошо, Сергей Шестак, который меня отвёз к гаражу, оставил мне свою широкую фанерную лопату. С её помощью быстро управился с работой. Когда переодевал вельветовую рубашку в гараже, она оказалась насквозь сырой. Ни единого сухого клочка. Зато как приятно было надеть сухую футболку, рубашку, джемпер.

Вчера вечером звонил из Минска Аврутин. Благодарил за грамоту (дошла) — «приятная неожиданность» — и просил что-нибудь прислать в третий номер «Немиги...». От двух других архаровцев, я думаю, благодарности не дождусь. Да и не жду. Не для того их делал, эти грамоты для них.

15 марта

Открытие очередной выставки Владимира Заного. На этот раз в небольшом художественном салоне «Алексеевского пассажи» на 4-ом этаже. Работы большей частью мне знакомы, но собрался тесный круг знакомых, выпили и закусили. Нина Ивановна Жданова показала свои акварели, а также живописные работы старшей дочери там же выставленные. В них, как мне показалось, много влияния Владимира. Хотя один ранний пейзажик исполнен свободно, энергично, крупным мазком. Но влияние отца, похоже, побороло раннюю индивидуальность.

Нина Ивановна о своей работе (она рисует акварелью на сырой бумаге): «За четыре часа надо успеть сделать всё, пока не высохла бумага. Всё дописанное потом портит произведение. Наложённые на сухую бумагу акварели лишают картину прозрачности, воздушности».

Тут же показала свои, таким способом «испорченные» работы. Да, я согласился.

16 марта

Решил немного прийти в себя. Успокоиться в себе. Поэтому на работу пошёл только после обеда. Ветер, снег, слякоть. Если бы не звонить Тане, не вышел бы из дома.

Суэта не даёт сосредоточиться. А без сосредоточения невозможно подступиться к повестям. Хочется побыть одному, в тишине. Даже надумал — не уехать ли мне на два-три дня к Георгию в Толоконцево. Потому что здесь так и будут одолевать заботы — письма, рассылка книг и журналов, чужие рукописи.

Вот позвонили из радиостанции «Образ» (православный канал), просят принять участие в передаче. Возможно, прямо завтра. И ведь нельзя отказываться. И так слишком мало участвую в «общественной жизни» города. Утром завтра отнесу журналы. Хорошо, что они рядышком, за Староярмарочным собором.

17 марта

Позвонила Адрианова. Невероятно, но ей отказали в проведении презентации публицистической книги Юрия Андреевича в Литературном музее Горького. Обсуждая это, мы пришли к выводу, что тут не обошлось без влияния наших недоброжелателей (О.Р. и В.Ш.) Ведь и к моей персоне они более интерес не проявляют.

Остался дома (только до обеда отнёс журналы на радиостанцию «Образ») — читал письма Астафьева (почти полностью соглашаюсь с ним во всех общественно-политических оценках), написал письмо Герману Смирнову (с перспективой его публикации), внёс дополнения в библиографию.

Вечером иду на сдачу спектакля в драму — как всегда, позвал Мюрисеп.

Но как хорошо побыть в спокойствии и тишине одному, в родных стенах. А за окном летит и летит снег.

Смотрел «Шикарная свадьба». Откровенная дрянь — и пьеса, и режиссура. Занятых в постановке актёров же просто жаль.

18 марта

Погода ужасная. Снег, дождь, слякоть. И вот в такую-то погоду, непонятно зачем, попёрся к себе в редакцию. Ну, набрал письма Герману Смирнову, Анатолию Строкину (подписчику), отдал их на отправку секретарю. Набрал план первых страниц нового номера журнала. Хорошо, Сергей Шестак заехал — увёз с ним в портфеле бумаги для хранения в архиве.

Нет, пока такая погода, надо дома заниматься повестью, к работе над которой всё никак не могу приступить. Но внутри зреет творческое волнение. Не упустить бы момента.

Поздно позвонил Мюрисеп. Час разговаривали. Александр Васильевич прочитал статью к 70-летию Валерия Никитина (мне понравилась). Затем дружно поругали вчерашний спектакль.

Диск с радиопередачей он забрал. В ближайшее время передаст мне.

20 марта

Галина Таланова (Бочкова) сообщила, что умерла её мать — поэтесса Эльвира Бочкова.

В выходные посмотрел фильмы Михаила Тарковского — те, что прислал Серёжа Чепров. Замечательные, жизнеутверждающие работы об истинном, настоящем в нашем существовании. От них так светло было на душе. Фильмы (документальные) о жизни в тайге, на Енисее охотников и рыбаков — «Весна», «Лето», «Осень», «Зима». И вот... сообщение о смерти.

22 марта

Простились с Эльвирой Бочковой. У морга, сиротливо. Пришёл В.В. Половинкин и друзья Эльвиры Леонидовны из литературного объ-

единения «Феникс». Большой скорби не было. Было сожаление, может быть, печаль. Так мне показалось. Всё во дворе больницы № 5.

Начал подготовку материалов для макетирования 33-его номера. Даже часть отправил Наталье.

23 марта

Дочитал последние письма и завещания В.П. Астафьева (Курбатову об этом ещё раньше написал) в книге «Нет мне ответа...» Как печально на сердце. И слёзы где-то близко-близко. Как же мы терзаем друг друга. И всё из-за того, что потеряли любовь и не видим себя в ближних наших.

Лена Крюкова представила свой роман «Серафим» в городской библиотеке. Просила меня прийти, как первого издателя. Но главное, конечно, чтобы подписал бумагу для выдвигения книги на премию «Ясная поляна». В итоге потерял день, говорил какие-то никому не нужные слова немногим собравшимся библиотекарям. Одна отрада — набросал черновик коротенькой заметки о юбилее «Вертикали» для «Дня литературы». Это после того, как в интернете увидел, что обзор о «В-32» уже опубликовали.

Дня два назад пришло письмо от Парпары. Зовёт в апреле на Гумилёвские дни в Рязань. Я согласился. Надо оживать, начинать шевелиться.

26 марта

«Отцы и дети. Роман» — так называется спектакль в драме. Режиссура недурна, хотя есть одна сцена совершенно лишняя (у феминистки), другие затянuty. Но В.В. Никитин в роли отца Базарова убедителен, трагичен. Сидевший рядом со мной Мюрисеп захлюпал носом, вытирая слёзы.

Александр Васильевич отдал диск с радиопередачей к 10-летию «Вертикали».

Утром продолжил читать «Молодую гвардию» Фадеева. Одолею сто страниц. Господи, как плохо написано. И дело не только в идеологии. Плохо с профессиональной точки зрения — растянуто, скучно, неинтересно, не герои — манекены с фальшивыми чувствами, без эмоций, нервов. И эти «опилки» в школе нас пытались заставить проглотить!

28 марта

Закрытие конкурса (8-го) имени Евгения Евстигнеева в театре комедии. На этот раз всё действие исполнено в виде концерта — капустника. Высидел его почти всё без особого труда и раздражения. Призы получили Никитин и игравший Базарова в «Отцы и дети. Роман». Справедливо. Надо посмотреть в драме спектакль по Александру Вампилову.

29 марта

Владимиру Васильевичу Половинкину отметили 85 лет вечером в Литературном музее М. Горького. Держится он бодро. Долго выслушивал поздравления, в том числе и моё, читал стихи. Подарил свой двухтомник, названный собранием сочинений, где в одной книге стихи, в другой проза.

1 апреля

Позвонил Цветкову, чтобы решить вопрос по оставшейся у меня нашей общей кассе. В итоге инцидент исчерпан. Кажется, примирились. Но два дня назад подобное же возникло в отношениях с Коломийцем. Я не смог стерпеть резкого высказывания по поводу оценки рассказа одного из авторов нового номера.

Наталья Адрианова принесла новую книгу, на этот раз публицистическую, Юрия Андреевича. Чугунов завёз свои новые книги («Невеста», «Плач Адама») и сообщил, что мои тоже реализованы в Москве.

Вечером приходил Мюрисел. Александр Васильевич закончил работу над статьёй о Валерии Никитине. Передал ему свои правки в тексте.

2 апреля

Опять Литературный музей. На этот раз, опять под предводительством Крюковой, собралась небольшая группа, чтобы поговорить о Нижегородской литературе, вообще о книгоиздании, о желании провести фестиваль «нелитературных встреч» для молодёжи. Продискутировали более двух часов — спокойно, уважительно. Был журналист Герман Трефилов, учёный по современным информационным технологиям Баевский. Идея фестиваля любопытна и, если воплотится в жизнь, не бесполезна.

4 апреля

Позвонил В.П. Полеванов, похвалил «Возвращение». И я ему благодарен просто за доброе отношение и добрые слова. Тоже и Пафнутьеву. Анатолий Иванович звонил и предлагал помощь. На него можно положиться. А дальше... Что дальше?

Провёл заседание секции прозы. Крюкова долго, с огромным количеством отступлений рассказывала о своих написанных (но неопубликованных) книгах — сборник рассказов «Пистолет», романы «Русский Париж» и «Врата...». Читала стихи из поэтической книги «Юродивая».

5 апреля

Вторую половину дня вместе с Климешовым бражничали у Мидова. Я принёс к нему в мастерскую книгу «Возвращение», оформленную работами Николая Павловича. И как это продумал, художнику понравилось. Разговаривали так хорошо, так душевно (и всё о главном в жизни — вере, литературе, творчестве), что не заметили, как стемнело, а затем и ночь наступила.

Дождаясь какого-либо транспорта, простоял на остановке сорок минут. Время к полуночи. Пошёл с Советской площади пешком и довольно быстро, не утомившись, добрался до дома. Шёл быстро, азартно. На любое дело всегда трудно решиться. А уж как тронулся с места, так всё и идёт своим чередом.

9 апреля

С Ириной отправились на публичную лекцию в наш новый планетарий. Шли ради любопытства — посмотреть, что за «зверь» соорудили из бывшей вечерней школы.

В фойе бюст Юрия Гагарина, выполненный из меди. Его автор Виктор Пурихов. Помню эту работу у него в мастерской. Она стояла на стеллаже под самым потолком, покрытая толстым слоем пыли. Здесь же хорошо смотрится.

На втором этаже выставка фотографий Земли из космоса русского космонавта (Фёдор Юрчихин, трижды был в космосе) — Иссык-Куль, дельта Волги, Москва, Лондон. Есть даже Нижний Новгород. Я на снимке нашёл наш дом. Как оказалось, не так далеко от планеты летает орбитальная станция, раз космонавты могут делать такие снимки, пусть и камерой с мощным объективом.

Есть на выставке и портрет автора-космонавта в интерьере орбитальной станции на фоне «его уголка» — православный крест, иконы, Евангелие, портреты Гагарина и Циолковского, Георгиевская (Дня Победы) лента.

А вот на лекции высидели совсем немного — количество звёзд, галактик, их формы и размеры — это любопытно. Но затем сплошная наука, формулы... Мы ушли.

Мучаюсь с вёрсткой «юбилейного» номера. Никак не определяюсь с концепцией, содержанием. Денег на его выпуск нет и не предвидится.

Так может, сделать этот выпуск «рекламным» — материалы о журнале, о торжестве, обо мне. Пусть будет небольшой объём и малый тираж. Только ради памяти. Или уж подготовить стандартный объём, а затем ждать случайного финансирования?

10 апреля

В драме гастрологи академического русского театра драмы Йошкар-Олы. С Мюрисепом смотрели «Чайка 21 века» Бориса Акунина. Актёрский состав слаб. Веселил только струнный квартет, выходявший перед каждой новой картиной не менее десяти раз и исполнявший известные композиции современной музыки (Элвис Пресли, Раймонд Паулс и тому подобное). Режиссура довольно скучна и невнятна. Сцены не продуманы. Оттого всё действие вызвало даже некоторое недоумение.

11 апреля

Приходил после почти четырёхмесячного перерыва Владимир Цветков. Подарил ему «Возвращение». С трудом ломали возникшее между нами отчуждение. Но старались оба. Вот как легко всё разрушить, и как трудно восстановить.

Помощник Коломыйца узнал в полпредстве, что мои документы прошии федерального инспектора по Нижегородской области. Записываю это исключительно для того, чтобы проследить ненужную и пустую работу огромного бюрократического аппарата. Теперь, как я понимаю, осталась последняя региональная инстанция — само полпредство в Приволжском федеральном округе. Они должны дать своё заключение до 28 апреля. Местное министерство культуры — мэрия города — губернатор — федеральный инспектор — полпред. И это ради получения одной из самых незначительных наград — медали Пушкина. И ведь всем этим клеркам, переключившим бумажки из папки в папку, платится зарплата, начисляются пенсии. Но и это не всё. При благоприятном исходе документы пойдут в Москву. А там свои клерки, столоначальники...

14–16 апреля. москва — р.п. Шилово (Рязанская область) — москва

Первый день весь в дороге. Сначала на нашем «Буревестнике», а от ЦДА на машине. Ночевали в местной уютной небольшой гостинице — Парпара, Александр Кувакин, Евгений Ерхов и я. За ужином немного выпили — с хорошими тостами. На утро всё пошло по программе празднования 125-летия Николая Гумилёва.

Встреча в библиотеке, возложение цветов к бюсту поэта, поездка на родину его предков (здесь, в селе Желудеве в местной церкви служил его прадед). Собор необычный, выстроенный итальянским архитектором, с иконостасом, в котором, видимо, было небольшое количество икон. А ещё местный музей (в Шилове) с выставкой о Гумилёве и большой концерт в Доме культуры «Золотое сердце России» с вручением Анатолию Анатольевичу первой премии имени поэта.

Парпара готовил своё слово — обращение к собравшимся — как лауреат. Но его задёрнули из-за кулис, чтобы заканчивал (хотя говорил он мало и по делу). А затем был номер — толпа ребят с флагом и в майках «Единой России» прыгала и плясала под песню «Россия, давай, давай...». И это выглядело таким диссонансом ко всему предыдущему впечатлению, что на литературной встрече уже в малом зале все обоюдные обиды выплеснулись наружу. Резкостей наговорил Парпара. Я в своём выступлении сказал о единороссах, что они как блохи в нашей жизни, что забиваются к собаке в шерсть. (Но всё сделанное хозяевами во имя поэта похвалил.) Хотя стал понятен весь смысл действия местных чиновников — потрафить областному рязанскому начальству. Нами, включая лауреата, они не интересовались, не общались. Это отвратно. Но таковы сегодняшние нравы.

Вечером вернулись в Москву. Ночевал у Таныши. В обед следующего дня встретились с Парпарой в Союзе, записали беседу о журнале «Москва». Я похвалил (искренно) состоявшуюся поездку — люди делают доброе дело, а чиновники... ну что с них взять.

В Нижний возвращался на «Сапсане». Прямо скажу — от восхищения не ахнул.

17 апреля

Фирсов зовёт в «Светёлку». Я бы не пошёл, но там делает сообщение философ Кутырёва Александра Александровна о стихотворении М.Ю. Лермонтова «Прощай, немытая Россия» — нет доказательств авторства поэта! С такой постановкой вопроса я сталкиваюсь впервые. Пошёл, послушал (очень убедительно), договорились о публикации статьи в «Вертикали», подарил свои книги.

Для меня печатание подобных материалов важно и дорого. Это отстаивание нашей правды.

22 апреля

Наташа Адрианова позвонила в совершенном восторге — за три недели полностью (за малым исключением) реализован тираж публицистической книги Юрия Андреевича «Вечная дорога для души». Безусловно, это большой успех, в первую очередь говорящий о том, что феномен под названием «поэт Адрианов» продолжает не только существовать, но развиваться, расширяться. Истинные ценители творчества, слова не исчезли. Но чтобы это слово было ими востребовано, нужно достойно, честно, с любовью и уважением к другим прожить свою жизнь. И, повторюсь (много раз уже об этом говорил), нестяжательно и жертвенно.

Правление в Союзе. После поговорили с Ломтевым. Вроде бы решили попробовать выпустить совместный номер «Вертикали». В понедельник отошлю Александру письмо на своём бланке.

Умер актёр Михаил Козаков.

24 апреля. пасха Христова!

Вчера успел побывать у Сергея Шестака, записать на диктофон недостающие выступления с юбилейного вечера и даже расшифровать их до Пасхальной службы. Отсюда чувство, что день прожит не зря.

На выходные к нам приехали Татьяна с Димой. В храм Александра Невского пошли все вместе, только я задержался. Но появился у церковных стен вовремя. Дима человек вне православия, вне веры, и у него начались искушения — нервничает, всё его раздражает. Пришлось побыть с ним. Ненадолго зашли в собор с правого притвора (служил владыка Георгий, народу набилось много — одних кадетов с хоругвями, шедших впереди Крестного хода, было человек двадцать) и ушли в Староярмарочный собор. Тут ажиотажа никакого — ни ОМОНа, ни милиции, лишь одна «Волга» ДПС. В этом храме, уже с правого притвора, немного постояли, послушали пение хора. Но больше испытывать терпение парня не стал, увёл домой. Пришлось пожертвовать праздником ради ближнего.

Сегодня посетил Серёжа Щербаков. Ему недавно исполнилось шестьдесят лет (я не знал и не поздравил — жаль). Вчерне закончил повесть о матери. Какой молодец. Работает медленно, трудно, но упорно и всегда доводит начатое до конца. Говорит, что теперь осталась радостная работа. Он любит свои вещи отделявать, отшлифовывать. Поэтому стилистически его работы, чаще всего, сделаны отлично. Хвалили «Родную Ладугу» (как до этого и Парпара). Андрей Ребров напечатал три его рассказа. Просил дать телефон Андрея, чтобы поблагодарить. Я рассказал о нашем прошедшем юбилее. Сергей вроде бы не отказывается от замысла что-то написать о моём «Кольке».

Поздравляя с Пасхой Пафнугтьев. Добрый он человек и мил моему сердцу. Хотя и поругиваю его иногда за излишнюю поэтическую самоуверенность.

25 апреля

В Доме актёра творческий вечер Валерия Никитина. Исполнял рассказы Василия Шукшина, Ивана Бунина. Стихи Сергея Есенина, Юрия Андрианова. Драматически, видимо, верно. Но какие-то краски языка при этом потеряны. Перед вечером зашёл в Литфонд. И пожалел. Не был здесь столько месяцев. И не надо было приходиться. Неприятный разговор с Хромовым, враждебный по отношению к Правлению СП, ещё раз доказал — Рябов враг, который никогда не успокоится и не смирится.

Днём позвонил Андрею Реброву. Радостно поговорили после месяцев разлуки.

27 апреля

Адрианова в музее Добролюбова устроила ещё одну презентацию книги. Пришло человек десять — не больше.

Становится совсем жарко. Апатия, сонливость, мозги совершенно не работают. Тяжело на душе... Тяжело... Надо уезжать в деревню, в Толоконцево, в Киселиху к Вадиму. Куда угодно — всё равно работать не могу. Делаю что-то через силу для 33-его номера — медленно и плохо. И с деньгами пусто вот уже четыре месяца. Всё держится на Ирине.

28 апреля

В Союзе, по приглашению Ломтева, встретился с ним. Семинар в Семенове вроде бы состоится. Предложил Александру принять на нём в СП Цветкова. А затем вновь поднял вопрос о журнале. Говорили спокойнее и продуманнее, без спешки. Вроде бы какое-то понимание у Александра начинает появляться — ведь это шанс для Союза. Ну да посмотрим, время покажет.

29 апреля

С Заногой у Татьяны Борисовны. Договаривались заранее. Сегодня же Мюрисеп просил посмотреть его спектакль со студентами курса театрального училища. Я отказался, и кажется, сильно его расстроил. По голосу было похоже, что Александр Васильевич обиделся. Владимир Фуфачёв тоже пригласил на открытие выставки участников его студии. Но обидеть Лубяку было никак нельзя. Пошёл к Татьяне Борисовне. Только начали ужинать, как Володя сразу плохо себя почувствовал. Явные признаки отравления. Промучился он два часа и поехал на такси домой. Я как всегда пешком пошёл через мост. Надо же было такому случиться.

Ещё днём успел позвонить Мидову, похристосоваться. Николай Павлович сказал добрые слова о «Возвращении». Его оценка мне дорога.

5 мая

Дни летят, а я так и не вырвался из города. Хотя никаких особенных дел вроде бы и нет. Все материалы для вёрстки (первой его половины) журнала Наталья отправил.

Позвонил Нине Николаевне Шестинской. Ей сегодня 75 лет. Она бодрa, рассказала (с хохотом), как отмечала своё сорокалетие в Питере (это был их последний год жизни в Ленинграде — Олег Николаевич уже «обитал» в Москве), устроив девичник, на который забрели скульптор Аникушин и прочие знаменитости. Посетовала на жуткое расслоение в обществе. Одни её подруги на предстоящие праздники разъехались по свету (США, Испания, Италия), а у других нет денег приехать к ней на юбилей из Питера. Очень звала погостить в Переделкине, пока есть возможность.

Я невольно вспомнил, как два дня назад случайно на почте встреченный Трефилов сообщил мне обескураживающую новость — умер Дмитрий Мезинцев. Совсем молодой мужчина, преподаватель строительной академии, художник-график (он и мой портрет нарисовал, что открывает «Соппротивление нелюбви»), с которым мы встречались у бухгалтерии в «Нижегородской правде» пол месяца назад. Дмитрий смеялся, попросил у меня визитку с новыми телефонами, и вот... И сам Трефилов-то был подавлен этой новостью.

А утром встретился с Климешовым. Случайно. На улице перед «Волга-геологией». Павел принёс свою новую книгу прозы и передал привет от Мидова. На что я искренне ответил, что общение с Николаем Павловичем — праздник. После этого ещё неделю ходишь, как калачом одаренный, радостный и просветлённый душой.

Да, тогда же, 3-его мая, пришёл ко мне в музей Коломиец и радостно сообщил, что документы в полпредстве подписаны и ушли в Москву. Я подчёркнуто безразлично, даже «кисло» воспринял эту новость. Просто ещё одно, житейски необходимое дело, даст Бог, приблизилось к завершению.

8 мая

Встретились с Заногой у него в мастерской. Показал Володя новые этюды и большую работу (полотно), посвящённое городу — вид на Кремль и прилегающие к нему окрестности со стороны Волги. Есть в этом, как мне показалось, что-то вторичное даже к его прежним работам. Хотя над самим письмом Владимир, по-моему, решил поэкспериментировать. Оттого мазок несколько грубоват, резок.

Подарил он мне три этюда, чем совершенно меня и растрогал, и озадачил. Впервые видел, чтобы так ему хотелось что-то отдать. Стал возражать.

— У тебя лучше сохранится, — был ответ.

Володя всегда щедр, но тут прозвучало что-то иное, обеспокоившее моё сердце.

От последнего большого этюда я отказывался, но он настоял.

Выпивать вышли на крышу. Любовались видами на город, на Оку. Тепло. На самой крыше немного продувает, а вот когда поднялись на самый верх, на крышу жилого блока, так там даже припекает. Зато видна Волга аж на изгибе за Кстовом, за Вржком.

И так прошёл целый день. Уехал вечером. С остановки увидел, что Володя стоит на балконе и машет мне рукой. Я ответил. Потом ещё раз помахал... и ушёл. И это впервые. Но какая тёплая волна хлынула мне в душу!

11 — 20 мая. кунавино

Похоже, что это один из рекордов непрерывного пребывания в деревне.

Вначале Наташа отвезла нас туда с Володей Заногой. Он писал этюды — шесть штук наработал — светлые, дышащие весной, пробудившейся природой. Было довольно холодно. Соловьи петь ещё не начинали. Володя трудился в окрестностях деревни. Трапезничали на веранде. Я собирал траву на дальнем участке (ёлочки с сосенками в этом году так «выстрелили» вверх!), жёг её и ветки, накопившиеся за прошлые года. Попробовал поджечь траву и чуть за это не поплатился. Если бы не соседка с водой и лейкой, то и не представляю, как справился с вырвавшимся из-под власти огнём. Ладно, прошлогодняя трава была низкой, огонь распространялся не быстро. Но я и понял, и ощутил — тут до беды недалеко.

С Володей восстановили забор на дальнем участке. Тот, что по границе с участком Кузьминых. Всё-то у них там рухнуло. Вот и стена двора завалилась на мой участок. Ещё немного, и задавит кусты смородины.

По вечерам хорошо разговаривали в уютно натопленном доме о литературе. Занюга пел под гитару. А уже вечером 14-го приехала Ирина. И сразу в доме всё ожило, появилась нормальная еда на столе, который предварительно покрылся скатертью. Я-то застилал его газетами.

Володю в город Наташа увезла 15-го.

Я перепилили весь древесный хлам перед домом, вскопал несколько грядок. Но в эти же дни и читал. Сначала статьи из книг «Твардовские чтения». Это Королёв из Смоленска привёз на юбилей. Любопытны очерки дочери поэта о друзьях Твардовского смоленской поры. Много поучительного. Литературное «общество» в провинции жестоко, завистливо и беспринципно. Потому, когда появилась возможность расправиться с наиболее талантливыми, начали организовывать травлю, писать доносы. Как это вне времени и абсолютно проецируется на сегодняшнюю нижегородскую ситуацию. Вот только возможности расправы уже не те.

Прочитал поэму Василия Фёдорова «Седьмое небо». Давно тянулась рука к этой книге. Впечатление доброе, но — не «ах»! А вот перечитанная повесть Василия Белова «Привычное дело» захватила с головой. Столько раз слёзы глотал. И думал — вот кто готовил перестройку. Ведь столько за советское время вынес русский крестьянин. Как же ему в конце концов было не взбунтоваться, не откликнуться на «манок» о лучшей доле новоявленных заступников. Те же крестьянина и вовсе ограбили до нитки. Да, доля русская.

В этом году как открыл дом (снял щиты с окон), так и стал в свой верхний кабинет захакивать. Всё примерялся к столу, да так за работу и не сел. Для этого нужно одиночество, душевное сосредоточение. Но чувствую, что во внутреннем запале чтение Белова пошло на пользу. В один из вечеров, когда всей гурьбой готовили шашлыки (была и Наташа со своим парнем Женей), позвонил Рагим. Как всегда, во время застолья. Передал трубку какому-то зам. министра из Чечни. Разговор, конечно, ни о чём. Но я рад, что в Дербенте обо мне есть кому помнить. Славный Рагим человек.

Из неприятностей, случившихся впервые — на мне жил, питаюсь моей кровью, три дня клещ. Рана ощутима до сих пор. А у Ирины несколько раз начинала идти носом кровь. Ночью. Обильно. Это нас пугало.

21 мая

Приехали вчера поздно — как из космоса воротились. Все десять дней не брился. Уже обозначилась борода, седая и противная. Расправился с ней рано утром. Днём пошёл в редакцию. Надо возвращаться в работу.

Коломиец направил свою книгу на премию города. Это дело его. Но зачем везде говорит, что это я настоял. Полная чушь и неправда. Алексей Маркович не первый раз порывается получить премию. Ему этого хочется. Так зачем прикрываться мной? На всякий случай? Ведь то же самое было и с приёмом в Союз. Все эти хитрости мне неприятны.

Мюрисеп зазвал в учебный театр. Танцевальный спектакль по Лорке. Продумано, выполнено старательно и для публики захватывающе. Когда шли на остановку (а проводил я Александра Васильевича аж до Стрелки!), я поделился впечатлением:

— Мне всё казалось, что это танцуют наши доярки, и вот-вот с фламенко они перейдут на топоток.

Всё-таки для русской танцевальной пластики испанская танцевальная страсть инородна. Чтобы создать нечто органичное в этом виде, нужен большой труд. Иначе — только подражание, близкое к обезьянничеству. Как это ни прискорбно. Впрочем, это же всего лишь работа студентов.

В электронной почте среди прочего весточка от Курбатова. Получил мою книгу «Возвращение», но всякие поездки помешали её прочитать. Письмецо написано добрым сердцем и меня этим чувством порадовало.

27 — 29 мая. сеченово

Самый крайний район на юге области. Бедный. Сельское хозяйство в упадке. Люди даже скотину не держат. Заместитель главы администрации поведал о теперешних заботах — бюджет крошечный, население района за десять лет сократилось на полторы тысячи человек, много пустующего жилья, исчезают деревни, областные власти заставляют закрывать школы, почты (ради экономии средств). Всё это я для себя записал. Надо бы подготовить какой-то небольшой материал в «Вертикаль» об этой поездке. Да и в «Литературку» предложить.

Показали нам хозяева свои достопримечательности. Спортивный комплекс газовиков хорош. Краеведческий музей во флигеле бывшей усадьбы Сеченовых оставил впечатление убогости и нищеты. Но люди везде добрые, приветливые.

После открытия литературного семинара в ДК затащил меня к себе в баню художник Альберт Данилин — он почти всё лето живёт в Сеченове, в родовом доме, оставшемся после отца — учителя и тоже художника. Попарились на славу. Затем смотрели картины в доме, ужинали (приехал и его старший брат, кандидат химических наук из Сарова) и много говорил о «высоком». В гостиницу провожали меня за полночь, под дождём.

На семинаре мы с Ломтевым вели прозу. В последний день выход в народ в селе Красное. Солнце разогрело. Вокруг простор, зелено, поля. Из Москвы почётным генералом был Григорий Калужный — поэт, публицист, и, как оказалось, доброго сердца человек. Он подарил мне хорошие книги, которые сумел издать за счёт федерального бюджета — письма Олега Волкова, воспоминания Михаила Новикова (крестьянина).

Огорчила меня размовка с Данилиным. Он ожидал от семинара приёма в члены Союза писателей России. Не получилось. Тогда о своём несогласии с оценкой его текстов говорил всё оставшееся время — упорно, маниакально повторяя одно и то же, совершенно не воспринимая никаких доводов, не слушая объяснений, возражений. С такой гордыней и творческим эгоизмом я столкнулся впервые. Было в этом что-то неестественное, болезненное. В итоге перестал с Альбертом разговаривать и уехал не прощаясь.

4 — 5 июня. кунавино

Ирина с Наташей устроили грандиозную уборку в доме перед приездом Тани. В деревне она хочет устроить встречу со своими друзьями. Дай Бог, чтобы на этот раз всё было хорошо.

Вечером Наташа в озере наловила хороших карасей. Дома сварили отличную уху.

Ирина посадила гладиолусы (от Колломийца).

Дочитал прилепинский «Грех». Будто в какой-то гадости выпачкался. «Нацбест» признал её книгой десятилетия. Что это? Сознательная ломка русской нравственной традиции в литературе? Отрицание изысканности стиля, художественности языка? Ведь всё это навязывается не случайно, не просто же по глупости и безвкусию.

Из звонков — прорвался ко мне Мюрисеп (5-го встретились в театре, у Александра Васильевича «Доходное место») и Занога (он уезжает в Черногорию писать этюды).

11 — 13 июня. кунавино

Приезжали Таня и Дима. Они поженились и в деревне устроили встречи-застолья. Всё это время для меня оказалось бездарно убитым. Чтобы как-то оправдать вынужденное безделье, прочитал в двух номерах «Бийского вестника» (2011 г., № 1, 2) роман Михаила Тарковского «Тайота — креста». Но и это занятие не доставило особенного удовольствия. Дважды гулял по дороге. Встретил парня, который рассказал — из деревень Хмелёво и далее за ними выезжают сразу в Зиняки через два поля. И дорога там лучше. Надо бы проверить.

14 июня

На Большой Покровской, в музее Свердлова, в маленьком выставочном зальчике на 3-ем этаже (я и не знал, что этот музейчик располагает за своим фасадом таким зданием) открылась экспозиция работ Бориса Кучера. Альбина Гладышева попросила меня что-то сказать:

— Художник, своими деревянными скульптурами, вырезанными палочками, живописными работами, создаёт неповторимый мир сказки, химеры. Его трудно оценить в нескольких словах, его трудно постичь, примериваясь только к своим ощущениям. Потому что понять, откуда у Кучера рождаются все эти образы, невозможно.

И подарил свою книгу «Возвращение» с журналами. Борис Алексеевич по окончании приветственных слов отдался небольшой своей работкой «Владыка Николай на рыбалке».

Повидались на выставке с Пашковым.

Когда шёл назад, то у Кремля встретил Шамшурина. Старый он стал, лохматый и какой-то загнанный. Мне так захотелось, чтобы было у него всё по-доброму. И это не жалость — какое-то совсем иное чувство.

Из редакционных новостей: звонил Чугунов — его уволили за штат по состоянию здоровья. Самый лучший для него исход дела. Теперь вольный человек и сможет плотнее заниматься творческими вопросами, путешествовать, выступать.

Арсений Ларионов прислал ответы Бондарева на мои вопросы. В письме (электронном) сообщил, что Юрий Васильевич готов встретиться, если нужны дополнения. Конечно же, встреча необходима!

18 июня

На сотовый позвонил Арсений Васильевич из своего служебного кабинета, чем и удивил меня. Оказывается, они вернулись в здание «Советского писателя». Но, по его словам, всё разграблено — книжные склады пусты, кабинет опустошён (украдены иконы, статуэтки, картины, холодильник, аппаратура, ценные книги).

Бондарев вроде бы готов встретиться во вторник в Москве в своей квартире. Точно будет известно в понедельник. Ларионов дополнительно позвонит.

Заканчиваем макет «Вертикали». Отвёз Наталье на улицу Рябцева последнюю правку. Назад пошёл пешком, выходя на проспект Героев дворами. Какие в Московском районе тихие, без больших дорог места. Только тополиный пух летит. До дома прошёл быстро и легко, с удовольствием.

21 — 23 июня. москва

Долго сомневался — ехать ли? Когда же решился — повеселел. Правда, вечером предыдущего дня пришлось на площади Лядова встречать автобус из Сарова, забирать приёмные документы в Союз на Чугунова и других. Эти бумаги первым делом и отвёз на Комсомольский проспект. Там тишина, свет везде потушен, в кабинетах и коридорах никого. Хорошо, что встретил Переяслова (прямо у дверей, уже уходил) и с ним договорился, чтобы проследил за прохождением документов. А то ведь, по сегодняшним-то временам, запросто потерять могут.

Звонок Ларионова застал у Кропоткинской. Он ехать к Бондареву не может. Но Юрий Васильевич ждёт меня и одного в 19-00 у себя дома. (М «Университет», Ломоносовский проспект, д. 19, кв. 148). Поехал заранее, чтобы найти адрес и оставшееся до срока время скоротать, прогуливаясь у МГУ. Так и сделал. Бродил по новым местам. Конечно, вспоминал работавшего здесь Кодина. Я и сюда раз к нему приезжал.

А вообще, поражает грандиозность задуманного и воплощённого — от стадиона, кортов, садов до зданий институтов, факультетов, общежитий.

Квартира Бондарева большая (четырёхкомнатная), но я всё-таки ожидал увидеть нечто более внушительное, грандиозное. Вначале си-

дели в кабинете (большой просторной комнате) в краслах за каменным круглым столиком (столом — так он велик). Юрий Васильевич отдал от руки исписанные листы с его дополнительными ответами. Потом я попытался (не очень складно, раздёрганно) поговорить о военной прозе, об отдельных личностях, «числящихся по ней». Всё записал на диктофон.

Записал и наше сидение за столом в кухне. Юрий Васильевич достал водку. Мы выпили по несколько стопок (всё больше, пока хозяйка не видит), закусили и попили чаю.

Прощались очень по-доброму — обнимались, целовались троекратно. Я уносил в подарок книги, мне подписанные, и одну («Мгновения», красную) для Шанцева, нижегородского губернатора.

22.06. Утром приехал к Киевскому вокзалу. Думал, как поступить — ехать в Переделкино? Но есть договорённость с магазином Литературного института о получении там денег за проданные книги (во второй половине дня), и откладывать это дело не хотелось бы. Пока размышлял — позвонил Ларионов. Условились встретиться на «Новослободской» и пойти в мастерскую скульптора Селиванова. Я заочно с ним знаком по разным публикациям в «Слове» и книге его сестры о нём.

Встретил радушно. Помещение большое, хватает и на мастерскую сына — тоже скульптора. Смотрели работы (всё больше бюсты, но есть и скульптуры), немного бражничали. Но что за разговор! Мы единомышленники по мировоззрению, по вере, по оценке истории. Николай Александрович любит творчество русских поэтов (от Ломоносова до Есенина, Павла Васильева, Кедрина...), замечательно играет на балалайке (улаждал наш слух звучанием в своих руках этого инструмента), добр и предупредителен.

Рассказывая о чём-либо, чаще всего заканчивает так: «Все были очень довольны». Это для него важно — людям угодить, послужить им, чтобы они остались довольны.

Ларионов уехал раньше, мы расстались вечером, и хозяин звал приходить к нему. При необходимости в мастерской можно переночевать.

Скульптору уже больше восьмидесяти, народный художник России — но доброта в сердце совершенно не растрочена. А может, с годами только прибавляется?

Да, ещё утром я позвонил Бондареву (он просьбу передал через Ларионова, чтобы я с ним связался), гуляя по застеклённому мосту у Киевского вокзала. Юрий Васильевич попросил убрать ответ о музыке (жаль, хорошие мысли, искренние), а потом долго прощались (прерывать разговор обоим не хотелось). В конце Юрий Васильевич сказал, что «обнимает меня по-солдатски» или «по-фронтовому», что будет рад новым встречам. На душе от этих слов стало празднично.

23.06. Опять мост у Киевского. Это место мне чем-то притягательно.

К Шестинской так и не поехал. Прогуливаясь, читая газеты в скверах, заходя в книжные магазины, к часу пришёл к зданию «Советского писателя». Запустение и разруха вокруг. Территория не убрана. Ворота закрыты. Стены здания начали облупляться, скульптура Селиванова с первыми признаками разрушения. С Ларионовым условились здесь встретиться в час дня. Но он запаздывает. К зданию норвежского посольства подъезжают машины. Слышу, как говорит облуга: «Сейчас прибудут американцы». Вся эта суета мне отчего-то противна.

Арсений Васильевич с Игорем Бритвиным (его помощник) ведут меня к чёрному ходу, с другой стороны дома. Внутри всё мертво, затхло, обрушившаяся с потолков штукатурка, пыль, мусор. Чтобы в это здание вновь вдохнуть жизнь, сколько же сил и средств понадобится.

В кабинете у Ларионова нахожу пачку своих книг «Последний день» в твёрдом переплёте. Это удача. С разрешения хозяина забираю их с собой. Всё. Возвращаться сюда больше не хочется. Превжняя жизнь невозможна. А новая?.. Это уже будет совсем другая история, без тех пер-

сонажей, чьи портреты остались нетронутыми в поникшем, обезжизненном шолоховском зале.

На Курский вокзал шёл пешком по бульварам. Часто останавливался, сидел на лавочках, читал старый номер «Литературки». Так и шёл от памятника к памятнику: Бунину — Алексею Толстому — Блоку — Есенину — Пушкину — Высоцкому — и далее, далее, вплоть до Чернышевскому. Лишь там свернул и переулками вышел к вокзалу.

Что-то устал я в этот раз от хождений (а их только близ Арбатских улочек было много) — неспешных, но многочасовых. Оттого в «Сапсане» не читалось. Надел наушники и почти все четыре часа слушал музыку.

24 июня

Правление в Союзе. Остаюсь за председателя. Рассказывал о семинаре в Сеченове. Проголосовали за совместную подготовку очередного номера «Вертикали» и за утверждение моих кандидатур (Цветков, Изумрудов) для приёма в члены СП. Теперь следует ждать реакции с противоположной стороны. Что предпримут, где и как ударят.

25 — 26 июня. кунавино

Приезжал Чугунов. Всё-таки начал работу над книгой «Очерки заштатного священника» (рабочее название). О неустроенности (о нестроениях) в сегодняшней церкви говорил много. Написал письмо Патриарху об указе местного архиерея относительно его ухода за штат по состоянию здоровья. В указе запрещается служение и исполнение треб. А это значит — семья должна умереть с голоду. Жестоко, бесчеловечно. Но главное, как я понял из объяснения отца Владимира, не канонично.

Подписал ему бумаги, как учредитель, на перерегистрацию фонда. Теперь он будет межрегиональный. Это сделано тоже (делается), чтобы уйти (защититься) от возможных претензий епархии на том основании, что деятельность фонда осуществляется на территории, принадлежащей её юрисдикции.

28 июня

Ларионов позвонил и сообщил, что Бондарева опять привезли в Москву в ЦКБ. У него какие-то проблемы с «камнями». Предлагает мне, если успею подготовить текст беседы, приехать в Москву и показать его Юрию Васильевичу.

— Это удобнее, чем ехать в Ватуткин.

Конечно, с подготовкой рукописи я затыгивать не буду. Но в Москву ехать нет никакой возможности. И недавняя-то поездка состоялась только благодаря Чугунову.

Лена Крюкова привезла рисунки для детской книжки «Солнышко — всем». Володя Фуфачёв сделал тридцать иллюстраций.

— Жутко ругался, рисуя к Данчуку. Там же нет образов, одно сюсюканье. Зачем Чугунов его включил, да ещё занял половину книги?

Что тут ответить? Я тоже этого пристрастия отца Владимира не разделяю.

Конечно, у Елены есть, как всегда, и новые издательские прожекты, которые мы с ней обсудили, выпивая принесённую ей бутылку шампанского. А предложение выставлять на сайте электронные макеты книги и лишь по заказу, при оплате, их распечатывать и отсылать — толковое, разумное.

7 июля

Получил в типографии многотрудный 33-й номер «Вертикали». Пролитал и остался доволен — получился! А как трудно его формировал, готовил юбилейные материалы, набирал Шестинского, Бондарева, подбирал фотографии. Теперь это всё позади, в истории.

Много кто ждал этого выпуска — звонили, спрашивали. Отправленный мною текст интервью с Бондаревым Ларионов получил, но передать его Юрию Васильевичу не успел. У того камень вышел, и он, хотя и был ещё слаб, уехал к себе на дачу и только оттуда позвонил Арсению Васильевичу. Так что пакет с моим текстом Игорь отвезёт как-то отдельно.

Ларионову интервью понравилось, особенно высказывания Бондарева о Симонове (Константине).

— А то его последнее время замалчивают. Я был хорошо знаком с Симоновым. Не снимет Бондарев эту часть текста?

— Откуда же я знаю? Думаю, там есть несколько моментов, которые он уберёт... Но мне кажется, вы ничего не писали о Симонове? (Имею в виду его книгу «Из-под самого сердца»)

— Нет.

Вчера праздновали в «Волгагеологии». Коломиец защитил докторскую диссертацию. По этому поводу устроил небольшое творческое застолье. Занюга пришёл с гитарой. Хорошо играла и пела Лена Крюкова. Были Чих, Цветков, Шаров, Шестак.

Сегодня уже на теплоходике пришлось быть в кругу друзей Коломийца. Это скучно, хотя стол изобилен и даже богат. Но нет искренности, заинтересованности в словах, тостах. Скучная фальшь. Ушёл с облегчением.

9 — 10 июля. кунавино

Короткая поездка. Приехали вечером, уехали в обед. Всё листал в деревне новый выпуск «Вертикали». Проза Чугунова (отрывки из его новой книги) не впечатлила. Все его «сюсюканья» на тему школьной любви кажутся в большой степени придуманными. На самом деле всё в жизни, в том числе и в детстве, происходит жёстче, откровеннее и циничнее. Такая проза имеет право на существование, у неё будет свой благодарный читатель, но славы автору (а он о ней мечтает) она не принесёт. В ней нет современного звучания, она не остра социально, она не осмысливает сегодняшнее время, пусть даже и в контексте с вечными темами, библейскими мотивами. Тут мне кажется (имею в виду последнее) автор настолько всё зашифровывает (а в разговорах выдаёт желаемое за действительное), что читатель понять этого не сможет. Просто прочтает как книгу, может оценить её даже, как довольно скучноватую, о бесконечных «розовых» историях о первой любви. Буду рад, если я ошибаюсь.

А люди разъезжаются в отпуска. Пафнутьев, получив номера 33-его выпуска, отправился к южному морю, Мюрисеп (он мне позвонил уже из поезда) уехал в Эстонию, на Балтику. Перед этим вечерами звонил, будто наговаривался на месяц вперёд.

Статью о «Невесте» Чугунова почти написал. Но отдавать ли её заказчику? Я в сомнениях.

12 июля

В больнице № 35 прочистили мне ухо. Промучился сутки, оглохнув неожиданно с правой стороны. Пренеприятнейшее ощущение. И как же радостно от него избавиться.

По настоянию Ларионова позвонил Бондареву в Ватутинки, поинтересовался текстом интервью. Юрий Васильевич его вычитал, внёс правку, один ответ снял. Ну, это немного. Будем ждать распечатку с исправлениями.

Распрощались по-доброму, по телефону обняв друг друга (по инициативе Бондарева).

Вечером звонил Боря Лукин с желанием как-то меня поддержать морально. Видимо, моя «духовная угнетённость» уже видна каждому встречному.

В нескольких километрах от села Каменка. Воротынский район, левый берег Волги. Увёз сюда журналист, музыкант, фотограф и прочее, прочее, прочее Георгий Шелехов. В редакции он появился с рассказами и очерками. Слогом вполне владеет, но форма даётся плохо. Я ничего не отобрал для публикации, но к «Вертикали» он прибил, начал приходить, и вот пригласил поехать на рыбалку.

Это не близко — сто сорок километров о Нижнего, через Бор и далее мимо Макария в сторону Михайловского. Лесными дорогами добрались до протоки Волги, которая почти полностью заросла кувшинками. Георгий подготовился основательно. Взял две палатки, две надувные лодки, снасти. Меня первого отправили в протоку. И пока там, борясь с ветром, чтобы удержать лодку, и таская краснопёрк из окон в зарослях кувшинок, я одновременно восхищался видами нового удивительного по красоте места, Георгий, который вроде бы был всё где-то неподалёку, вдруг пропал.

Я устал, с непривычки спина одеревенела, выбрался на берег, но и жена его ничего объяснить не смогла — куда делся хозяин.

Отдохнув, я опять ушёл в протоку. Вечером был хороший клёв, совсем недалеко от нашего лагеря на берегу. И тут появился Георгий, который через гриву, заросшую лесом, перетащил свою резиновую лодку в нашу протоку. Оказывается, свои растяжки (лески, протянутые от одного пенька к другому, и с которых свисают в воду другие лески с крючками, на которые насаживается живец — живая, только что пойманная краснопёрка) он ставил в «Медвежьем озере». Оно, это место, названо так потому, что там однажды Георгий увидел переплывающего протоку медведя.

Нажарили рыбы, наелись горяченькой, вкусной. Спал эту ночь я в одноместной удобной палатке, на надувном матрасе. Снаружи гудели комары, ветер шумел кронами деревьев, ночью долго шёл дождь, а мне в моём крохотном домике тепло, сухо, уютно. Слышу всю эту непогоду сквозь сон, дремотно.

Утро следующего дня — совсем раннее. Солнце, тепло. Отправляемся вместе проверить перетяги. Одна стоит в нашей протоке. Она пуста. Протаскиваем лодки через небольшой лесной перешеек. И тут вижу протоку раза в три шире нашей. Кувшинками она заросла только с нашей стороны. Всё же основное пространство — чистая вода. Ушли по этой протоке вправо, к её началу (левого её конца совершенно не видно, уходит на несколько километров). Летают цапли, плещется рыба.

По небольшой речке на лодках поднимаемся вверх. По берегам места, обжитые бобрами. Одного, плывущего вдоль берега, я видел. Продвигаться по речке — это сплошное преодоление препятствий из поваленных в воду и с берега на берег деревьев.

Но вот входим в новую протоку. Она не очень широка, но чиста. От неё уходит каналом ещё одна в сторону Волги. Хорошо виден в этот просвет правый, высокий берег реки. Но мы продолжаем плыть дальше. Сквозь небольшой проливчик, наконец, входим в «Медвежье». Половина поверхности озера утыкана торчащими из воды чёрными пеньками. Зрелище для меня уже привычное, но всё так же неприглядное, инородное. Это всё следы деятельности человека. Проверяем первую леску. Я снимаю большого окуня. К следующим, в заросли кувшинок, не поплыл. Прибился к пенькам, установил лодку, лёг спиной на борт, ноги вытянул и так посреди озера лежал, смотрел в небо (а оно красивое до невероятности с перистыми облаками, с облаками нижними, которые гонит ветер), даже глаза закрыл. А когда открыл, то всё на небе изменилось. Оно стало чистым, всё ветер там, вверху, разогнал.

Плыли назад, и я всё любовался окружающей красотой. Видимо, скоро будут поднимать уровень Чебоксарского водохранилища до первоначально заложенного в проекте. Сорок лет назад затопление остановили,

хотя весь лес, по которому сейчас я плыву, был спилен и вывезен. За эти десятилетия вырос новый. Но сейчас нет леспромхозов, нет техники. Да и кто с этих островов будет вывозить берёзу и ольху, кому они нужны? Кто будет выбрасывать гигантские деньги на зачистку территории? Государство? Это для того, чтобы акционеры энергетики получили огромные халявные прибыли? Нет, лес этот в основном будет затоплен (как в Киселихе), погибнет. Своим гниением отравит воду, погибнет вся рыба. И прекратится здесь это чудесное изобилие жизни и природы.

После завтрака залезаем в палатки, засыпаем. Полог открыт. Сквозь сетку любуюсь кронами берёз, сквозь которые посверкивает солнце. В сон проваливаюсь мягко, незаметно. Но будят телефонные звонки. Мне сегодня день рождения (пятьдесят четыре года) — поздравляют.

После обеда гуляем по лесу, собираем грибы. Их немного, да и те не нужны.

Фотографировался у пня и гниющего ствола дуба-великана. Таких здесь по самой кромке обрыва протоки росло немало. Теперь остались трухлявые ровно срезанные пни. Каждый из них, как маленькая эстрада. Так велики. Сколько же столетий росли эти деревья. Такое впечатление, будто их кто-то посадил в одну линейку и на одинаковом расстоянии друг от друга.

Вечером поднялся ветерок. Вновь поплыли на «Медвежье» проверять снасти. В нашей протоке сняли двух щук. Большую протоку пересекли по прямой и только вдоль берега пробрались к устью речки. Напрямую, против ветра не справились бы.

В «Медвежье» войти у меня сил не хватило. Я сопротивлялся как мог, «карабкался» вдоль зарослей левого берега за Георгием, но сдался. И меня понесло к выходу из озера — как щепку по течению.

Пристал к мыску, на котором стояли столбики обгрызенных бобрами деревьев — словно карандаши заточили. Размотал удочку и стал ловить мелких краснопёрок ради забавы. Странно было в этой глуши, когда ни километры нет ни одной живой души, находясь в каком-то потустороннем одиночестве, принимать телефонные звонки с поздравлениями из какой-то другой жизни — из Москвы, Нижнего...

В озере Георгий снял ещё одну щуку. Благополучно, при попутном ветре, вернулись в свой лагерь. Рано легли спать.

Утром следующего дня проверять снасти Георгий ушёл один. Я остался в нашей протоке. Спешно налавливал краснопёрок для дома. Клевало слабенко, да и всё мелочь. Но в итоге набралось неплохо, хватило полакомиться (по возвращении) всем.

Назад дорога до бора заняла два часа.

16 — 17 июля. кунавино

Вместе с нами была Наташа со своим Женей. Я насадил большую косу.

Немного отметили мой день рождения — коньяком и шашлыками.

Метеорологи вновь начали пугать надвигающейся жарой. Она уже терзает центральные районы, север европейской части, Якутию, где температура приближается к плюс сорока. Но у нас пока терпимо. Вот дожили — лета бояться начали.

21 июля

Управился с рассылкой журналов. Закрыл вопрос уплаты за вёрстку. Потихоньку уменьшается список долгов по тому, что и для кого должен написать. И настроение становится пободрее, оптимистичнее.

Боря Лукин прислал рецензию на «Возвращение». Добрый отзыв, обиды за «Алтайские этюды» не помнит. А мне невольный укор — не раздражайся и не лезь со своими оценками.

С Авругиным предварительно договорились о возможной встрече в Минске. Он ждёт журнал, да и публикацию в «Нижегородской правде».

которую мне пообещал Земляникин 23 июля должна выйти моя беседа с Анатолием. Но здесь я не очень уверен, хотя была бы она как нельзя ко времени.

Ну а сегодня отправил статью в «Двину». Звонили из Москвы, из Патриархии и объяснили, что свой гриф они присваивают только сугубо церковным изданиям. Но если владыка Георгий напишет письмо с ходатайством, то они готовы вернуться к рассмотрению вопроса о присвоении «Вертикали» грифа «Рекомендовано издательским советом РПЦ». Разговор был уважительным, предупредительным, из чего я сделал вывод, что и первое моё «раздражительное» письмо до них дошло.

Передал Щеглову для вёрстки сборник стихов Пафнутьева «Здесь всё замешано на солнце» с условием сделать первоначальную работу в течение недели, но боюсь, что подведёт. Там же «на бегу» повидался с Липой Грузманом. Он привёз в Нижний новую свою книгу, изданную в Иерусалиме.

В Союзе две встречи. Первая со специалистом из областного архива. Оказывается, что у Союза там есть свой фонд, который пополняется скупой, да просто безобразно небрежно. А ведь они собирают всё о нашей работе для будущих исследователей. Я сказал о журнале, о наших документах. Загорелась. Расстроилась, что передал в музей письма Шестинского. Надо всё продумать и что-то им уже передать — переписку, номера журналов.

Пришла дочь Сухова Елена Фёдоровна. Увидел её впервые. Произвела впечатление приятное — моложава, разговорчива, но не утомительно. На следующий год её отцу исполнилось бы 90 лет. Хочет к этой дате перевести его родовой дом в памятник культурного наследия; узаконить его могилу (Фёдора Григорьевича, по его желанию, похоронили на родине на месте старого, в тридцатых годах уничтоженного, староверческого кладбища), которая оказалась теперь на частной земле (всю землю растащили, приватизировали зачастую криминально, незаконно); создать комнату-музей в бывшей сельской школе. От Союза просит поддержки письмами. Обсудили, как и что написать. Я всё подпишу.

Конечно, хочет издать поэтические книги отца (сборник стихов и сборник поэм), но тут я помощник слабый. Рассказала и всю историю, связанную с Марией Сухоруковой (с предоставлением её писем, записок, заявлениями в милицию по поводу алиментов и так далее). Неприглядная картина и жаль мужика — так он попал на всю жизнь в каторгу, так Мария его мучила, столько всякого непристойного пришлось пережить ему на старости лет — если только верить всем этим бумагам.

Умирая, считал, что семью свою деньгами обеспечил — оставляет их богатыми (на сберкнижках было более сорока тысяч рублей). И не знал, что в месяцы после его смерти эти деньги превратились в прах. Да, гримасы современной жизни.

22 — 23 июля. киселиха

Приехали Тanya с Димой. Привезли мне в подарок ноутбук. А я с Шестаком уехал к Вадиму, чтобы ночь провести в лесу у карьеров. Снасти его, поставленные заранее, оказались пусты. Так что пришлось обойтись без ухи, питаться тем, что привезли с собой.

Вся ночь прошла в разговорах. К сожалению, много о политике, религии. Темно было совсем немного (во всяком случае, так мне запомнилось), и как-то сразу начало светать. Уж солнышко взошло, когда мы с Вадимом тоже прилегли в машине у Сергея. Но проспали не более двух часов. Стало жарко.

И всё равно — ночь оказалась чудесной. Набранного поблизости сушняка и всяких гнилушек хватило сполна. Костёр горел не затухая. В котелке кипел чай. Комаров нет. В разговорах я был спокоен, не горячился. Вот только водки с Шестаком зря выпили. Хоть и немного, в течение всей ночи, да под хорошую закуску, но и этого не надо было бы.

Подарил Вадиму последние наши журналы (целый пакет). Он мне в ответ навалил огурцов, помидоров, кабачков со своего огорода. Добрая и щедрая душа.

26 июля

Вчера поставил перед собой цель «добить» статью о «Невесте» Чугунова, и вчерне это сделал.

В город вернулась прошлогодняя жара. Писал дома, никуда не поехал, чтобы не отвлекаться ни на какие второстепенные заботы, а сосредоточиться только на статье. Но физически оказалось тяжело писать. Принимал душ, чтобы как-то освежиться. После полудня, часов в пять, когда солнце «жарит» прямо в окно, взял с собой книгу, бумагу и ушёл к Староярмарочному собору. Там в тени, на лавочке, опять писал. Раньше я там только читал, но вот, оказывается, можно и писать.

Сегодня вечером приехал отец Владимир с письмом к Патриарху и документами, подписными листами с жалобой на деятельность нашего владыки Георгия. Просит отправить это от редакции. Я согласился. Пожалуй, это самый разумный способ, чтобы привлечь внимание Святейшего и в то же время вывести из-под возможного удара конкретных священников. Впрочем, не могу предугадать возможные последствия для себя. Но ведь кто-то должен взять на себя подобную ответственность.

Был днём у Евгения Николаевича Земляникина в «Нижегородской правде», напомнил об обещании дать в субботнем номере интервью с Аврутиным. Ответственный секретарь сказал, что постарается. Твёрдо не обещал. А Анатолий в Минске будет ждать, отслеживать по интернету.

Зашёл к Шеглову. Хорошо, что Геннадий приступил к работе над книжкой стихов Пафнутьева. С Натальей у нас ничего бы не получилось — на месяц я остался без электронной почты (сотрудница геологического отдела ушла в отпуск, и компьютер стал для меня недоступным — это, кстати, говорит о том, в каких «чудесных» условиях я создаю журнал).

27 июля

Неожиданно для себя самого попал в гости к Шелехову. Георгий позвонил, а затем и заехал за мной в редакцию. Угостил пивом, вручил пакет замороженной рыбы, распечатал текст своего отзыва на 33-й выпуск (я уже знал, что в редакции «Нижегородской правды» его забраковали) и фотографию с нашей рыбалки, где я в лодке, с удочкой и в шляпе.

Смотрели и их семейные фотографии в молодости. Как же стремительно проносится жизнь.

Но моя задача была одна — договориться о рыбалке, куда бы можно было пригласить Таниного Диму. Договорился. И даже поедем в другое, как было обещано, в более красивое место. Впрочем, недалеко от прошлого.

Приходила Сухова. Принесла примерные тексты писем по 90-летию отца. По ходу тут же оторвала ветку герани для «размножения» у себя дома. Восхитилась музеем. Подарил ей юбилейный номер «Вертикали». О журнале она знает, видела где-то.

28 июля

Письма в Лысково подготовил и передал Суховой через охрану. (Она звонила, и я объяснил, где забрать.) С письмом к губернатору сложнее. Я его сильно отредактировал. В конце надо дописать (и обосновать) просьбу о личной встрече. Вопрос касается издания книги Сухова. В таком случае это должны осуществить мы в «Вертикали».

29 июля

Написал вступление к следующей (дневниковой) книге Пафнутьева. Получилось быстро, легко, и, как мне показалось, тепло, от души. И это обещание выполнил.

Звонила Мухина. Интервью с Аврутиным стоит в номере. Поделалась проблемой с текстом Шелехова. Я посоветовал его выбросить и забыть. Пообещала Ирина Дмитриевна, что даст свой отклик на мою книгу «Возвращение».

Попытался поработать на ноутбуке. Непривычно, неудобно. В общем, не получилось. Только разнервничался. Пришлось идти к себе (дома старый компьютер завис после нескольких абзацев) и набирать текст статьи о книге Чугунова в компьютере секретаря. Очень неудобно. Место не приспособлено для долгой, большой работы. Но набрал прилично. Осталось ещё на один день работы.

Пока занимался статьёй на втором этаже «Волгагеологии», звонили: Чугунов (сегодня передача на ННТВ с его участием), Пафнутьев (искренне обрадовался, что я написал на нём), Крюкова (готовится к юбилею, хочет застолье провести в Союзе).

Вот и мне на следующий год, если доживу, будет 55 лет. А так ничего стоящего и не сделано — ни в прозе, ни в критике, ни в публицистике, ни в материальном обеспечении семьи. Горько!

30 — 31 июля. кунавино

Тепло. Тихо, хоть и воскресенье. Вода в роднике стала опять чистой, прозрачной, вкусной.

Косил. Собирали крыжовник, полон какой-то кустистый сорняк с маленькими белыми цветочками. Он заполнил весь участок справа от дома. Обкосил со всех сторон баню.

Утром начал читать «Убиты под Москвой» Воробьёва. Сидел на веранде. Солнце только взошло. Но немного прочитал — опять потянуло в сон, и я ушёл в дом, лёг.

Вчера как-то разом дописал большой кусок к статье о Пафнутьеве. И вообще на душе эти дни, всё это время было покойно и мирно.

На обратном пути попали в пробку, которая начиналась от Киселихинского моста. Новый рекорд! Что же ждёт нас дальше? Ладно, долго мучиться не пришлось. Закрыли из города движение и пустили нас, в том числе и по встречной полосе.

1 августа

Позвонила Нина Николаевна Шестинская. Она смогла распорядиться большей частью архива Олега Николаевича. Многое сдала в архив рукописей, ещё больше в Центральный литературный архив — письма, вырезки публикаций, книги. Точное название архивов я не запомнил, но, по сути, передаю верно. До этого «болгарскую библиотеку» (книги, подаренные Шестинскому болгарскими авторами, с их автографами) передала в Славянский центр, в болгарский отдел.

Вообще, вдова сделала большое дело, очень грамотно всем распорядилась.

Пообещал Нине Николаевне 15 августа заехать к ней. Это на обратном пути из Белоруссии.

2 августа

Михаил Попов из Архангельска позвонил с доброй вестью. Он всё моё получил — журнал, книгу, статью. Статья понравилась. Ставит её в «Двину» без сокращений и просит никому её больше не давать. Покаялся, что забыл нам прислать поздравление с десятилетием «Вертикали». Конечно, жаль. Но тут мне надо было быть понастойчивей. Хотя, тогда на эту настойчивость не хватило ни сил, ни нервов. Всё сам, всё один. И то, что сделано, иначе, как чудо, мной не воспринимается.

Заговорил Михаил и о моих беседах. С Полевановым насчёт расстрела он не согласен (а разве согласен я?), но ведь это история, и иную точку зрения на прошедшие события мы тоже должны знать. Предложил я и

с ним сделать интервью. По электронной почте писать ответы Михаил отказался. «Давай пересечёмся где-нибудь». Что ж, попробуем.

Звонил он мне из-за праздничного стола — у него день рождения.

5 августа

Почти со всеми долгами перед поездками рассчитался. Макет книжки для вычитки Пафнутьеву отдал. Статью о «Невесте» Чугунову отправил. Журналы в Москву по просьбе Анатолия Строкина отослал. Единственное — не подготовил письма губернатору и министру культуры. Но на это, возможно, у меня ещё будет вторник, девятое число.

Вчера связался с Полевановым. Застал Владимира Павловича за два часа до вылета. В Москву он вернётся на короткий срок лишь в двадцатых числах. Вновь встретиться не удаётся.

Был в гостях у Жени Галкина. Много говорили о Пушкине. Листал книги первой половины 19 века (Георгиевский). Оказывается, у Евгения Ивановича большая библиотека детективных романов, Чейза, и даже 19 томов Юлиана Семёнова. По настойчивому предложению Евгения взял четыре книги из серии зарубежного детектива, попробую что-то почитать в дороге. Серьёзное-то всё равно ничего в голову не пойдёт.

Звонил Диме. Тот весь в нетерпении. Никак не дожждётся поездки на рыбалку.

6 — 8 августа. Рыбалка (Воротынский район)

Шелехов привёз на новое место. Немного ближе прежнего, но всё в тех же краях. Остановились на мысу. С трёх сторон вода. Просторно. Есть чем порадовать глаз. Царство бобров. Они валят огромные деревья. Ночью жуткий шум — то ли от падающих деревьев, то ли это бобры бьют хвостами по воде.

Во второй вечер был полный штиль. Плавал по новой протоке. С краёв по берегам высоченный лес — дубы, сосны, ели, липы... Далеко от берега, по большим листьям кувшинок полз уж — приплыл сюда по воде. Громкие крики цапель над водой. Один раз видел, как они летели цепочкой, друг за другом, сразу четыре птицы.

Спугнули утку с выводком. Малыши молча поплыли в одну сторону, а утка, громко крякая, ударяя крыльями по воде (изображая из себя раненую) в другую. Обманщица. Убедившись, что мы никакого интереса к ней не испытываем, поднялась на крыло и улетела к своим подросшим утятам.

Георгий поймал три щуки. Я ловил краснопёрок. Много их съел жареными. Достаточно и насолил, привёз домой и — выбросил. Можно было бы их вывесить на балконе, но кто за рыбой будет следить, когда мы уедем в Белоруссию?

9 августа

Работал с удовольствием. Подготовил и отправил письмо губернатору по поводу юбилея Фёдора Григорьевича Сухова. Письмо министру культуры о моей книге, посвящённой нижегородским писателям. Внёс правку в текст о Пафнутьеве и в текст интервью с Бондаревым. Юрий Васильевич полностью исключил два ответа. Мне кажется, что я понял, почему. Они касаются конкретно военных действий, и он побоялся, что его могут уличить в неточностях. В своей книге эту беседу я дам полностью, без сокращений. Так же, как сделал и в прошлый раз.

С большим интересом начал читать воспоминания Коненкова «Мой век».

Подключили домашний интернет и уже пообщались с Таней по скайпу.

10 — 15 августа. москва — белоруссия — москва

Выехали в Москву на Таниной машине. За рулём Дима. Таня уехала домой ещё в воскресенье. Только вечером в Москве все собрались вме-

сте. Наташа с Женей на «Шкоде» до Москвы ехали отдельно и ночевали в Домодедово.

11.08. Пасмурно, дождь. На трассе ждём «Шкоду» около часа. Затем долгая дорога. Дима вчера перекачал из интернета поэмы Есенина и малое собрание сочинений Пушкина. Есенина им хватило не надолго. Прослушали инсценировку «Анны Снегиной» (старая, советская) и самое начало «Пугачёва». А вот Пушкин захватил. Слушали запись многие часы: «Руслан и Людмила», «Полтава», «Цыгане», «Граф Нулин», «Скупой рыцарь», «Пиковая дама», «Пир во время чумы»... Исполнение чтецами замечательное. Запись современная, энергичная. Поэзия гениальная. Я как-то по-новому услышал Пушкина, осознал, насколько он современен и вечно.

По Белоруссии ехали через Могилёв, Бобруйск до Солегорска. Земля ухожена, обработана. Поля убраны, солома в брикетах. Стоит только кукуруза да свёкла зеленым-зелена. Но во всём ощущение опрятности. Обочины чисты. Долго ехали через леса. Поразило — никаких поваленных гнилых стволов, никакого сухостоя. Неужели чистят?

Все предприятия работают. Порученных брошенных цехов, или переделанных в торговые центры не видел ни одного. Но и нового строительства почти не ведётся. Вообще, эти провинциальные города остались в той, советской эпохе — и думаю, не только в своём архитектурном облике. Например, поразило вкусом обыкновенное мороженое, купленное на бензозаправке. Это мороженое моего детства — сливочный пломбир. Я думал, что его больше не существует в природе. Потом мне уже сказали, что на территории республики действуют советские Гости качества продукции.

Радостно было видеть журавлей. Чаще гуляющих вдоль обочин дорог. Но однажды пара летела высоко в небе — неторопливо, величаво.

Солегорск обозначился впереди огромными белого цвета отвалами — терриконами. Как я понял — это одно из главных предприятий страны, приносящее республике стабильный доход. Оно производит из добытого в шахтах сырья калийное удобрение для сельского хозяйства, которое продаётся во многие страны мира. Для Солегорска это градообразующее предприятие. Здесь уютная однокомнатная квартира мамы Димы. Расположились и тут же после обеда отправились в спортивный комплекс в баню, где нас угощали свиными ножками под пиво и водку. Плавали в бассейне.

12.08. Традиционная пешая прогулка по новому городу. Он невелик, и поэтому времени понадобилось немного. Чистота, опрятность, ухоженность во всём. Город новый, рождённый в самом конце 50-х годов прошлого века. Отличный парк. Интересный, вольной трактовки, памятник Ленину. На высоком постаменте (красный камень) вполоборота большой бюст. Как бы в движении, в порыве. Интересно. Дома выкрашены, опрятны. Магазины полны. Но рванувшие вверх цены людей страшат. Хотя по нашим деньгам это всё очень дёшево. С одной стороны к городу подходит берег большого водохранилища, значение (хозяйственное) которого я так и не понял.

Не побывал только на дальней новостроечной окраине. Остальное всё обошёл. Много раз останавливался, сидел в тенишке, читал книгу (взял с собой воспоминания скульптора Сергея Тимофеевича Коненкова «Мой век», и «добиваю» их не торопясь) и лишь к четырём вернулся в квартиру. И то только потому, что встретил наших на улице Ленина. А гулял и по Мира, и по Заслонова...

Вечером застолье, ночь после которого закончилась небольшим происшествием.

13.08. Дача дяди Димы — Сергея. Баня, шашлыки, варёная кукуруза. Долгие разговоры о политике, о социальной ответственности власти, во время которых хозяева всё больше молчат, а мы безжалостно ругаем российские порядки.

Расстаёмся, как мне показалось, довольные состоявшимся знакомством.

14.08. Возвращаемся в Москву по новой дороге — через Слуцк. Великолепное шоссе идёт от Бреста. Продолжаю удивляться «бурно живущему» сельскому хозяйству. Хотя частные наделы, огороды, как мне показалось, не велики. И стада скотины почти не встречаются. Но вдоль обочины довольно часто видим пасущихся лошадей. Почти забытая у нас картина.

Но стоило переехать русскую границу, въехать в Смоленскую область — и вновь запустение, разруха — заросшие сорняком и березняком поля, мусор у дорог, выбоины на шоссе... Нет этому никакого рационального объяснения. Только одно — в стране властвуют те, кто её не считает своей. Горько и противно.

15.08. Решил в Москве не оставаться, хотя билеты на Нижний у меня куплены на завтра. Плохо спал ночью. Почти до 16-00 прождали Наташу, а одну Ирину в опустевшей квартире (Таня и Дима улетели отдыхать в Краснодар) я оставлять не стал. Она бы истомилась. Но и целый день у меня пропал.

Домой ехали с Женей. Вечером сходил на Московский вокзал и сдал билет. Получилось, что шесть билетов я купил, и все их пришлось сдать.

16 августа

Вчера поздно звонил Чугунов. Он тоже путешествовал — ездил к Курбатову во Псков. Делился впечатлениями. В частности — как новый «символ» русской литературы они (круг, в который входит Валентин Яковлевич) хотят объявить Захара Прилепина. Как бы передать ему эстафету от Валентина Распутина. Чугунов на это Курбатову возражал. Я же вообще не могу понять, что происходит. Если это есть современная вершина русской литературы, то как же мы должны относиться к традиции, заложенной писателями (русскими) 19-20 веков?

Моя статья о «Невесте» отцу Владимиру понравилась. Ещё один долг с плеч долой.

Вечером в квартире у Лены Крюковой отмечаем её 55-летие. Собрались писатели, художники. Пришли Виктор Тырданов и Евгений Юсов, с которым мы накоротке к обоюдному удовольствию познакомились впервые. Вечер прошёл замечательно — стихи, песни, добрые разговоры. Я подарил журналы.

17 августа

В «Атомэнергопроекте» посмотрел выставку картин художницы из посёлка Смолино (она специально меня туда отвезла). Впервые видел её работы, и они оставили доброе впечатление. Художница зарабатывает на существование только живописью. Родственные мы души — но только в этом плане. Только своей нескончаемой болтовнёй изрядно утомила.

С регистрацией изменений в уставе журнала выявились проблемы.

19 — 21 августа. кунавино

Убирал траву у бани. Перепилил всё, что было перед домом. Собираюсь писать о поездке в Белоруссию, да так ничего и не сделал.

Приближение осени ощутимо во всём — и в ранних туманах, и какой-то грусти, которая, хоть и не объяснима чем-то конкретным, разлита в округе. Птиц больше не слышно. Только вороны на крыше бани расселись разбойничьей шайкой.

И думается о прошлом с глубокой тоской. Почему? Нет у меня на это ответа.

22 августа

После долгих летних отпусков повидались с Мюрисепом. Александр Васильевич пришёл в редакцию, когда у меня был Чугунов. о. Владимир

рассказывал о поездках к Курбатову в Китай. Интересный эпизод — Астафьев обиделся на Курбатова за то, что тот не принял «Проклятых и убитых». (Видимо, разговор происходил по телефону). Курбатов полетел к Астафьеву в Овсянку для примирения. Виктор Петрович демонстративно при нём копал картошку. Разговаривали громко, «по-деревенски». Но потом пошли на берег Енисея, выпили и помирились.

Когда остались с Мюрисепом, то разговор пошёл вяло. Кажется, своим настроением я Александра Васильевича обидел или озадачил.

Позвонил Пашков. Уныл. Теперь у него ещё и проблема с ногами — болят.

23 августа

Только сегодня смог получить электронную почту за прошедший месяц. Среди прочего письмо от Дионисия Гарсии (от 04.08) и из «Литературной России» с заинтересованностью в интервью с Бондаревым. Отправил. А вот письму Дионисия обрадовался. Может быть, это новое знакомство окажется душевно притягательным, творческим, по-человечески тёплым? Жаль, что из компьютерного центра «Волгагеологии» не сообщили мне об этом послании раньше. А ведь просил «сбрасывать» мои письма в компьютер секретаря.

Десятого августа смог бы повидаться с испанцем в Москве или после возвращения из Белоруссии.

24 августа

Сходил в мастерскую к Мидову. Подарил Николаю Павловичу 33-й выпуск «Вертикали». Показал он свою новую живописную работу — «Красный закат» (?). Волга, Ока, Стрелка, Нижневолжская набережная. Известный мотив, выполненный в технике Мидова. Есть у художника и ещё одна картина, которую я видел раньше. (Одинокий человек с крыльями). Предложил Мидову обе эти работы поместить на обложке нашего журнала.

За чаем рассказал Николаю о том, что отправил Патриарху копии писем по ситуации в Семёнове (о. Игорь Иудин) от журнала. Он удивился — «Смелый ты человек. Как бы чего они с тобой не сделали».

29 августа

Из отдела кадров министерства по печати (из Москвы) позвонили с тем, чтобы мы предоставили обновлённую справку из налоговой инспекции по поводу отсутствия долгов перед бюджетом. Оказывается, мои документы на награждение находятся у них. Воистину, не перестаю удивляться нашей бюрократической машине. После подписей мэра, губернатора, главного инспектора президента по области, полпреда Приволжского федерального округа дело вновь рассматривают какие-то клерки в федеральном министерстве. Тогда зачем нужны все предыдущие конторы, если подпись их глав ничего не стоит, ничего не решает? Абсурд! Полный абсурд!

Ладно хоть с перерегистрацией Устава всё вошло в завершающую фазу.

Началась работа над вёрсткой моей новой книги «Душа живая». Собираю в неё очерки о писателях (живых и ушедших), последние беседы. Дам в ней тетрадку с фотографиями.

1 сентября

Наконец-то собрался с силами (душевными), чтобы посетить Союз писателей. Привёл там всё немного в порядок. Главное — разобрался в архивной комнате, выбросил хлам, разложил коробки вдоль стен, и комната стала просторной. Начало положено. В документах, сваленных как попало, надо разбираться основательно. Что-то ненужное уничтожить, другое сдать в областной архив. То, что необходимо хранить в Союзе — сложить в папки и убрать в шкаф.

Но главная беда — книги. Их надо выставить на полки, которых нет. Потому они и не работают, и места в коробках занимают много. А к ним должен быть доступ, чтобы их можно было взять в руки, полистать. А так — я даже нашёл машинописный текст повести Муратова (видимо, не издававшейся). Любопытно. Надо будет с ним внимательнее познакомиться.

2 сентября

Осенний вернисаж нижегородских художников в Выставочном зале. Прекрасная возможность многих повидать. Принёс для Заногы журналы. Поговорил с Кимом Шиховым, с Николаем Мидовым, с Валентиной Ерёмкиной (телевидение) да и со многими другими.

Выставка оставила неплохое впечатление. Молодёжь дерзает, есть интересные поиски в живописи. Но серьёзных концептуальных картин нет. Может быть, провинция к подобным поискам, большим трудам не располагает?

Домой возвращались с Сергеем Шестаком под дождём. На Рождественской зашли в Союз обсохнуть, и тут Сергей загрустил — как быстро проходит жизнь.

На подоконнике стояла большая фотография — общий снимок с какой-то конференции местных литераторов. В добрые времена она висела над лестницей в старом здании Союзе на улице Минина, на втором этаже.

— А ведь их в живых уже никого нет, — неожиданно заключил Сергей. И эти книги — кто их будет читать, неужели они будут кому-то нужны, кому-то интересны?

Мне трудно было не разделить с Сергеем этот пессимизм.

4 — 7 сентября. москва

Уехал из дома вместе с Таней и Димой на машине. В Москве в компьютере посмотрели новый русский фильм — будто бы о трудных взаимоотношениях детей и отца «Остров». И хоть операторская работа в картине на уровне, в режиссуре много провалов, сюжетных неувязок, стилистических неточностей. Удивительно быстро наш кинематограф теряет свой профессионализм.

Утром в беготне по столице. И всё пешком. В Союзе писателей повстречался с Котьяло, Ганичевым, Геннадием Ивановым. Попытался узнать о судьбе документов на приём в Союз Чугунова. Убил много времени, но результат нулевой.

Геннадий сказал, что прочитал в воскресенье в «Литературной России» моё интервью с Бондаревым. А я хотел в редакцию ехать, узнавать. Теперь надобность отпала.

Пешком пошёл в книжную лавку Литературного института, купил газету. Мой материал занял всю последнюю 16-ю страницу.

Из сквера на Тверской позвонил Ларионову. Условились через час встретиться в «Советском писателе». Пошёл в сторону издательства, но надумал зайти в МСПС (Дом Ростовых), поставить печать на удостоверении Литфонда России. И удачно — всё сделал. Но к Переверзину не попал.

С Ларионовым сидели и выпивали за прежним столом. В кабинете наведён порядок, разбираются книги. Четыре штуки найдено и моих (в мягком переплёте) — одну из которых Арсений Васильевич попросил подписать себе. Все книги с автографами он отправляет в библиотеку к себе на родину.

Обговорили вопросы интервью. Первые, для зачина, я написал ещё в актовом зале Союза. После застолья прошёл на Гоголевский бульвар.

Дома у Тани начали смотреть «Аватар».

6.09. На этот раз на метро доехал до Киевского вокзала (купил билеты на «Буревестник»), оттуда пешком дошёл до Комсомольского проспекта. В Союзе писателей встретился с Ганичевым, Переясловым, Дорошенко

(подарил свою новую книгу), Ивановым, но о документах так ничего выяснить и не удалось. Спустился в «День литературы». С Валентиной Григорьевной (выпускающим редактором) уточнили, какую фотографию прислать для статьи (о романе «Невесте» Чугунова — идёт в октябре), и что рецензюшку о моей книге она даст в ноябре. Забрал книгу Бондаренко по итогам (литературным) 20-го века.

На второй мой звонок Дионисий Гарсия (вчера ему тоже звонил) откликнулся как-то вяло, без интереса, и я на встрече настаивать не стал. Потому в моих планах образовалась «дыра».

Отправился бродить по Москве, по приарбатским улочкам. Долго ходил, пока у Храма Христа Спасителя не устроился на лавочке читать газету. Уже сюда на встречу приехал Борис Лукин с поручением мне передать в «Растр» обложку книги, и Анатолий Строкин, чтобы лично познакомиться. Это получилась добрая встреча. За короткий срок, пока шли от «Кропоткинской» до «Охотного ряда», о многих рабочих моментах сумели переговорить. Анатолий Андреевич меня с метро и до Таниной машины проводил.

Вечером досматривали «Аватара». Это уже совершенно иное кино в смысле техническом, в использовании всевозможных эффектов. По сути же всё сделано по штампам «американского кино». Видимо, иначе их зритель картину воспринять не сможет. Приучили!

Перед сном позвонил Строкин. Наш разговор его взволновал. Расчувствовался по-доброму. Завтра придёт меня проводить на вокзал.

7.09. В Переделкино у Шестинской. Ей продлили на год пребывание на даче с хорошей перспективой окончательного решения этого вопроса в её пользу. Отдала мне Нина Николаевна ещё несколько текстов Олега Николаевича, фотографии.

Пили чай, смотрели запись выступления Шестинского в местной переделкинской библиотеке. Видно было, что Олег Николаевич чувствовал себя неважно. Но говорил хорошо, продуманно (о блокаде, о Данииле Гранине, о своей последней книге «Ангелы гнездятся на земле»), читал стихи. Но в конце, после прочтения стихотворения «Собаке Колачева», тут же достал из кармана таблетки.

— Он там несколько часов лежал. Вызывали врача. Так было плохо. В доме чувствуется какое-то «разорение гнезда». Пусто без картин, книг, большой люстры. Всё говорит об окончании жизни.

Уехал в Москву на двухчасовой электричке. От Киевского до Курского решил пойти пешком через центр. Но сначала слишком уклонился в сторону храма Христа Спасителя, затем у «Китай-города» совсем запутался, заплутал, закружил. В итоге вернулся к станции метро, спустился вниз. На вокзале появился, когда подали состав к перрону. Строкин был на месте. Принёс свою рукопись, книги.

В поезде прочитал очерк Шестинского о Шипке (об истории снаряда, который теперь у меня — отдала Нина Николаевна) — его обязательно нужно будет опубликовать, о Ферапонтовом монастыре, о встрече в Австралии.

8 сентября

Позвонил Ломтев и попросил зайти в Союз писателей.

— Я хочу с тобой одним поговорить. Мне залечили две язвы в желудке и кишечнике. Но есть подозрение на самое худшее. Нужно приготовить-ся, чтобы не произошло так, как у Владимира Жильцова.

Мы принесли в кабинет ещё один стол (для меня), установили на нём компьютер. Теперь мне нужно быть постоянно в Союзе. В среду поедem в банк оформлять мою подпись на финансовые документы.

12 сентября

Вчера долго сидел за расшифровкой беседы с Парпарой. Текст уже получился большим, но всё интересно, делать сокращений не хочется.

Единственное — сам Анатолий Анатольевич, думаю, уберёт отрывок о приходе в журнал «Москва» на место главного редактора Владимира Крупина. Хотя тому деятельность на этом посту лавров, действительно, не принесла.

Делал я свои записи на бумаге и подумал — наверное, скоро с Парпарой как-то пообщаемся. И вот сегодня он звонит на сотовый. Добрые слова сказал о последнем номере «Вертикали». Был в Москве, взял книжку журнала с собой на Кавказ. Живёт пока там, достраивает дом. В столице появится не скоро.

Продолжаю в спешке отправлять для вёрстки книги недостающие материалы. Но уже сейчас уверен — всё надо будет перечитывать, править. Готовил статьи о Трошине и Кодине — много грязи выявил. Наверняка подобное найдётся в других материалах. Зря спешил. Но и без спешки ничего не получится. Уже опаздываю со следующим номером журнала. А сколько ещё всяких дел и делишек.

13 сентября. москва

С Чугуновым на «Сапсане» туда и обратно. Главная цель поездки — встреча с митрополитом (всё забываю его имя), управляющим делами Московской патриархии.

Резиденция в Чистом переулке имеет вид современный, презентабельный, охраняется несколькими милиционерами — так что с улицы просто так в неё не попадёшь. Но священники проходят без задержки. Внутри здания всё организовано по-деловому, но тихо — народу праздного и суетящегося нет. Чисто, опрятно.

Владыка принял нас без задержки — да мы и были только одни — ласково, коротко выслушал наши слова, а затем говорил сам. Суть его ответа — все письма рассматриваются, ответ будет дан, но на это понадобится время. Владыку нашего никто осуждать не будет.

Как я и думал, отосланные мною документы (а отец Владимир проверил — они в канцелярии зарегистрированы) возможно, будут использованы во внутренней межклановой борьбе.

Пешком пошли в Литинститут. Полюбовался памятником Гоголю в гоголевском дворике. Великое творение, ничего подобного я больше не знаю.

В институте Чугунов получил книги с конференции. На площадке перед кабинетом я поговорил с Сергеем Есиным. Во дворе ходил грустный и грузный Евгений Рейн.

Из прочего — посетили «Литературную Россию». Вячеслав Огрызко тут же предложил мне сделать интервью с отцом Владимиром. Подарил книги.

В «Нашем современнике» никого не было. Но у секретаря выяснили — моей статьи о «Невесте» в редакции нет.

14 сентября

В Литературном музее на улице Минина Виктор Карпенко отмечает 60-летие. Речи, поздравления, подарки, застолье, фотографирование. Много библиотекарей из районов. Именно через них идёт реализация книг Виктора. Тут у него всё отработано. Машина крутится без остановки. Через них же он получает (и немалые) заказы на издания.

А у меня сегодня оказалась готова в типографии книга Анатолия Пафнутаева.

15 сентября

Неожиданная встреча — на улице Горького меня окликнули. Оказался Сергей (друг Копыловых), с которым не виделся семнадцать лет. Вместе работали замами (недолго) на базе облпотребсоюза. Вспомнили Валентина Копылова. Сергей проводил меня до Покровки и вкратце рассказал его историю.

Оказывается, имея дом на территории Евросоюза и шенгенскую визу, ты можешь жить в нём не более трёх месяцев в году, используя этот срок сразу целиком или частями.

16 сентября. лес

С Коломийцем за грибами в Борском районе (деревня Большие Орлы). Набрал подберёзовиков и подосиновиков. Нашёл один белый. Все грибы только в сырых ложбинках, в высоком мхе. В сухом лесу — одни мухоморы.

Вчера в конце дня звонил Ларионов. Моё интервью с Бондаревым пойдёт в «Патриоте» 22 сентября.

17 сентября

Читаю конкурсные рукописи (о Владимир от фонда «Родное пепелище» объявил всероссийский литературный конкурс современной русской прозы имени И.С. Шмелёва), уже отобранные Чугуновым.

В редакции составил содержание нового номера «Вертикали». Вновь надо вступать в борьбу за выживание журнала.

19 — 21 сентября. Рыбалка

Шелехов повёз на то место, где были в первый раз. Поляна, к сожалению, оказалась занятой. Приехали лесники с какого-то борского участка. Рыбу ловили сетями. Выпивали. Разговаривали исключительно матом. Но когда общались с нами, то как-то легко обходились и без сквернословия. За всё время между собой жили дружно. Не только ругани — раздражения между ними не было.

Щук в этот раз поймали много. Одна была уже совсем приличная — килограммов на пять. Краснопёрку ловил вяло, да и она клевала без энтузиазма. Зато набрал грибов. Первую ночь порядочно замёрз. Вторая оказалась теплее, но восемь часов непрерывно лил дождь. Проснулся от того, что ноги в спальном мешке сырые. Да и бок, прижатый к палатке, намочил. Но утром немного распогодилось. Слава Богу — Георгий снял снасти, забрал рыбу, и мы благополучно доехали до дому.

Были звонки: на воде — от Буланичева. Борис Лукин прислал в «Бийский вестник» рецензию на мою книгу «Возвращение». Виктор просит из неё очерки для публикации в своём журнале. Надумал отослать «И просто — жить», «Соприкосновение жизнями», «Расторгув». В лесу — от Карпенко. Напоминает об интервью с Бондаревым и просит биографию. В палатке — Мюрисеп во время перерыва в спектакле. Будет большой театральный фестиваль в Нижнем Новгороде. Приедут и столичные коллективы. Он заказал нам места.

Темнеет быстро. В палатку от костра (чужого) ушёл в девятом часу. Лежал, под стук дождя читал книжку Нины Нефёдовой «В стране моего детства», освещая страницы плохим фонариком. Милые воспоминания первой трети 20-го века. Эту книжку прислали дети или внуки автора на конкурс Шмелёва.

А ведь пройдёт время, и буду с ностальгией вспоминать эти дни, эту необычную ночь под дождём.

22 сентября

С самого утра, несколько нервно, приступил к подготовке материалов и отправке их в редакции. И по мере того, как список «долгов» таял, успокаивался и приходил в мирное состояние духа.

Всё успел, электронная почта ушла в альманах «Нижегородцы», журналы «Бийский вестник», «Родную Ладогу». Получил от Натальи окончание вёрстки книги и распечатал её. Ответил и на письма Дионисия и Лукина (он разослал свою рецензию на «Возвращение» в разные (и многие) провинциальные журналы). Осталось только сесть за редактирование

интервью с Парпарой, но пришёл Володя Цветков, и мы за чаем, как в прежние добрые времена, проболтали до позднего вечера.

Домой шёл, хоть и накрапывал мелкий дождик, довольный прошедшим днём.

23 сентября

Отослал для вёрстки 34-го номера первый и самый большой материал — воспоминания испанца.

Цветков подготовил книгу «Мялики — городошная династия» (об истории городошного спорта) к печати. Теперь дело за финансированием. Сходили с ним в типографию, обсчитали. После вместе шли до Канавинского моста. Рассказал Володе, что сегодня звонил Ларионов. Публикацию интервью с Бондаревым в «Патриоте» перенесли на следующую неделю, и нашей совместной фотографии на полосе (с Юрием Васильевичем) не будет.

27 сентября

Вчера отметили Иринин день рождения. Борис Лукин приехал в Нижний и вечером был с нами. Сегодня уехал.

Сидел в Союзе писателей, в одиночестве правил вёрстку книги. Борис заехал проститься. С ним Ильдар Абузаров — молодой успешный, теперь уже московский писатель, хотя родом из Нижнего. Приятный в общении парень (однажды мы уже встречались) — улыбочивый, высокий, доброжелательный. Подарил им комплекты журналов, номера которых лежат в Союзе.

Пытаюсь обжить эту захламлённую, не обустроенную, не отремонтированную территорию. Но слишком пыльно, неуютно. И всё-таки, если заглядывать в перспективу, надо постараться.

29 — 30 сентября. Рыбалка

Поехали вдвоём с Шелеховым закрывать сезон. Весь сентябрь льют дожди. Сырость надоела. И во время рыбалки принимался моросить дождь.

Мы были на лодках во второй протоке (приехали в дальний лагерь). Георгий спиннинговал, но неудачно. Вернулся пустым. Я таскал краснопёрок и ахал от красоты, когда выглянувшее из-за туч солнце ненадолго освещало ближний берег, уходящий далеко вдаль. Какими только цветами осени он не играл. Внизу леса кустарники листья сбросили, но деревья стоят ещё пышные в осеннем убранстве. Заглядение! Тишина. И только редкое призывное карканье вороны, сидящей на пне посреди воды, громким эхом разносится по округе.

Начало темнеть. Перешли в ближнюю протоку. Здесь попал на место, где хорошо клевало. Увлёкся, хотя понимал — нужно пробираться к берегу. И вдруг среди тишины послышался приближающийся из леса шум. Дождь. На берег вышел изрядно промочившим куртку.

Спали в «Ниве». Георгий соорудил в машине великолепную кровать. На разложенные сиденья положил надувные матрасы, сверху толстое одеяло. Затем спальные мешки (мы в них залезли), и ещё укрылись тёплым покрывалом. Тепло, уютно, мягко. Мы на километры одни в лесу. Темень. По крыше машины стучит дождь. Георгий что-то рассказывает, а дремлю... засыпаю, затем очнусь и вновь засыпаю.

Встали с рассветом — выпавшиеся, бодрые. Небо затянуто, моросит дождь.

— Ладно, закрыли сезон. Поехали назад.

Георгий легко соглашается.

В дороге позвонил отец Владимир. Деньги за книгу в типографию перечислили. Вот и ещё одно доброе известие.

1 октября

Звонил Парпаре в Пятигорск. Дом Анатолий Анатольевич достраивает. Рассказал ему о готовящейся книге и о его интервью, которое хочу в неё поместить. Получил полное одобрение. На следующей неделе Парпара вернётся в Москву и текст интервью вычитает.

4 октября

Решил в пятницу провести правление в Союзе по поводу аренды Чугуновым помещений под библиотеку. Всех обзвонил. Последним был Шамшурин. Звонку моему он обрадовался. Говорили долго и о разном — о делах Союза (здесь пока всё невесело), о нижегородской исторической литературе (Карпенко, Костылёв), о наших взаимоотношениях.

— Я очень перед тобой виноват, многое в отношении тебя делал неправильно. Прости меня. Вот перед твоим звонком как раз думал о тебе.

И я попросил у Валерия Анатольевича прощение за то, в чём тоже по отношению к нему был неправ. В общем, покаяться друг перед другом.

Вот с этим чувством в душе и продолжать бы жить. Только кажется мне, что это у Шамшурина минутная слабость, а затем всё пойдёт по-прежнему. Во время разговора зашёл ко мне Коломиец. Дождался окончания и позвал к себе выпить коньяку. (Мне показалось, что вначале у него этого желания не было). Уже в кабинете рассказал, что премию Нижнего Новгорода ему не дали из-за Шамшурина. Тот «слюной брызгал» — так был против сборника стихов Алексея Марковича.

6 октября. лес

Утром домой позвонил Коломиец, предложил поехать за грибами. Собирали, объехав справа Большие Орлы. Повсюду следы торфозаготовителей — дренажные каналы, дороги. Погода хорошая, даже солнце проглядывало. Набрал ведро подберёзовиков с белыми (17 штук) — ходил вдоль заброшенной дороги. Впервые видел кучи собранных коряг, выкорчеванных пней — странное зрелище. Алексей Маркович сказал, что это материал для получения какой-то смолки. Но всё заготовленное оказалось невостребованным — и сгнило. Пнёшь ногой — разваливается в труху.

От Бора через Волгу плыли на пароме.

7 октября

Провёл правление в Союзе. Главный вопрос — аренда помещения для библиотеки Чугунова. Опять говорили о журнале и прочем. В завершении долго сидели с Шамшуриным и Селезнёвым. Ведь можем же, ничего не делая, по-доброму относиться друг к другу.

8 октября. кунавино

Поездка долгожданная и необходимая. Закрывал дом на зиму, убирал дрова.

Пока нас не было, умер сосед Юрий. 78 лет. После вредного производства повредил лёгкие, кашлял. И вот — простудился и умер. На местном кладбище у них уже свои могилы. Анна осталась одна. Но внуки у неё хорошие, помогут.

Отвёз меня в деревню Шелехов. День солнечный, так он с женой в лес сходил, грибы поискал. Когда ехали назад — попали в долгую пробку (а ведь суббота). Уже по дороге к мосту наблюдал огромную, растянутую стаю ворон (воронят) — тянулась, покуда глаз видел, вдоль дороги над лесом, слева. Что это? Готовились к перелёту, к зиме, учёба летать, миграция в город? Орнитологи знают, надо будет спросить.

Георгий заметил расстояние от деревенского дома: до дороги — 3 км; до Кировской трассы — 11 км.

9 октября

Пока стоит хорошая погода, Шелехов позвал в гараж, позаниматься моей доброй и терпеливой машиной. Привёз аккумулятор, бензонасос. Всё поставили. Я подкачал колёса, просушил плёнки, которыми машина покрыта. Завести не смогли, но двигатель «погоняли». На сцепке бы реанимировали, но я предложил оставить до весны. Зимой всё равно ездить не буду, а там посмотрим, как жизнь повернётся.

Вечером спектакль в учебном театре нашего театрального училища им. Е. Евстегнеева. Мюрисеп поставил с выпускным курсом «Прощание в июне» А. Вампилова. Спектакль цельный, и сами ребята почувствовали, что хорошо справились с материалом. Но... Из разговора с Александром Васильевичем, пока шли до площади Минина. Я: «Понимаю, почему эту пьесу у Вампилова поставили первой. Для того времени она была чрезвычайно остра». Мюрисеп: «В ней подняты вечные вопросы. Она будет современна всегда». Я: «Согласен».

Далее подумал, но не произнёс вслух: «Но поставлена она так, как будто рассказывает о 60-х годах прошлого века. Не найдено чего-то, что бы её вывело из времени прошлого в нынешнее. Её, как мне кажется, надо было какими-то ходами (внешними, внутренними акцентами) осовременить. И это первостепенная задача режиссёра».

15 октября

Вечером Ирина уехала в Москву, оттуда улетит на несколько дней в Турцию. Этот отдых организован от работы.

За прошедшие дни забрал готовые (обновлённые) документы из управления юстиции.

Шамшурин прочитал «Возвращение» и вроде бы книгу одобрил. Для меня это важно, что хоть кто-то высказал своё мнение. А то пишешь, работаешь — но всё будто в пустоту проваливается, из которой не доносится даже эхо.

Ломтев позвал в Саров на подготовленный им литературный семинар. Дал согласие, отослал свои данные для оформления пропуска. Наталья закончила вносить правку в вёрстку книги. Остались последние усилия — блок фотографий, обложка, оформление внутри книги.

Позвонил Мидову, попросил подобрать офорты, при этом подробно рассказал о содержании своей работы. Николай Павлович пообещал подумать, а вечером перезванивает и вновь всё спрашивает. Видимо, не запомнил, что я говорил. Возраст — восемьдесят лет почти, чего же тут удивительного.

Были ещё какие-то встречи, разговоры, звонки. Но всё проходящее... Да, вновь заезжал Лукин, сообщил (со слов Ильдара Абузарова), что Прилепин — свояк Суркову, главы администрации президента. Их жёны — сёстры. Верно ли это?.. Во всяком случае, неожиданная информация.

18 октября

Открылась выставка Виктора Ивановича Пурихова — в честь его семидесятилетия. В выставочном зале в четырёх «отсеках» его работы. Деревянная скульптура, камень, гранит, мрамор, гипс. После застолья с Володей Заногой ещё раз всё осмотрели и пришли в восторг. Кроме огромного труда сколько в его скульптурах точной пластики, глубоко подмеченных характеров, бытовых деталей. Всё выполнено в традициях (лучших) русской реалистической школы «живописи, ваения и зодчества». В его работах истинный интерес к людям, сострадание к ним, любованье их красотой, душевной щедростью.

Здесь же в залах выставленные работы Величко и Бурдастова. У первого хорошая школа, но и в живописи, и в акварелях он статичен, прилежен, но не хватает порыва, горения. Второй — удивительный живописец. Причём пишет и жанровые картины, и портреты, пейзажи и интерьеры. Заного меня с этим художником познакомил (он из Дзер-

жинска), но не думаю, что это знакомство будет иметь какое-то продолжение. Сфера интересов далека друг от друга.

19 октября

Из Железноводска позвонил Парпара. Домик он достраивает. Закрывает крышей. Теперь дело за окнами и дверями.

Правил кое-что в вёрстке книги. Перечитал две статьи и понял — всё написано плохо. Язык ужасен, мысли убогие. Но отказаться от книги сил нет. Пусть будет, как будет. Даже такая корявая память — всё-таки кирпичик в истории нижегородской литературы. Может, и пригодится возможным будущим её исследователям.

А вообще, главным образом, это книга обо мне. О других я рассказываю через себя, через своё восприятие, посредством собственной жизни.

20 октября

Продолжаем подолгу разговаривать с Шамшуриным по телефону. Всё больше и больше ищем точки соприкосновения. Предложил Валерию Анатольевичу опубликовать стихи, сопроводив их большим интервью в «Вертикали». Встречено с энтузиазмом. Договорились в ближайшее время встретиться, обсудить некоторые вопросы.

Дочитал присланную Валентном Курбатовым статью о Платонове. Замечательно. Мне кажется, что я о ней что-то читал в его переписке с Астафьевым.

21 октября

Зашёл со своей дочерью Володя Занога. Маша подарила мне этюд. Сели пить чай (у меня уже был Цветков). Зашёл Коломиец, зазвал к себе на рюмку коньяка. Далее всё как всегда.

С Цветковым прогулялись по улице Рождественской. В Союз должны были привезти детали стеллажей для книжного магазина. У «Скобы» встретили Тырданова с супругой. В комнаты Союза поднялись вместе. Виктор Константинович только закончил расписывать храм у старообрядцев. С оплатой обманули. Виктор же доработался до того, что заболело сердце.

Показывал фотографию росписи алтарной части — хорошо! Много рассказывал о своём детстве. Оказывается, родился в деревне на северном Урале. Глухомань. Рядом жили ненцы, оленеводы. Привозили по Оби репрессированных. В Горьком помогал вместе с Пуриховым скульптору Гусеву. Тот хотел и из Тырданова сделать ваятеля, но рисунок перевесил. В итоге стал живописцем. Сейчас семьдесят лет, но по сравнению с Пуриховым Тырданов выглядит старцем — окладистая седая борода, медлителен в движениях.

Заговорили об оформлении моей книги — нужен мой портрет, нарисованный карандашом. Согласился азартно, с желанием. «Вот только поправлюсь».

22 октября

Мидов Николай Павлович позвал к себе в мастерскую, чтобы показать отобранные для книги «Душа живая» офорты. Из пачки выбрал пять — два для обложки и три для титульных листов отдельных разделов. Надо бы продолжить нашу серию книг именно в оформлении работами Мидова. Получится узнаваемо и с художественной стороны достойно.

Позже говорили о портрете. И здесь встречено благожелательно. Но когда? Ведь надо ещё найти время, урвать его от другой работы — написания картины — иконы Серафима Саровского.

За чаем обсуждали скорбные дела в нашей Церкви. И к чему приведёт охватившее её служителей стяжательство.

24 октября

В драме фестиваль имени М. Горького открылся спектаклем Государственного академического Малого Театра «Дети солнца» в постановке А. Шапира. Перед этим наши местные актёры из драмы разыграли довольно смешной капустник (Гоголь, Островский, Толстой, Горький). Мюрисеп в роли Островского хорош — родовит, вальяжен. Блохин, как мог, «издевался» над Львом Николаевичем.

Спектакль Малого театра выше всех похвал. Но ведь и пьеса Горького даёт возможность расставлять разные акценты — в зависимости от времени, от времён.

Был на спектакле губернатор В.П. Шанцев(мы сидели на одном ряду). Выдержал до конца.

И всё-таки немного жутковато от предчувствий писателя. Ведь он не представляя, что ждёт всю эту русскую интеллигенцию впереди.

А что ждёт впереди нас?

26 октября

Пришли художники Виктор Тырданов и Альберт Данилин. Оба предварительно позвонили, и мы условились о встрече. Виктор хотел забрать фотографии для работы над моим портретом, Альберт принести свою книгу прозы, которая только что напечатана. А тут ещё Володя Цветков подошёл, и день у меня оказался потерянным. Бесконечные разговоры за чаем о Сталине и несправедливости сегодняшнего времени. Я не выдержал, ушёл на второй этаж и там сумел кое-что сделать, отправить по электронной почте.

Вернувшись в кабинет, всё-таки не выдержал и упрекнул своих гостей.

— Что же вы друг друга уговариваете. Убеждаете единомышленников. Идите проповедовать свою правду в народ.

Впрочем, разошлись мирно и по-доброму, довольные произошедшей встречей.

Вечером смотрел «На дне» в исполнении коллектива академического русского театра драмы республики Марий Эл. Это в рамках проходящего фестиваля. Тут уж и не знаю, что сказать. Полная невнятица и беспомощность. Очень слабый актёрский состав. Молодёжь, правда, поживее. Может быть, в будущем, они этот театр как-то и вытянут.

27 октября

В музей-квартире Горького Круглый стол в рамках проходящего фестиваля. Разговор состоялся довольно скучный, без каких-то интересных сообщений. Выступали: Шамшуринов, Рябов, Карпенко... Я упирал на органическое соединение в творчестве писателя социальных проблем и художественного осмысления воплощения происходивших процессов в русском обществе, на предвидение писателем (через художественные образы) наших будущих социальных катаклизмов.

До окончания заседания, которое проходило в мемориальной гостиной Горького, не досидел. Нужно было идти в мастерскую Мидова, поздравлять Николая Павловича с днём рождения (79 лет).

Когда пришёл, за столом уже пировали Климешов и отец Евгений Юшков. Затем подошёл и Тырданов. Тут уже разговор потёк не спеша — долгий, вдумчивый, разносторонний. Отец Евгений вскоре уехал, а мы засиделись допоздна. Вспоминали прошлое, говорили о вере, искусстве, живописи. Много в России талантливых художников. Тырданов и Климешов восхищались творчеством Юрия Беззубова. Виктор рассказал, как расписывал новый старообрядческий храм. Расстались ближе к десяти вечера. Николай Павлович показал мне большой офорт (перед уходом — я уже был одет) и сказал, что, когда его оформит, то подарит мне.

Дома звонок Аврутина из Минска. Срочно ему в журнал нужен мой рассказ странич на шестнадцать. В понедельник сдаёт номер в типографию. Но нового у меня ничего нет. Пошлю старое.

30 октября

Лукин приехал в Нижний окончательно распрощаться со своей квартирой — продаёт. Зазвал меня к себе, чтобы часть оставшейся мебели сбавить в Союз писателей. Пока сидели за чаем (после гуляния на улице), договорились до того, что будем вместе издавать газету. (У Бориса есть люди, готовые финансировать это дело). Но затем, на спокойную голову, в одиночестве, я понял, что мне это совершенно ни к чему. И успокоился...

А мебель Борис в Союз без моего участия переправил.

2 ноября

Утром звонок Виктора Буланичева из Бийска. Предложил с нового года войти в состав редколлегии «Бийского вестника» — хорошего альманаха, где наряду с местными авторами печатаются известные писатели — Курбатов, Михаил Тарковский. Конечно, это моё формальное присутствие в издании, но я с благодарностью согласился.

Получил долгожданную книгу от Валентина Яковлевича Курбатова — «Подорожник». Замечательно, с большим вкусом издана в Иркутске Сапроновым.

3 ноября

Пришёл Виктор Тырданов. Взял ещё фотографии для портрета.

— Не могу уловить образ. У другого есть какая-то особенность, например, большой нос, которую нарисуеть и портрет становится сразу узнаваем. А у тебя не могу уловить.

Принёс альбом своего друга — художника из Москвы (окончил наше художественное училище) Виктора Калинина. Я просмотрел его. Крупная, энергичная, большим мазком написанная живопись. Это не реализм в полном смысле слова, но жизнь, энергию её передаёт такая живопись мощнее и полнее, с большой гаммой переживаний. Жаль, не удалось поговорить. Позвонила Наталья, пришлось по телефону вносить правку в вёрстку, и Виктор ушёл.

Вечером у Татьяны Борисовны. Вспомнил своё давнее обещание и подарил ей свою фотографию. А мне Татьяна Борисовна сделала царский подарок — альбом с 200 гравюрами Густава Доре, изданный в конце 19 века в России.

Законченный макет книги отослал Лукину — для последнего чтения, или хотя бы внешнего прогляда.

4 ноября

В собор Александра Невского с Афона привезли пояс Богородицы. Ажиотаж вокруг этого события невиданный. Очередь в собор начинается где-то у бензоколонки.

В это время в Главном ярмарочном доме заседает — устраивает приём наша двойка (Медведев — Путин) — президент и премьер-министр с челядью. Тут же Патриарх и главы всех конфессий. Происходит награждение. Так и хочется всё это назвать пиром во время чумы. Народ валом валит к святыне, чтобы вымолить себе будущее в истерзанной разграбленной стране (и его, народ, в этой стране грабят безжалостно, обидают за всё невыносимыми ценами, налогами, поборами), а верхушка, не понимая ничего (или делая вид, что не понимает, потому что не в состоянии что-то изменить — настолько она коррумпирована, несамостоятельна), устраивает гуляния.

Как великое достижение двойка объявила, что ГАЗу выдают большой кредит. Но кому? Проворовавшемуся олигарху Прохорову, теперешнему

владельцу завода? И для чего? Оказывается, ГАЗ, снизив до минимума выпуск собственных автомобилей, будет выпускать западноевропейские. Так на благо кого выделены эти деньги, которые в поте лица будут отрабатывать несчастные русские мужики? И чему тут радоваться? Да и радости среди рабочих на заводе не сумели организовать. Ропот и раздражение в народе на пределе. Нет закона, нет справедливости, нет чести! И на кого в этой ситуации рассчитывает власть? На мерзкую полицию, у которой рыло в пуху? Да она разбежится прятаться по собственным норам при первых же народных волнениях, которые, я уверен, не за горами.

Всё повторяется: низы не могут, а верхи не хотят жить по-другому! Ситуация абсолютно революционная. При этом невиданных и неслыханных размеров воровство везде, где «живут» бюджетные, государственные деньги. И вот в этой ситуации спасёт ли нас чудо? Явит ли его Богородица? Ведь те, кто сейчас у власти — они же не изменятся, не в состоянии измениться!

5 ноября

Вот и начались минусовые температуры. Шёл по мосту к себе на работу — ветерок обжигает, гонит снежную редкую позёмку.

Вечером шёл обратно — на электрическом табло увидел минус семь.

Звонил Тырданову. Виктор вчера с супругой, чтобы попасть в собор Александра Невского, простоял пять часов.

Определился окончательно с содержанием 34-го номера. Тоже надо быстрее отдавать в типографию. Все сроки прошли.

6 ноября

Обзванивал авторов этого номера. Парпара в Москве. Буду давать его стихи, и как послесловие к ним — текст второй беседы. Анатолию Анатольевичу она больше первой нравится. «Получилась глубже». Мне же кажется более конкретной и раскрывающей литературный процесс.

Королёву (Смоленск) сообщил, что печатаю его повесть с сокращениями. Все эротические места (Потёмкин с Екатериной в карете и в бане) убрал. В «Вертикали» они совсем неуместны и выглядели бы инородными. Мы всё-таки издание целомудренное. На Смоленщине Потёмкину открыли памятник. Владимир обещает выслать фотографию, да, думаю, как всегда обманет.

Позвонил Шихову. Ким Иванович обрадовался. Он только что вернулся из деревни. Там прочитал последний номер «Вертикали» и пришёл в полный восторг. Хочет подписаться. Предложил ему подумать — какие из своих работ дать на обложку нового номера.

Позвал (Шихов) прийти к нему в среду («хоть на полчаса») в мастерскую и вместе выбрать. На том и расстались.

9 ноября

Гора с плеч! Закончена работа над книгой «Душа живая». Завтра макет уйдёт в типографию. Но уже сегодня все рабочие материалы выбросил в мусорный контейнер — так хотелось побыстрее освободиться от измучившей меня работы.

Тут следом и пришёл Виктор Тырданов. Читал свои заметки о художнике Калинине. Принёс посмотреть ещё один большой его альбом.

Вчера город завалило первым снегом (сегодня всё продолжилось), но по просьбе Мюрисепа пошёл к нему в театральное училище (большой зал), чтобы посмотреть готовый макет уже его книги рассказов о детстве. Кажется, что художник справился со своей работой достойно.

10 ноября

В мастерской у Кима Шихова. Пришёл в двенадцать и до позднего вечера. Смотрели работы, распили бутылку водки и разговаривали, разговаривали.

— Я так с тобой общаюсь, будто всю жизнь тебя знал, — вдруг, обращаясь ко мне, произносит Ким Иванович.

То, что я уже бывал у него в мастерской с Николаевым (когда он показывал только написанный портрет Валентина Арсеньевича — был ещё Шамшуриным с женой), Шихов не помнит. И вообще не помнит такой встречи.

Вид мастерской довольно запущенный. Помещение требует ремонта, но где взять денег. Получаемых в год 86 тысяч рублей (всего 100 — но вычитают налог) за Почётного гражданина города хватает только на оплату мастерской, пенсия мизерная. А ведь это удачливый художник. В мастерской работ не так уж много. В основном проданы в музеи, частным коллекционерам. Подарил мне Ким небольшой, но очень колоритный этюд. Я ему искренне обрадовался. Наговорил он мне множество добрых слов о журнале. В готовящемся номере напечатаю репродукции его работ.

11 ноября

Вот какая редкая дата. Число, месяц и год — всё совпало!

Щеглов позвал к себе. Он издал книгу (как собственный коммерческий проект) Эдуарда Кузнецова о шаржах. К тому же автору 70 лет. Пришлось идти, но собрался круг не близких мне людей. Я больше отмалчивался, а затем ушёл, не дожидаясь окончания застолья.

Ещё в самом начале встречи Геннадий у меня спросил:

— Мне сказали, что тебя прочтут в председатели Союза?

— Меня прочтут уже десять лет, — отмахнулся я от темы, которая неприятна.

А книжка получилась неплохой в виде альбома. Отпечатал её Игорь Преловский в своей типографии. Но Гена боится, что при реализации тиража Игорь его опять обманет — как было с книгой о свастике. Тогда Щеглов накопал об этом знаке много материалов из разных источников. Получился солидный том со многими иллюстрациями. И еврейское сердце Преловского не смогло пройти мимо доступной выгоды.

13 ноября

За последние недели «объелся» работой над книгой. Потому вчера лишь дочитывал «Подорожник» Курбатова, а сегодня (в воскресенье) заканчивал работу над № 34. Даю весь остаток воспоминаний испанца. По телефону вносили с Натальей правку в уже сформированный макет.

Вечером пошёл в драмтеатр. Давали «Доходное место». Мюрисеп хорош в этом спектакле. Да и вообще, постановка режиссёру удалась. Только в акцентах, как мне кажется, излишне осовременена. От этого теряется глубина образов. Естественная их человеческая глубина.

Домой ехали с Александром Васильевичем. Просит меня взять на себя 100 экземпляров его книги для распространения. Понимаю, чем он обеспокоен. Книга должна жить, уйти к читателям, а не лежать под кроватью бесполезным, мешающим жить хламом. Посоветовал ему, для распространения книги, провести поэтические вечера.

16 ноября

По приглашению побывал на конференции в музее-квартире М. Горького. Музей отмечает своё сорокалетие. Рассказали, как расселяли дом, кто сюда приезжал к Алексею Максимовичу, как устанавливали мемориальные доски (оказывается — доска Шаляпину работы Павла Гусева установлена только в 1995 году. А мне казалось, что Горькому и Шаляпину, обе доски из белого мрамора, с барельефами, всегда были вместе. Вот насколько обманчива память).

В тишине я прошёлся по музею. Работники практикуют удивительную вещь — приводят сюда детей из детского сада, проводят экскурсию, и затем дети играют в помещении музея. Замечательно. Такая па-

мять, такое приобщение к отечественной истории и культуре должны остаться у детей особой отметкой на всю последующую жизнь.

Посторонних гостей пришло всего несколько человек: Фигарев, Чижов, Познанский, я...

Тамара Александровна Рыжова сдала (видно, что сильно больна), а какой я её помню красавицей!

К чаю пришёл ссохшийся и скрюченный кинорежиссёр-документалист Юрий Беспалов. Главное его достижение в жизни (о чём он неустанно напоминает) — «его ученик» кинорежиссёр Александр Сакуров, который одно время трудился на местном телевидении в давние годы. Но где Сакуров, а где остался Беспалов. Впрочем, у него есть хорошие фильмы о Пушкине в Болдине (со Смоктуновским), о сносе памятника Минину, о Горьком...

Сюда же в музей мне позвонил из Архангельска Михаил Попов. В «Двине» вышла моя статья о письмах Павла Флоренского. Пришлёт.

В редакцию зашла Наташа Адрианова. Вся в работе над новой книгой воспоминаний о Юрии Андревиче. Рассказала новость — пошли анонимки в местное министерство культуры на директора музея Добролюбова.

Звонил Андрей Ребров. Срочно просит аннотацию на «Возвращение». Они у себя в «Родной Ладог» хотят книгу представить. Но я был просто рад звонку Андрея — добрый он человек. Жаль, что последнее время почти не видимся. Журнал его не кормит, приходится работать охранником. Но плохо, что уже многие годы совсем не пишет стихи. И вообще ничего не пишет.

Вечером шёл по мосту и увидел, что по Оке идёт лёд. Так рано и так непривычно. Морозов сильных ещё не было, а вот поди ж ты... Да и снег лёг как-то сразу, с первого снегопада. Или это в моём восприятии окружающего что-то безвозвратно меняется?

19 ноября

Как всегда долго разговаривал по телефону с Сергеем Щербаковым. Он позвонил с радостью — закончил повесть о матери, над которой работал два года. Далась повесть не просто, с болезнями во время работы. Зато сразу много радостей пришло к нему. Какой-то режиссёр снял о Сергее хороший фильм. («Когда умру, в этом фильме всё обо мне сказано»). Жена получила неожиданные деньги и на них купила ему новую машину, да ещё пообещала на остальные издать «толстую книгу».

Искренне я порадовался за Щербакова. Пусть хоть кому-то в этой жизни хорошо. А писатель он достойный, наших творческих и мировоззренческих кровей.

После разговора с Сергеем позвонил Лукину. Борис заканчивает борьбу с последствиями пожара, что внезапно случился у него в доме. Денег, нервов, физических и духовных сил всё это «выкачало» из него немеряно. Не знаю, как он во всём этом и выстоял-то. Не приведи Бог! Но уныния в голосе нет. Да и когда унывать, если двое детей рядом с тобой, которых надо растить, ставить на ноги.

20 — 21 ноября. толоконцево

У Георгия с Володей Цветковым. Ночь и день отдохновения. Смотрели по телевидению бой Фёдора Емельяненко, который он красиво выиграл. Утром баня. Проглядели несколько видеофильмов. Слава Богу — обошлось без всегдашних споров.

А вообще, это место согревает память о лете 2010 года. Кажется, что совсем недавно оно было (буквально вчера — я ещё слышу шелест тростника на берегу под палящим солнцем того лета), а вот уже минул год, и даже больше, под ногой, когда я шёл из бани (жаркий, распаренный), хрустит обледенелый, замороженный снег. И ветер порывистый, холодный, с лёгкой позёмкой. Солнца нет. Небо серое, сумрачное. Хотя в

баню оно раз через оконце заглянуло — и так радостно сразу стало. И ведь отчего?.. Но быстро ушло. И опять жарко и... одиноко. Вся наша жизнь — одиночество.

23 ноября

Речной вокзал. Теперь это офисное здание Волжской судоходной компании (или как-то так её новое, современное название), где на четвёртом этаже организован небольшой музей. Цветков, который тесно сотрудничает с ветеранскими организациями, пригласил на встречу, организованную речниками (ветеранами). Музей особого впечатления не произвёл. Экспонатов мало. Хотя такая долгая история у Волжской компании. Но перед тем, как войти в здание, постоял я, посмотрел на реку. После ночи она покрылась тонким ледком. На тёмной воде его не видно, но отошедший от пристани буксир словно звенел по бортам мелкими колокольчиками — так хрустела и ломалась о борта тоненькая корочка льда. Утро морозное, солнечное, а у меня на сердце тоскливо. Непрерывно ощущаю — как много моего времени минуло. Как многое ушло в воспоминания, в том числе и то, что происходило на этих берегах, на этой набережной.

Непостижимая, неуловимая сознанием тайна. Только сердце на неё откликается щемящим, неясным чувством — то ли жалости об ушедшем, то ли радости, что это ушедшее у меня было?

24 ноября

Зашёл в областную библиотеку на представление новой книги (очередного громадного, в 800 страниц, тома) стихов Марии Сухоруковой. Ещё у раздевалки услышал крик (неясный) — это Мария читает стихи. В зале выдержал минут тридцать. Всё та же компания — композитор Богданов с женой насочиняли на стихи Сухоруковой песни, которые исполняют опять всё те же — провинциальный бас, самодеятельные старушки-певушки. И бесконечные вирши Марии, которые она читает с криком, близким к истерике — о царе, Сталине, о поруганной России, о любви к Богу, с призывом к слушателям о покаянии. Сама в оригинальном костюме, в кокошнике со стразами (переливающимися в свете ламп). Но от всех этих деклараций, от призывов к объединению (при этом каждый тянет одеяло только на себя) уже не вытерпев, встал и ушёл. Противно своим присутствием подтверждать свою причастность к «маргинальной массовке».

Идя по центральному проходу, с удивлением увидел Шамшурина.

25 — 27 ноября. саров

При въезде в зону неприятно поражает вид (и внешний, и внутренний) пункта пропуска. Он напоминает зачуханную проходную какого-нибудь затрёпанного заводика времён «развитого социализма» — грязью под ногами, обшарпанными стенами, будками охраны, с грязным оргстеклом вместо настоящего стекла. Убожество!

Да и сам город не производит доброго впечатления. Впрочем, зима, дни стояли серые, промозглые, ветреные и слякотные. Потому лишь единожды два часа прогулялись по городу, зашли в собор Серафима Саровского. Да ещё побывали у часовни в деревне Балыково. Она тоже попала в зону, за колючую проволоку.

Семинары вели: из наших я, Карпенко, Ломтев, Селезнёв; из москвичей Николай Фёдорович Иванов (романы о Чечне — побывал там в плену, полковник в отставке — и Афганистане — участник той войны) и Александр Бобров (поэт).

На этот раз уровень участников был довольно профессионален — либо журналисты, либо авторы выпущенных книг (чаще всего самостоятельно) — потому и разговор происходил более интересный, чем в Сеченове.

Отдал свои книги Татьяне Криницкой. Как критик она резковата, явно тяготеет в сторону «демократической» современной прозы. Но на читана и мыслит самостоятельно.

Оставил здесь много «Верикалей». Хорошо, что не поленился и прихлопнул в Саров целый пакет разных выпусков. Что-то купили во время вечера в честь пятидесятилетия местного поэтического клуба «Радуга». Остальное оставил Ковшовым для распространения.

29 ноября

Правление Литфонда. Разговоры, которым нет конца. После всего остались с Хромовым. Всё-таки нужно объединение Союза и Литфонда. С нами это вполне возможно.

Жаль, что в конце всё-таки пили коньяк, водку, зашли в какое-то азербайджанское кафе на улице Алексеевской (уже чужая для русских территория — хотя внешне и не враждебная).

Завтра еду с Коломойцем в Москву. Звонил Строкин, вроде бы договорились о встрече в Союзе писателей.

30 ноября — 2 декабря. москва

Два дня ушло на дорогу. Ездили с Коломойцем на машине. Жили в «Измайловской».

Был в Союзе писателей. Отдал документы на приём Володи Цветкова, забрал «День литературы» со своими публикациями, встретился со Строкиным.

Прошёл в «Дом Пашкова». Там вручали Большую Литературную премию. Пришли: министр культуры Авдеев, председатель Счётной палаты Степашин, Татьяна Доронина, Валентин Распутин с супругой, Владимир Крупин... всё Союзовская тусовка. Ушёл, не дождавшись начала торжества. Ларионов позвал в мастерскую к скульптору Николаю Селиванову, и я поехал туда.

Совершенно не могу приживаться в больших (помпезных) торжествах — чувствую себя на них лишним, скучаю. Бегать и лезть на глаза к людям известным — мне унизительно, противно. А для другого, как оказывается, эти сборища и не предназначены. Если Крупин захотел со мной поздороваться, как и Гена Красников, так я с радостью на это откликнулся. Но главное, ушёл потому, что надо было встретиться с Танюшей. А в мастерской это удобнее — и её дожидаться, и ей прибежище скульптора показать.

Так и сделали. Танечка приехала довольно поздно, но на стариков произвела сильное впечатление — засуетились, обцеловали ей руку, непрерывно угощали тем, что стояло на столе.

Прощались мы с Танюшкой у гостиницы (она меня довезла) — разлука с мужем переживает, боится остаться одна.

4 декабря

Вчера получил первые пачки книги «Душа живая». Странно, но не испытал никаких признаков нетерпения, никакой радости. Что это? Приелось? Или слишком тяжело мне далась, а качество её мне самому не нравится?

Слишком тягостно, сумрачно вокруг. И ещё — нет понимания, для кого писать. Нужно отходить от публицистики. Этой книгой мне бы и хотелось поставить точку на теме воспоминаний.

А на улице весь день ветер, метёт снег. Были в Москве — там ни снежинки. У нас же хоть и холодов не было серьёзных, но зима, сугробики.

Ходил утром на спектакль в драму. Он вроде бы для детей, но далеко не детский — «Мурли» (инсценировка повести Анни Шмидт), о превращении кошки в человека.

Вечером позвонил Мюрисеп (он занят в этом спектакле), просил поделиться впечатлениями. Я начал рассуждать неохотно, но затем «разо-

релся» и много чего наговорил (это уже традиционно), чем и доставил Александру Васильевичу некоторое удовольствие. Мне всё в спектакле понравилось (декорации, музыкальное оформление, актёрский состав). Хорошо поработал режиссёр. Сюжетно (да и в образах отдельных действующих персонажей) всё завершено, продуманно, психологически точно. Единственное — спектакль этот, конечно, не детский. Показывать его надо вечером. Мюрисеп обещал это моё мнение кому-то передать.

Молодец Цветков. За один день взял рекомендации для вступления в Союз у Бенедиктова и Сухоруковой. Теперь дело за мной. Завтра всё подготавливаю к отправке в Москву.

7 декабря

Побывал у Шихова в мастерской. Ким прочитал мою книгу прозы, и все книжки «Верикали», что подарил ему в прошлый раз. Выделил «Кольку».

Много говорили о национальном вопросе, и тут полное совпадение взглядов. Рассказывал Ким Иванович о своей семье. Его отец в шесть лет был отдан в монастырь, из которого вышел в пятнадцать полным атеистом. О своей семье никогда не говорил, с родными не встречался. Служил в органах НКВД, но репрессий не избежал. Несколько лет до 1953 года (Ким уже учился в художественной академии) просидел в лагере. Потом его реабилитировали, восстановили в партии. Жену в молодости взял с тремя детьми (один затем умер). Позже родился Ким и ещё дети. Прежний муж матери много пил, и она о нём вспоминать не любила. Её старший сын в 18 лет ушёл на фронт и сразу погиб.

Заговорил Шихов и о моём портрете. Просит позировать. Вернее, хочет создать образ — при этом использую как-то «Кольку», мою охотничью одежду. В общем, в этом отношении у Кима что-то зреет. Я пообещал выполнить его просьбу.

На этот раз посмотрели картины, стоящие у стены... Есть очень хорошие пейзажи, несколько работ начатых, но не доведённых до конца.

8 декабря

Цветков передал вчерашний разговор с Коломийцем. Тот сильно обижен, что ему мало отведено места в репортаже с юбилея. И особенно — что в выступлении местного министра культуры М. Грошева я не процитировал хвалебные слова в его адрес. Боже мой! Каждый беспокоится только о себе. Тут жизнь кладёшь на общее дело, а они все всё пекутся о своём тщеславии, о его удовлетворении. Мелко и противно.

Впрочем, я же решил, что это последний номер, подготовленный в «Волгагеологии». Условий для работы здесь всё равно никаких нет. Пребывание моё многих раздражает, да и мне в душевную тягость.

Звонила Нина Ивановна из типографии. Предлагает напечатать журнал в долг. После некоторых колебаний согласился. Обязательства перед подписчиками надо выполнять.

9 декабря

Провёл правление в Союзе писателей. Были: Ломтев, Шамшури, Калинина, Киселёв. Рассказал о том, что сделано за прошедшее время. Но больше просто общались, говорили о прошедших выборах.

В Москве неспокойно. Вчера вечером звонила Таня. В центре города боевые машины, солдаты, в небе летают армейские вертолёты. Но по всем каналам в новостях об этом ни слова.

Клинтон (Хиллари) от лица США выборы не признала. Оппозиция вызывает через социальные сети людей на митинги. И действительно — недовольных масса. Но мне кажется, что за этими лидерами (Лимонов, Каспаров, Немцов, Касьянов) мало кто пойдёт. Уж слишком непривлекательные и подлые личности (кроме Эдуарда Лимонова).

После правления Шамшурина проводил меня до Рождественской церкви. Немного подморозило, мело снежком, и улица сверкала праздничными огнями. Как чистый снег всё преобразает. Вот так бы и в душах.

10 декабря

В гостях у Шелехова с Ириной. До этого в редакции встречался с Анатолием Пафнутьевым. Начинаю ощущать освобождение и от книги, и от журнала.

К Шелехову шёл знакомой дорогой — через речку, мимо завода Петровского. Подумал, что давненько тут не ходил... И почти ужаснулся, вдруг поняв, что с того времени прошло девять лет. Девять лет просто пролетело, как несколько дней. А что осталось?..

11 декабря

Собрались у меня в редакции помянуть Валентина Николаева. Минуло три года, как его не стало. Сатирическая, Климешов, Шестаков, Марахтанов (с этим традиционные проблемы — обвинение всех и во всём), Цветков.

С Шестаком под снегопадом шли пешком домой.

Вечером звонил Чугунов. Мою книгу почти всю прочитал. Понравилась очерки об Адрианове и Костине. И вообще, как мне показалось, этим изданием он остался доволен.

Одобрил и печатание в долг последнего номера «Вертикали».

14 декабря

Обживаю кабинет в Союзе писателей. Он мне всё больше и больше нравится. Расставили мебель Лукина, сегодня вымыли пол и подоконники. Сразу задыхалось легче.

Вчера у Гены Щеглова в старом Союзе с Цветковым встретили Шамшурина. Проболтали за чаем допоздна.

Книга Талановой готова. Строкин и Гарсия вроде бы хотят издавать её у меня. Журнал будет готов на следующей неделе. Вроде бы наметился какой-то выход из затяжного кризиса. Даже Цветков — и тот свою «городошную» книгу на этой неделе отдал в типографию. Удалось решить проблему финансирования.

За эти несколько дней в Союзе написал три заметки о книгах критиков (Курбатов, Огрызко, Бондаренко) и обзор 34-го номера для «Дня литературы». Разошёлся. Набираю сразу на компьютере. Будто новое дыхание открылось.

Приходил ко мне в редакцию Шихов. Принёс обращение нижегородского землячества в Москве по поводу юбилея ополчения Минина и Пожарского. Обещал ему напечатать. Поделится Ким самыми добрыми впечатлениями о прочитанной «Душе живой». Для меня это важно.

— Словно в те года вернулся.

Многих героев книги он близко знал (хвалял очерки об Адрианове, Николаеве, Кумакшеве), встал на мою сторону в полемике с художником Евгением Анатольевичем Расторгуевым об абстрактном искусстве и попросил принести почитать книгу Кодина — так его заинтересовала личность Михаила Ивановича. Сегодня же звонил Парпара. Книгу получил, перечитал пока только нашу беседу.

— Получилось достойно, спокойно, без выпячивания себя и обвинений кого-либо.

Ну, обвинения, пусть хоть и косвенные, в тексте всё-таки есть. Но такова правда литературной жизни. Во всяком случае, так она помнится Анатолию Анатольевичу.

15 декабря

Чижову 65 лет. Отмечали в Союзе. Шумно, много пустых разговоров, которые невыносимо раздражают. Пришлось убить на это целый день. А уйти не мог — нужно было закрыть комнаты, выполнять роль хозяина.

20 декабря

К Цветковой приехала его знакомая, которая финансировала издание книги «Православный вождь». Володя три дня был с ней — показывал город, музеи, возил в Ивановскую область к старцу Ионикию.

Вчера вечером чаёвничали у меня в редакции. Сегодня они тоже приехали, но ненадолго. Все вместе перебрались в ресторан «Минин и Пожарский» около гостиницы «Октябрьская». Там ужинали и заодно решили вопрос по публикации воспоминаний её отца у меня в «Вертикали».

Вывез тираж книги Талановой и половину тиража 34-го номера «Вертикали».

Говорил со Строкиным. Первоначальный макет его книги готов. С Гарсия об издании его книги воспоминаний тоже вроде бы решено. Замечательный документ времени — эти воспоминания. Наверное, я впервые с таким удовольствием буду работать над книгой.

И последнее — позвонила Татьяна Борисовна. У неё в соседях живёт моя родственница — троюродная сестра, родом из села Утка Гагинского района. Это по линии бабушки. Её девичья фамилия Сдобнякова.

23 декабря

Прислали ко мне молодого человека (Дмитрия Фаминского) с рукописью повести, с которой ознакомился и при встрече (поначалу он оставил на вахте в «Волгагеологии») сказал автору, что пусть это не ахти какое произведение, но в главной своей конструкции оно сделано и после серьёзной редактуры вполне может быть опубликованным. Даже и в нашем журнале. Дмитрий «загорелся» и вот сегодня (первый раз мы встречались в Союзе на улице Рождественской) пришёл ко мне в редакцию вновь.

С первого нашего разговора Дмитрий произвёл хорошее впечатление вдумчивостью, мягкостью, внимательностью, умением слушать, серьёзным отношением к литературному труду и желанием, чтобы его работу прочитали люди профессионально понимающие в литературе. К тому же по своему мировоззрению, рассуждениям он русский, православный, из старого священнического рода. Опять, и уже более откровенно, поговорили о сегодняшнем времени. Я согласился редактировать его повесть «Кладоискатели» и затем опубликовать её в «Вертикали». Как знать, может быть, этого автора мне Бог послал для помощи в работе (он занимается бизнесом) и для укрепления журнала молодыми здравомыслящими силами.

Пришла записка по электронной почте от Михаила Попова из Архангельска. Пишет, что наши статьи из «Двины» № 4, 2011 г. ксерокопируют, передают из рук в руки, цитируют на митингах. Моя статья в варианте редакции называется «Всеми есть предел». В оригинале — «Социальный бунт: возможен ли он в современной России».

24 декабря

Предварительно решён вопрос по изданию книг Анатолия Строкина, Дионисио Гарсии. Анатолий Андреевич передал Тане в Москве первоначальный аванс. На начало следующего года я работой обеспечен.

26 декабря

Метель! Вышли из Литературного музея с Карпенко, а снег так и ходит волнами, так и стоит маревом в воздухе. Пошли с ним по набережной до площади Минина. Там шквал ветра с ног сшибает. У Дмитриевской башни расстался. Когда шёл по мосту через Оку, то снега почти не было, но ветер!!! Я в дублёнке, укутался в капюшон — хорошо!!! Ветер треплет, а мне тепло.

В музее был на подведении новогодних итогов. Последние несколько лет они меня не приглашали. Но в этом году позвали. И я пришёл, чтобы подарить свои последние книги и номера «Вертикали» за 2011 год. Говорил в своём выступлении плохо, коряво, сделал выпад в сторону

чиновников (бездарных) от культуры, но всё от себя подарил. Для этого, собственно, и приходил.

Я понимаю, что чиновничество во всех странах и во все времена — племя мерзкое и продажное. Но в России оно совершенно нетерпимо и всё живое уничтожающее.

В конце вечера ребята (я так и не понял, откуда они — из театрального училища?) показали кукольный спектакль по сказке Горького «Воробышко». Милая, добрая постановка.

27 декабря

Мюрисеп получил свою книгу «Венец» в типографии. Пришёл ко мне поделиться радостью. Хорошее издание получилось. Даже моё предисловие ему не повредило. Хотя, причём тут оно.

Позвонил Чугунов. Закончил роман «Буря». Как всегда, считает его с художественной стороны совершенным. Думаю, что такая оценка от некоей эйфории от только что завершённой работы. Но вообще он создаёт свой художественный мир, и это важно. Романы о. Владимира для сегодняшнего, современного читателя не совсем обычны. Но это и есть их достоинство.

29 декабря

Всё началось с неприятности. Должен был приехать в Союз писателей Александр Ломтев, и тем самым совместить новогодний вечер с его днём рождения. На последнем правлении именно так решили по его же предложению. И вот — он не отвечает на звонки, люди собрались, и опять мне пришлось выкручиваться из ситуации — приехал на Рождественскую, собрал со всех по 100 рублей, пошли с Селезнёвым и Цветковым в магазин, Сатирская, Леонтьева и Калинина накрыли стол и так по-доброму, славненько посидели, повспоминали наших стариков. Коломийца я тоже пригласил. Он приехал, но холод между нами крепчает. Внешне никак не выражается, но оба это чувствуем.

31 декабря

Вечером ушёл из дома и ходил по городу более двух часов — прощался с 2011 годом. На улице морозно, тихо. Людей немного, даже пустынно на откосе, Ильинской слободе. Только на Покровке и площади Минина оживлённее и праздничнее. Но я прощался с годом без тяжести на душе. Он оказался непростым для меня. Тяжело было с деньгами. Мало писал, издал всего два номера «Вертикали». Правда, и задуманную книгу «Душа живая» выпустил. Но главное — какая-то добрая вера в душе, что в будущем всё будет хорошо. Откуда это чувство во мне — не знаю. Но так хорошо с ним жить, так спасительно. На 2012-й оказалось много переходящих дел (перечислять их здесь не стану) — и это добрый знак. Хочется трудиться, хочется совершить всё задуманное.